

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2021

№ 8 (620)

Август

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); М.А. Портной (ИСКРАН, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Сулян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогольская (заведующая редакцией); А.С. Степанов; Н.А. Счётчикова.

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт США и Канады РАН, 2021
© Редакция журнала «США & Канада»
(составитель), 2021

*Russian Academy of Sciences
Institute for the U.S. and Canadian Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2021

No. 8 (620)

August

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2021
© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2021

Содержание

2021, № 8 (620)

Давыдов А.Ю. Экономический цикл США в условиях пандемии.....	5
Манухин А.А. Политика США в отношении стран Северного треугольника как пример регионального подхода к оказанию внешней помощи	19
Израелян Е.В. Канадские консерваторы сегодня	39
Поздравление с юбилеем Е.К. Рогульской	51

Экономические обзоры

Меньшикова А.М. Перспективы развития торгово-экономических отношений США с ЕС при администрации Джо Байдена.....	52
---	-----------

В Институте США и Канады РАН (Конференция ИСКРАН и ИЛА РАН)

Рогов С.М. Американско-китайское противоборство и Россия.....	69
Лузянин С.Г. Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы.....	75
Давыдов А.С. КНР – США – Россия: факторы геополитического соперничества.....	81
Клименко А.Ф. Факторы стратегического партнёрства России и Китая: сдерживание США или провокация?.....	92
Волошина А.В. Китайско-американские отношения: эволюция с 2008 по 2021 г.	97

Сельское хозяйство

Коротких А.А. Основные каналы прямого сбыта сельскохозяйственной продукции в США.....	108
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2021, No. 8 (620)

Davydov A.Yu. The US Economic Cycle during the Pandemic	5
Manukhin A.A. The U.S. Policies towards the Northern Triangle Countries as an Example of Regional Approach to Providing Foreign Assistance	19
Issraelyan E.V. Canadian Conservatives Today	39
Jubilee Greetings to E.K. Rogulskaya	51

Economic Survey

Menshikova A.M. Prospects for the Development of Trade and Economic Relations between the United States and the EU under the Joe Biden Administration	52
--	-----------

At the Institute for the US and Canadian Studies (*ISKRAN-IFES RAS Conference*)

Rogov S.M. The U.S. – China Competition and Russia	69
Luzyanin S.G. Sino-American Relations after D. Trump: Assessments, Approaches, Prospects	75
Davydov A.S. PRC - USA - Russia: Factors of Geopolitical Rivalry	81
Klimenko A.F. Factors of Strategic Partnership Between Russia and China: Deterrence of the U.S. or Provocation?	92
Voloshina A.V. Sino-U.S. Relations: Evolution from 2008 to 2021	97

Agriculture

Korotkikh A.A. Major Direct Marketing Channels for U.S. Agricultural Products ..	108
---	------------

УДК: 338-12

JEL: E32, E44, F44

DOI: 10.31857/S268667300016019-0

Экономический цикл США в условиях пандемии

А.Ю. Давыдов

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3953-884x> e-mail: stulovo2@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются основные последствия пандемии COVID-19 для современной американской экономики. Анализируются основные теоретические подходы к исследованию современного экономического цикла. Оцениваются последствия денежной политики ФРС для восстановления финансового рынка США.

Ключевые слова: экономика США, пандемия, экономический цикл, экономическая депрессия, финансовые рынки, сбережения и инвестиции, финансовые потоки

Для цитирования: Давыдов А.Ю. Экономический цикл в условиях пандемии. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021; 51(8): 5-18.

DOI: 10.31857/S268667300016019-0

The US Economic Cycle during the Pandemic

Andrey Yu. Davydov

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3953-884x> e-mail: stulovo2@mail.ru

Abstract. This article analyzes the economic impact of the pandemic, providing insights into the consequences of alternative policies. Covid-19 is the largest shock to hit American economy since the Great Depression. Pandemic affects demand and supply, different sectors, different technologies, and different people. Pandemic has associated with economic crises and may have serious macroeconomic consequences. Thus, at current wages and prices, the demand for labor is likely to decrease. The consumption of certain goods and services during the pandemic, the relative price for goods and services affected by the pandemic will have changed dramatically. Today's effective demand will be reduced, and even more so if consumption of "pandemic affected goods and services" are complements of goods and services not directly affected, so the reduced consumption of the former leads to reduced demand for the latter. A section of the article reviews the major effects of modern business cycle. Author considers that further production fall will become a serious obstacle to the policy of American leadership. American economy is climbing out from the depths to which it had plummeted during the Great Lockdown in 2020. But with the COVID-19 pandemic continuing to spread, many countries have slowed reopening and some are reinstating partial lockdowns to protect susceptible populations. While recovery in China has been faster than expected, U.S. economy's long ascent back to pre-pandemic levels of activity remains prone to setbacks. The level of global GDP in 2021 is expected to be a modest 0.6 percent above that of 2019. The growth projections imply wide negative output gaps and elevated unemployment rates this year.

Keywords: U.S. economy, pandemic, economic cycle, economic depression, financial markets, savings and investments, financial flows

For citation: Davydov A.Y. US Economic Cycle during Pandemic. USA & Canada: economics, politics, culture. 2021; 55(8): 5-18. DOI: 10.31857/S268667300016019-0

ВВЕДЕНИЕ

В 2021 г. американская экономика постепенно восстанавливается после спада, произошедшего во II квартале 2020 г. в период самоизоляции. Однако в условиях продолжающегося распространения пандемии COVID-19 в США замедляется процесс снятия ограничений, вводятся частичные меры самоизоляции для защиты уязвимых групп населения. Всё это не способствует решению существующих хозяйственных проблем.

Пандемия 2020 г. крайне негативно отразилась на мировой экономике. Оценивая последствия глобальной эпидемии, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш сравнил её с «пятым всадником апокалипсиса». «Мы столкнулись одновременно с эпохальным кризисом здравоохранения, крупнейшей экономической катастрофой и потерей рабочих мест со времён “Великой депрессии”» [1], – сказал он, выступая на общеполитических дебатах 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2020 года.

Администрация Трампа пыталась решить хозяйственные проблемы, опираясь на традиционный для либеральной экономики принцип – «крупный бизнес должен спасти себя сам». Одобренный Конгрессом пакет спасения в 2 трлн долл. получил название «вертолётных денег» (*helicopter money*) [2], поскольку администрация раздавала деньги гражданам США, как бы сбрасывая их с вертолёт. Таким образом, предполагалось стимулировать потребительский спрос и оживить национальное производство. Однако заметного оживления американской экономики не произошло: по оценкам Международного валютного фонда в 2020 г. валовой национальный продукт США снизился на 4,3% [3].

Администрация Байдена в январе 2021 г. предложила свою стратегию ответа на COVID-19 [4]. Пакет спасения состоит из четырёх основных пунктов: прямая помощь малоимущим, выплаты на детей, пособия по безработице, кредиты малому бизнесу для выплаты зарплаты и аренды.

В других странах, например в Китае, хозяйственное восстановление происходит быстрее чем ожидалось. Однако восхождение мировой экономики к уровням экономической активности, существовавшим до пандемии, чревато многими проблемами. Одной из проблем является совпадение пандемии с понижительной фазой среднесрочного и долгосрочного циклов деловой активности.

Можно предположить, что экономический спад в США вызван не только пандемией, но и замедлением инвестиционной активности, снижением нормы сбережений в валовом продукте, отсутствием значимых драйверов экономического роста. В этом случае выход из экономического спада, по-видимому, будет достаточно длительным и потребует от администрации Дж. Байдена серьёзных усилий.

КЛЮЧЕВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Пожалуй, ключевой экономической вызов, с которым столкнулась администрация Байдена, – высокий уровень безработицы и необходимость выплаты социальных пособий. В условиях пандемии многие важные для Америки сферы производства и услуг были вынуждены увольнять своих работников. Безработица в США достигала пика в период самоизоляции. В марте-апреле 2020 г. 38 млн американцев не имели постоянного заработка. В этот период количество еженедельных обращений за социальными пособиями достигало трёх миллионов.

Нынешний экономический кризис сравнивают с «Великой депрессией» 1929–1933 гг. Если говорить о безработице, то её масштабы сейчас всё же существенно меньше. В 1933 г. доля американцев, не имевших работы, достигала 25% трудоспособного населения. В декабре 2020 г. этот показатель составлял 6,7% (хотя в апреле-марте 2020 г. он был вдвое выше). Тем не менее, и современные индикаторы рынка труда заметно превышают общепринятые критерии национальной экономической безопасности (5,5%).

Безработица в США носит структурный характер. Не имеют постоянного заработка многие представители этнических меньшинств – эмигранты из Латинской Америки и местные афроамериканцы. Высок уровень безработицы среди молодёжи. Если говорить об отраслях экономики, то в период кризиса потеряли работу многие американцы, занятые в автомобильной промышленности, авиационных перевозках, в сфере туризма. Увеличился разрыв в оплате труда среди работников разного уровня квалификации.

Для того чтобы уменьшить безработицу, нужно стимулировать экономический рост в стране, создавать новые, хорошо оплачиваемые рабочие места. Для ускорения роста валового продукта нужна эффективная институциональная среда, низкие проценты по кредитам, взвешенная денежная политика. А главное – необходимо победить эпидемию COVID-19, чтобы отказаться от режима самоизоляции, вернуть людей на рабочие места, снять ограничения в логистике.

Интенсивный экономический рост предполагает увеличение объёмов выпуска товаров и услуг благодаря росту производительности труда, применению эффективных технологий и форм организации бизнеса. При этом наблюдается качественная трансформация факторов производства, происходит ускорение научно-технического прогресса. Технический прогресс стимулирует серьёзные социальные преобразования в обществе (повышение качества жизни, рост ассигнований на науку, культуру, здравоохранение).

Новой администрации США будет непросто выйти на траекторию устойчивого экономического роста. Для стимулирования производства товаров и услуг экономические регуляторы обычно используют денежные и налоговые рычаги. Администрация Трампа в 2017–2019 гг. осуществила налоговую реформу и снизила налоги до разумного минимума. Процентная ставка Федеральной резервной системы (ФРС) в 2020 г. была зафиксирована на нулевой отметке, коммерческие банки предлагают кредиты по невысоким ценам. Кроме того, необходимы новые драйверы, перспективные направления экономического роста, которые

смогут дать бизнесу хорошую прибыль. Новая администрация США пока не может предложить интересных идей для восстановления экономики.

Одним из ресурсных источников экономического роста в США мог бы стать государственный бюджет. Однако традиционной проблемой американской экономики является несоответствие потребностей страны и возможностей их бюджетного финансирования.

Американскую бюджетную модель принято считать либеральной, поскольку государство перераспределяет примерно пятую часть валового продукта. Это меньше, чем в «социально ориентированных» бюджетах европейских стран. Исходя из умеренных масштабов перераспределения, обычно делается не вполне корректный вывод о слабом влиянии администрации США на экономические процессы в стране и недостаточную социальную ориентированность бюджета.

Обычно республиканские администрации США старались сократить социальные расходы. Дональд Трамп в первые годы управления страной пытался урезать расходы на здравоохранение и социальные выплаты. Однако пандемия COVID-19 внесла коррективы в политику республиканской администрации: в 2020 г. заметно выросли расходы на вакцинацию населения и поддержку госпиталей, выплаты пособий по безработице и для поддержания уровня жизни.

Демократические администрации (Обамы, Клинтона и др.), как правило, увеличивали расходы на социальные нужды, особенно на здравоохранение. Президент Байден в своих предвыборных программах также обещал акцентировать внимание на социальных проблемах и здравоохранении. Практическое выполнение этих обещаний потребует солидных денежных расходов. Отметим, что до начала пандемии на долю социальных расходов, включая программы медицинского обслуживания «Медикэр» (Medicare) и «Медикейд» (Medicaid) приходилось более половины федерального бюджета США. В 2020г. эти расходы существенно возросли, по предварительной оценке, они составили 748 млрд долл. [5] (это без учёта программ «Медикэр» и «Медикейд»). Иначе говоря, только прямые затраты на здравоохранение заметно превысили американские затраты на национальную оборону.

На военные нужды администрация США всегда выделяла серьёзные денежные средства. В 2020 г. на долю Министерства обороны приходилось 11% расходной части федерального бюджета и, по-видимому, при администрации Байдена эта цифра будет расти.

Кроме того, бюджетно-налоговая политика всегда использовалась для стимулирования хозяйственного роста и поддержки корпоративных структур. Иначе говоря, федеральный бюджет США всегда являлся мощным рычагом государственного регулирования экономики.

Частично сбалансировать федеральный бюджет администрация Байдена могла бы посредством существенного увеличения бюджетных доходов. К такой мере традиционно прибегали демократические администрации прошлых лет.

Бюджетные доходы обеспечиваются подоходными и корпоративными налогами. При этом значительная часть американского бизнеса уходит от налогообложения, фиксируя нулевую прибыль, или убытки. Президент Байден в своём

обращении к Конгрессу 28 апреля 2021 г отметил, что 55 крупнейших американских корпораций в 2020 г не платили налоги в федеральный бюджет [6].

Эффективная налоговая политика позволяет стимулировать экономический рост и развитие бизнеса, а потому является одним из методов государственного регулирования. Политика снижения налоговых ставок для крупного и среднего бизнеса, использование налоговых льгот и ускоренной амортизации для стимулирования инвестиций в передовые технологии вошли в число наиболее эффективных средств государственной экономической политики, направленной на обеспечение высоких темпов роста экономики и изменение её структуры в русле научно-технического прогресса.

Каждая новая администрация обычно вносит коррективы в существующую налоговую систему. Трамп в 2017 г. существенно снизил корпоративные налоги для бизнеса, это способствовало экономическому оживлению в стране. Налоговая система США достаточно эффективна, но при новой администрации она будет подвергаться определённому пересмотру и модификации с учётом меняющихся экономических требований. Виды взимаемых налогов, их ставки и величины налоговых сборов распределены между уровнями власти таким образом, чтобы обеспечить потребности бюджетов, содействовать эффективному функционированию рынка, не возлагая чрезмерного бремени на бизнес.

В 2021 г для решения бюджетных проблем администрация Байдена предложила увеличить подоходный налог для наиболее обеспеченных американцев, имеющих доходы свыше 400 тыс. долл. в год. Налоговая ставка для богатых граждан США составит 39,6% всех полученных за год доходов. Конечно, такая мера вряд ли добавит популярности действующему президенту в среде американского истеблишмента.

Мероприятия по сокращению расходов государственного бюджета должны бы занять важное место в экономической политике администрации Байдена. Однако во время предвыборной кампании президент принял на себя серьёзные социальные обязательства, которые могут потребовать дополнительных бюджетных ассигнований. А это лимитирует его возможности уменьшить бюджетный дефицит.

В последние десятилетия именно администрации демократов потворствовали росту бюджетных расходов, имевших социальную направленность. Наиболее существенные дефициты федерального бюджета наблюдались при администрациях Клинтона и Обамы. Республиканская администрация Дж. Буша-младшего сумела добиться профицита федерального бюджета, благодаря росту налоговых доходов. Администрация Трампа снизила налоговую нагрузку на бизнес, и поэтому бюджетные проблемы решить не удалось.

Экономическая практика показывает, что для устранения бюджетного дефицита, кроме усилий со стороны государства, необходим выход экономики на траекторию высоких темпов роста, обеспечивающих значительное повышение доходов и связанных с ними налоговых поступлений.

Особенностью бюджетной позиции 2020 г. стала огромная задолженность граждан и корпорации по уплате налогов в федеральный бюджет. Объем налоговой задолженности существенно вырос.

В 2020 г. доходы федерального бюджета США составили 3 420 млрд долл., существенно меньше, чем в 2019 г. В то же время бюджетные расходы достигли 6 561 млрд долл., на 2 трлн долл. больше, чем годом ранее. На увеличение расходов повлияла массовая вакцинация населения США и выплаты социальных пособий. В 2020 г. дефицит федерального бюджета США составил 3 131 млрд долл., или 14% валового продукта страны. В ближайшие годы опережающий рост бюджетных расходов, по-видимому, сохранится.

Дефицит федерального бюджета создаёт серьёзную проблему для администрации Байдена. Ключевой вопрос состоит в том, как профинансировать расходы, не увеличивая уровень инфляции? Традиционным для США способом покрытия бюджетного дефицита является эмиссия государственных долговых ценных бумаг (treasury bonds), которые предлагается купить потенциальным инвесторам. В качестве инвесторов выступают крупные коммерческие банки, финансовые институты, зарубежные страны. В 1980-е годы основным покупателем американских государственных бумаг была Япония, позднее эту миссию взял на себя Китай. Министерство финансов РФ и Банк России до 2019 г. тоже наращивали вложения в эти активы.

В период пандемии возникла проблема сбыта казначейских векселей, так как их предложение превысило спрос. Один из потенциальных рисков, угрожающих пирамиде американского долга, заключается в «выходе» основных кредиторов США из казначейских облигаций.

Банк России, отвечая на американские санкции, в 2019–2020 гг. продал почти все американские государственные облигации. Китай для оживления национальной экономики нуждается в реальных деньгах и может использовать для этого накопленные резервы американских государственных облигаций [7]. Рассчитывать на высокий спрос на американском финансовом рынке не приходится: потенциальные инвесторы предпочтут вложения в подешевевшие корпоративные бумаги реального сектора, например, «Боинга» или нефтяных компаний.

Выкупать эмитированные Казначейством облигации будет Федеральная резервная система США. В 2020 г. активы ФРС выросли с 4 312 млрд долл. в марте до 6 957 млрд долл. в августе [8]. В 2021 г активы ФРС превысили 7 трлн долл. Вложения ФРС в казначейские векселя составили 62% активов ФРС. Для покупки активов резервная система США эмитирует безналичные доллары. А это ведёт к увеличению денежной массы в стране и может сопровождаться рядом негативных экономических эффектов, в частности усилением инфляции [9].

Нежелательность дальнейшего роста государственного долга очевидна, и администрации Байдена придётся решать эту проблему.

К началу 2021 г. экономические власти США фактически исчерпали ресурсы для стимулирования хозяйственного роста. Решать копившиеся годами проблемы придётся новой администрации США. Этому может препятствовать цикличность развития американской экономики.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Современная экономика развивается циклически, при этом циклы имеют разную продолжительность. Наиболее известен среднесрочный цикл деловой активности. Чтобы понять, на какой фазе цикла находится экономика, нужен специальный анализ, позволяющий отбросить случайные и кратковременные изменения и вычлениить главные, магистральные.

Аналитические институты США достаточно давно занимаются изучением экономического цикла. Летом 1937 г., когда экономика США, ещё не оправившись после «Великой депрессии» 1929–1933 гг., входила в новый кризис (1937–1938 гг.) министр финансов США Генри Моргентау обратился в Национальное бюро экономических исследований (*National Bureau of Economic Research – NBER*) с просьбой составить список показателей, которые бы заблаговременно и лучше других фиксировали окончание спада. Работа была выполнена Уэсли Митчеллом, директором исследований *NBER* и известным специалистом в изучении экономического цикла, а также Артуром Бернсом, ставшим впоследствии директором Национального бюро экономических исследований. Митчелл и Бернс отобрали 21 показатель, который должен был сигнализировать об изменении конъюнктуры. Летом 1938 г. они показали выход американской экономики из кризиса и, таким образом, успешно выдержали первую проверку. В последующем список показателей, позволяющих отслеживать динамику экономической активности, не раз изменялся. Митчелл исследовал природу экономических циклов, в 1920–1945 гг. был первым директором Национального бюро экономических исследований, которое в тот период было ориентировано на сбор и классификацию фактических данных об экономических процессах, не претендуя на оценку экономической политики государства и разработку рекомендаций для него.

В послевоенный период работа в этой области проводилась в Национальном бюро экономических исследований под руководством Джеффри Мура: были выделены лидирующие показатели, то есть предсказывающие изменение конъюнктуры, совпадающие с динамикой конъюнктуры и отстающие от неё.

В настоящее время к числу лидирующих показателей относятся:

- средняя продолжительность рабочей недели;
- количество обращений за пособиями по безработице;
- индекс курсов 500 обычных акций «Стандард энд Пур»;
- денежная масса (M2) и ряд других.

В США индексы экономической конъюнктуры, в частности лидирующие показатели, рассчитываются и публикуются Министерством торговли, Центром по исследованию мирового экономического цикла в Колумбийском университете, Национальной ассоциацией управления закупками. Аналогичные индексы деловой активности рассчитываются, помимо США, и для других индустриальных стран, в частности Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Индексы и их составляющие публикуются в периодических изданиях США (*Survey of Current Business, Business Condition Digest*), Великобритании (*Economic Trends*), Японии (*Japanese Economic Indicators*).

Таблица

Инвестиции в оборудование и программное обеспечение в 2001–2020 гг.

Годы	Прирост, %	Годы	Прирост, %
2001	4,8	2011	3,8
2002	4,8	2012	5,0
2003	4,7	2013	5,8
2004	4,5	2014	4,7
2005	4,5	2015	4,8
2006	4,5	2016	4,0
2007	3,6	2017	5,1
2008	2,0	2018	8,2
2009	-1,0	2019	6,8
2010	1,4	2020	3,0

Рассчитано по: Table B-18: Total and per capita disposable personal income and personal consumption expenditures, and per capita gross domestic product, in current and real dollars, 1969-2020. 2021. Economic Report of the President 2021. Available at: <https://www.govinfo.gov/app/details/ERP-2021/ERP-2021-table18> (accessed 20.03.2021).

Для того чтобы оценить развитие современного экономического цикла, целесообразно проанализировать, как изменились инвестиции в оборудование за последние 20 лет (см. табл.). Мы будем рассматривать средние показатели за девять лет. Этот метод, получивший в экономической статистике название «скользящей средней», необходим для того, чтобы устранить конъюнктурные и сезонные колебания. В США в 2000–2020 гг. прирост частных инвестиций в основное оборудование и программные продукты был невысоким, в среднем за период он составил всего 4,9%.

Если рассмотреть годовые приросты частных инвестиций в основное оборудование и программные продукты, то мы заметим снижение инвестиций в 2001–2002 и в 2008–2009 гг. (кризисные годы), и последующий рост в 2011–2018 гг. (за исключением 2016 г., когда инвестиции снизились на 2,5%).

Поскольку материальной основой современной экономики являются инвестиции в компьютерное и сетевое оборудование, рассмотрим динамику этого индикатора. Средний прирост вложений в IT-оборудование, рассчитанный по методу 9-летней скользящей средней, составил в 2000–2010 гг. 2,9%, а в 2011–2020 гг. – 3%. При этом в 2016 и 2019 г. (то есть до пандемии COVID-19) прироста инвестиций в информационное оборудование не было вовсе, показатели были на нулевой отметке.

Если исходить из постулата, что именно информационные технологии являются одним из драйверов экономического роста в США, а компьютеры и периферийное оборудование имеют очень короткий период амортизации, то, видимо, можно говорить об затяжной депрессии американской экономики в рамках «большого» (кондратьевского) цикла.

Невысокие темпы роста инвестиций в машины и оборудование связаны с уменьшением сбережений в национальном доходе США из-за увеличения национального потребления. Быстро растёт потребление различных групп населения, правительственных структур, корпораций.

При этом именно национальные сбережения являются основным источником частных внутренних инвестиций для страны. Соответственно, снижение нормы сбережений в национальном доходе ограничивает внутренние инвестиции и в конечном счёте способствует экономическому спаду и затяжной депрессии.

Устойчивое падение доли частных инвестиций в национальном доходе США особенно заметно в последние 10 лет. Пиковый показатель (4,1%) наблюдался в 2014 и 2015 гг., а в 2016-2019 гг. в среднем доля сбережений в национальном доходе США составила всего 2,3%, при этом самый низкий показатель был в 2019 г. Таким образом, можно констатировать постепенное затухание инвестиционной волны в последние 10 лет, и это вызвано вполне объективными причинами.

Экономический цикл сопровождается серьёзными структурными изменениями в американской экономике. Ключевая тенденция структурных сдвигов в национальном хозяйстве США – это динамичный рост сферы услуг. До 2019 г. наиболее высокими темпами росли продажи недвижимости. Активно развивался финансовый сектор экономики, особенно продажи ценных бумаг. Отрасли, связанные с обработкой массивов информации, до последнего времени старались не уступить своего лидерства.

В 2019 г. на долю сектора услуг приходилось 69,8% добавленной стоимости валового продукта Соединённых Штатов. При этом доля услуг, связанных с обработкой информации, составляла 5,2% ВВП США (в 2000 г. было 4,6%). В то же время на финансовые и страховые услуги, а также сервисы по продаже недвижимости приходилось 20,9% ВВП, на профессиональные и бизнес услуги – 12,5%, на оптовую и розничную торговлю – 12,4%.

Справедливости ради необходимо отметить, что, несмотря на скромные темпы прироста инвестиций в компьютерное оборудование, информационный сектор американской экономики развивался более динамично, чем традиционные направления экономической деятельности. В 2016–2020 гг. добавленная стоимость информационных услуг увеличивалась в среднем ежегодно на 7,7% [10]. Это существенно больше темпов роста в других сегментах американской экономики.

Выход американской экономики из депрессии и переход к новой фазе экономического подъёма требует значительного прироста инвестиций. Для того чтобы увеличить национальное производство и экспорт, американским корпорациям необходимы дополнительные финансовые ресурсы. Получить дополнительные ресурсы можно путём увеличения выпуска корпоративных ценных бумаг (акций, облигаций, других финансовых инструментов). Однако бесконтрольная эмиссия корпоративных финансовых инструментов имеет пределы. На пике экономического подъёма совокупная стоимость ценных бумаг уже не соответствует объёмам корпоративных продаж и возможностям платёжеспособного спроса. Финансовый пузырь сдувается, экономика переходит в фазу экономического спада и депрессии.

Экономический цикл оказывает заметное воздействие на финансовый рынок США. Спрос на финансовые ресурсы во многом зависит от уровня деловой активности в стране. Увеличение потребления различных товаров и услуг требует расширения их предложения, а значит дополнительных вложений капиталов, трудовых и интеллектуальных ресурсов.

Статистические данные за последние 20 лет показывают, что спрос на инвестиции со стороны американских компаний во многом зависит от фазы экономического цикла. В периоды оживления деловой активности масса финансовых ресурсов, привлекаемых корпорациями, динамично возрастает. В периоды спадов спрос на инвестиции сокращается или растёт очень невысокими темпами.

Больше других в кризисные периоды страдает банковский сектор. Поскольку корпорации оказываются не в состоянии погашать взятые кредиты, спрос на заёмный капитал резко сокращается. В III и IV кварталах 2020 г. коммерческие займы корпораций у американских банков снизились на 20% и 22% соответственно [11]. Однако благодаря поддержке ФРС это не привело к массовому банкротству кредитных организаций.

В кризисные периоды корпорациям требуется определённый приток денежных средств. Поэтому в период спада возрастает объём финансовых ресурсов, привлекаемых через первичную эмиссию корпоративных ценных бумаг (*IPO*). То есть в трудные годы именно через фондовый рынок американские компании компенсируют уменьшение объёмов банковских займов. Отметим, что именно финансовая модель Соединённых Штатов в наибольшей степени ориентирована на привлечение ресурсов через рынок ценных бумаг.

При этом нужно признать, что привлечение денежных ресурсов через фондовый рынок требует значительных издержек. Корпорациям приходится готовить и регистрировать в Комиссии по ценным бумагам проспекты эмиссий, проходить процедуру листинга на биржах. Эти процессы сопряжены с финансовыми затратами.

Привлечение средств через дополнительную эмиссию акций заметно размывает уставной капитал, а это может привести к потере контроля над бизнесом. Кроме того, дополнительные эмиссии акций ведут к снижению котировок обращающихся на рынке акций, капитализация компании уменьшается. Корпоративные облигации конкурируют с государственными ценными бумагами, при этом надёжность последних в кризисные периоды выше.

Количественно оценить оптимальное соотношение спроса и предложения на денежном рынке США, по-видимому, невозможно. Уровень предложения денежной массы в американской экономике определяется Советом управляющих Федеральной резервной системы на основе достаточно сложных математических моделей. При этом считается, что уровень предложения наличных и безналичных денег в обращении должен быть выше спроса, дабы не сковывать развитие бизнеса. В 2020–2021 гг. темпы прироста денежной массы в американской экономике существенно опережали показатели прошлых лет.

Спрос на деньги существенно изменяется в зависимости от экономической конъюнктуры. Можно констатировать, что в конце фазы экономического подъёма и в начальной стадии экономического спада спрос на денежном рынке заметно увеличивается, достигая наивысших отметок. В периоды спада и депрессии спрос на деньги заметно снижается. В результате коммерческие банки вслед за Федеральной резервной системой вынуждены снижать процентные ставки до минимума, чтобы стимулировать спрос и поддержать рынок.

На этих практических наблюдениях базируются ключевые постулаты теорий государственного антикризисного регулирования. Теории государственно-

го регулирования получили в США наибольшую популярность в период «Великой депрессии» 1930-х годов, а также в 1970-е годы, когда снижение национального производства сочеталось с высокой инфляцией. В то время для обозначения этих процессов появился даже такое понятие как «стагфляция».

Все современные антикризисные теории в той или иной степени основаны на экономических работах Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946). Кейнс и его последователи не использовали эконометрические методы, но призывали активнее использовать кредитно-денежную политику государства для смягчения последствий спадов и депрессий.

Современная денежная политика Федеральной резервной системы США в очень большой степени ориентирована именно на кейнсианские постулаты государственного регулирования. Для облегчения экономического бремени корпораций и банков Федеральная резервная система в 2020 г. снизила учётную ставку для первоочередных заёмщиков практически до нуля. Иначе говоря, крупные коммерческие банки могут брать беспроцентные займы у ФРС и кредитовать бизнес под низкий процент. В конце 2020 г. и в начале 2021 г. это способствовало некоторому оживлению американской экономики.

В конце апреля 2021 г. состоялось очередное заседание Комитета по открытым рынкам Федеральной резервной системы, по итогам которого было принято заявление, декларирующее цели современной денежной политики США. В заявлении говорится: «Комитет решил сохранить целевой диапазон ставки по федеральным фондам в диапазоне от 0 до $\frac{1}{4}$ процента и считает необходимым поддерживать этот диапазон, пока рынок труда не обеспечит полную занятость, а инфляция не вырастет до 2%. Кроме того, Федеральная резервная система будет увеличивать покупки казначейских ценных бумаг на 80 млрд долл. ежемесячно, а также покупки бумаг ипотечных агентств на 40 млрд долл. в месяц до тех пор, пока не будет достигнут прогресс в обеспечении полной занятости и указанных ценовых ориентиров» [12]. Трудно сказать, насколько успешной окажется такая политика и приведёт ли она к заметному снижению показателей безработицы в США.

Большинство современных экономических теорий склонно преувеличивать значение крупных корпораций в экономическом развитии и в то же время недооценивать роль обычного населения. В США в последние два десятилетия отчётливо прослеживается тенденция растущего участия рядовых американцев в функционировании финансового рынка. Если в начале 2000-х годов доля вложений населения в различные денежные активы составляла около 10%, то в 2020 г. в период спада американцы инвестировали в финансовые инструменты уже более 20% располагаемых доходов [5].

Теоретически приток средств населения на финансовый рынок должен изменяться циклически: достигать максимума на пике экономического подъёма и снижаться до минимума в период кризиса и депрессии. Однако, как видно из приведённых цифр, объём сбережений, направляемых инвесторами на финансовый рынок, в последние годы почти не зависит от фазы экономического цикла.

Американцы активно используют банковские кредиты, особенно в периоды экономической нестабильности. В 2019–2020 гг ежегодный прирост задолженности по

банковским кредитам гражданам США достигал 10–12% [5]. Динамика заимствований на кредитном рынке также слабо коррелирует с фазами хозяйственного цикла.

Своеобразие современной ситуации на финансовом рынке США заключается в активной экономической политике государства, которое в последние годы выступает в качестве крупнейшего заемщика денег. В 2005–2010 гг. дефицит федерального бюджета составлял не более 3% ВВП [5]. Чистые частные внутренние сбережения (нераспределённая прибыль корпораций и личные сбережения населения) находились тогда на уровне 6–7% величины ВВП. Прибегая к займам на рынке капиталов для финансирования дефицитов, государство поглощало немногим более трети чистых сбережений.

Положение существенно изменилось при администрации Трампа. В 2016–2019 гг. дефицит федерального бюджета увеличился до 5% ВВП, а в 2020 г. вырос до 14%. В этот период уровень частных сбережений заметно снизился.

В итоге в 2019–2020 гг. оказалось, что федеральное правительство, покрывающее бюджетные дефициты через заимствования на финансовом рынке, действует подобно насосу, высасывающему из экономики США почти все сбережения, генерируемые частным бизнесом и населением.

Капитальные вложения американских корпораций финансировались в последние годы во всё возрастающей степени благодаря притоку капиталов из-за рубежа. Однако, поскольку в 2020–2021 гг. большинство стран-доноров испытывало экономические трудности, приток прямых и портфельных инвестиций в американскую экономику заметно сократился.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на наличие серьёзных проблем в американской экономике, перспективы 2021 г. выглядят оптимистично. К июлю 2021 г. почти половина населения США была полностью вакцинирована, и этот процесс продолжается. Замедление распространения *COVID-19* и снятие ограничений станут факторами восстановления экономической активности.

Уже в I квартале 2021 г. экономика США стабилизировалась на некотором уровне, который ниже докризисного, но позволяет говорить о том, что государство и бизнес приспособились к новым условиям жизни. Можно предположить, что худшее у экономики США позади. Вместе с тем развитие американской экономики в ближайшие годы будет во многом связано с выбором экономической стратегии.

Администрация Трампа пыталась проводить определённые реформы, чтобы «сделать Америку великой», но в 2016–2019 гг. экономика США не получила серьёзных драйверов роста. Ключевые информационные технологии и оборудование были изобретены десятилетия назад, сейчас идут процессы их совершенствования и обновления. Безусловно, информационный сектор экономики будет вносить существенный вклад в потенциальный экономический рост США, но вряд ли он будет самым важным.

«Сланцевая революция и переход к новым технологиям получения сжиженного природного газа (СПГ) во многом помогли американской экономике преодолеть последствия финансового кризиса 2008–2009 гг. Но в настоящее время эти технологии создают экологические проблемы, ресурсы углеводородов за-

канчиваются, добывающие компании несут серьёзные убытки. Потенциал роста здесь, по-видимому, исчерпан.

Новые финансовые инструменты, в частности криптовалюты, при их очевидной полезности, вряд ли можно рассматривать в качестве серьёзных стимулов оживления американской экономики.

Для того чтобы обеспечить долговременный хозяйственный подъём в 2020-е годы, необходимо нащупать и профинансировать новые точки роста в американской экономике, способные дать синергический эффект развитию США.

В Европе и странах Азиатско-Тихоокеанского региона в качестве новых драйверов роста всерьёз рассматриваются новые технологии получения и передачи энергии. Во многих европейских странах развивается «зелёная энергетика», ведутся исследования о возможном использовании водорода в качестве нового эффективного энергоносителя. В США и странах ЕС разрабатываются новые тяговые аккумуляторы, необходимые для массового производства электромобилей. Представляется, что инвестиции в эти технологии могли бы способствовать преодолению депрессивных тенденций в экономике США.

Традиционно в США эффективно развивается аграрный бизнес. В настоящее время в США сельское хозяйство является одним из самых наукоёмких секторов производства, ибо оно аккумулирует достижения биологических наук, информационных технологий, новых методов управления и финансирования бизнеса. Эти достижения в условиях благоприятного американского климата позволяют наращивать производство продуктов и снижать их себестоимость. На фоне растущего мирового спроса на продовольствие существуют благоприятные перспективы качественного расширения американского экспорта этой товарной группы.

Эпидемия *COVID-19* дала импульс развитию американских фармацевтических корпораций. В США разработаны пять видов вакцин и новые лекарства против коронавируса. Объём этого рынка оценивается в 100 млрд долл. Поскольку фармацевтика в США всегда была успешной и прибыльной отраслью, в этом секторе экономики существуют хорошие перспективы доминирования на мировом рынке.

Таким образом, в США существуют высокотехнологичные сегменты экономики, которые могут очень быстро развиваться в ближайшие годы. Благодаря динамичному росту новых и традиционных отраслей, США в ближайшие годы будут доказывать своё право на лидерство в мировом хозяйстве.

ИСТОЧНИКИ

1. Генсек ООН назвал пандемию коронавируса "пятым всадником апокалипсиса". 22 сентября 2020 // ТАСС. Available at:

<https://www.tass.ru/obschestvo/9521195/> (accessed 20.12.2020).

2. White House warms to showering US with 'helicopter money'. 18 March 2020 // *Financial Times*. Available at: <https://www.ft.com/content/422f727c-6931-11ea-800d-da70cff6e4d3> (accessed 20.12.2020).

3. World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent. 2020. IMF. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (accessed 30.11.2020).

4. National Strategy for the COVID-19 Response and Pandemic Preparedness. January 21, 2021. Available at: https://www.nhpc.org/wp-content/uploads/White_House_National_Strategy_for_the_COVID-19_Response.pdf (accessed 20.03.2021).

5. Table B-18: Total and per capita disposable personal income and personal consumption expenditures, and per capita gross domestic product, in current and real dollars, 1969-2020. 2021. Economic Report of the President 2021. Available at: <https://www.govinfo.gov/app/details/ERP-2021/ERP-2021-table18> (accessed 20.03.2021).

6. Remarks as Prepared for Delivery by President Biden – Address to a Joint Session of Congress APRIL 28, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/28/remarks-as-prepared-for-delivery-by-president-biden-address-to-a-joint-session-of-congress/> (accessed 20.03.2021).

7. Yeung K. 6 May, 2020. Coronavirus: China could cut US debt holdings in response to White House Covid-19 compensation threats. Available at: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3083100/coronavirus-china-could-cut-us-debt-holdings-response-white> (accessed 20.03.2021).

8. Report on the Federal Reserve's Balance Sheet August 2020. 2020. Available at: https://www.federalreserve.gov/publications/files/balance_sheet_developments_report_202008.pdf.pdf (accessed 20.03.2021).

9. Коган Е. Апрель 13, 2021. Инфляция в США поднимает голову. Available at: <https://www.finam.ru/analysis/marketnews/inflyaciya-v-ssha-podnimaet-golovu-20210413-17450/> (accessed 20.03.2021).

10. Table B-9. Real gross domestic product by industry, value added, and percent changes, 1997-2019. Economic Report of the President 2021. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/ERP-2021/pdf/ERP-2021.pdf> (accessed 20.03.2021).

11. Assets and Liabilities of Commercial Banks in the United States. Table H.8. 2021. Available at: www.federalreserve.gov/releases/h8/current/default.htm (accessed 20.03.2021).

12. Federal Reserve issues FOMC statement. April 28, 2021. Available at: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/pressreleases/monetary20210428a.htm> (accessed 29.04.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДАВЫДОВ Андрей Юрьевич, ведущий научный сотрудник Центра экономических исследований Института США и Канады РАН (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3

Andrey Y. DAVYDOV, Research Fellow, Center for Economic Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.
2/3 Khlebnny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Поступила в редакцию / Received 13.05. 2021

Поступила после рецензирования / Revised 23.05.2021

Принята к публикации / Accepted 30.05.2021

УДК 327.81

DOI: 10.31857/S268667300016032-5

Политика США в отношении стран Северного треугольника как пример регионального подхода к оказанию внешней помощи

А.А. Манухин

Министерство иностранных дел РФ.

119200 Москва, Смоленская-Сенная площадь, 32/34.

ORCID: 0000-0002-1907-3459

e-mail: warcraftdouble@yandex.ru

Резюме. Рассматривается подход Вашингтона к отношениям со странами Северного треугольника (Гватемала, Гондурас, Сальвадор) как целостного направления внешней политики США. В качестве главного объекта исследования служит политика предоставления финансовой помощи: сопоставляются основные черты курсов администраций Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена в практике отдельных правительственных ведомств и взаимодействия исполнительной власти с Конгрессом. Данная тематика особенно актуальна в связи с беспрецедентной политизацией, которая придаётся проблеме Северного треугольника в контексте миграционного кризиса. Проводится оценка преимущества и новаторства в программах предоставления внешней помощи, инструментов совершенствования политики безопасности с позиций «жесткой» и «мягкой» силы. Показано, что фундаментом для построения архитектуры американского влияния изначально выступали соображения о противостоянии организованной преступности, снижению объёмов наркотрафика, а также притока нелегальных мигрантов. Независимо от партийной принадлежности, эти факторы сохраняются в качестве приоритета для Конгресса и Белого дома, хотя вопросы прав человека и развития институтов ставятся выше демократами. Намечаются перспективы консолидации искомого «комплексного подхода» применительно к субрегиону, обозначаются границы возможностей конструирования единого поля действий путем принятия целенаправленных программ. Делается вывод о том, что с точки зрения содействия развитию Северного треугольника и вовлечения других партнёров в следование американской линии избранные методы по большей части являются успешными. В то же время исправление структурных проблем неизбежно будет отмечено неравномерностью, а также будет испытывать трудности в связи с особенностями внутривластной ситуации в каждой из стран.

Ключевые слова: субрегион, внешняя помощь, США, Центральная Америка, Северный треугольник, развитие, безопасность

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект «Трансформация региональных моделей международных отношений в Западном полушарии» (№ 20-014-00023/20).

Для цитирования: Манухин А.А. Политика США в отношении стран Северного треугольника как пример регионального подхода к предоставлению внешней помощи. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51 (8) 19-38.

DOI: 10.31857/S268667300016032-5

The U.S. Policies towards the Northern Triangle Countries as an Example of Regional Approach to Providing Foreign Assistance

Alexey A. Manukhin

*The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
32/34 Smolenskaya-Sennaya Square, 119200 Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1907-3459 e-mail:warcraftdoube@yandex.ru*

Abstract: The following article attempts to examine the U.S. approach towards relations with the Northern Triangle countries (El Salvador, Guatemala, and Honduras) as an integral direction of their foreign policy. Providing foreign aid poses as the main object of research, through comparing the principal features of the course pursued by U.S. Presidents Barack Obama, Donald Trump and Joseph Biden administrations in the practices of particular governmental agencies as well as the interaction between the executive branch and the Congress. The topic is especially vital as a result of unprecedented politicization of the Northern Triangle problem in the context of migratory crisis. Succession and innovation is established by looking into the programs of foreign aid and the levers of security policies modernization in its “soft” and “tough” components. It shows that initially the base for building up the framework of U.S. influence was motivated by combating organized crime, narcotics supply reduction and curbing the influx of undocumented migrants. Notwithstanding party affiliation, it remains a priority both for Congress and the White House, although the questions of human rights and institutional development are ranked higher by the Democrats. Prospects of consolidating the much-sought “comprehensive approach” to the sub-region are undertaken, with drawing the borders of the unique space for actions by adopting targeted programs. It is concluded that from the standpoint of development assistance to the Northern Triangle and involving other partners for the achievement of the U.S. goals the methods applied are mostly successful. Meanwhile, trying to fix the structural problems will be inevitably marked by disproportions and suffer setbacks due to the different inner political situation in each country.

Keywords: region, foreign assistance, the United States, Central America, the Northern Triangle, development, security

Acknowledgement: The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the project "Transformation of regional models of International relations in the Western Hemisphere" (No. 20-014-00023/20).

For citation: Manukhin A.A. The U.S. Policies towards the Northern Triangle Countries as an Example of Regional Approach to Providing Foreign Assistance. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2021; 51 (8) 19-38. DOI: 10.31857/S268667300016032-5

ВВЕДЕНИЕ

Региональный подход во внешней политике является достаточно сложным объектом для изучения. Одним из ярких примеров служит политика США по отношению к Центральной Америке, в особенности той её части, которая известна как «Северный треугольник» и включает в себя Гватемалу, Гондурас и Сальвадор. Объединяют эти республики не только близкое географическое соседство, но и наличие общих структурных проблем: слабость экономики, высо-

кий уровень преступности, коррупция в государственном аппарате и острое противостояние ветвей власти. Перечисленные факторы в основном провоцируют массовое бегство граждан этих стран в Соединённые Штаты, где уже осели их многочисленные соотечественники. Ситуация с нелегальной миграцией не раз вынуждала Вашингтон предпринимать экстренные меры во внутренней и внешней политике. Администрация Джозефа Байдена (приступила к управлению в январе 2021 г.) неоднократно заявляла о том, что обновление подходов к Северному треугольнику занимает первое место на шкале её приоритетов в Западном полушарии. Именно эти подходы, а также сопоставление масштабов предоставления американской помощи странам субрегиона как единому целому исследуются в данной статье. Также анализируются попытки американского истеблишмента влиять здесь на социально-экономические и политические процессы, которые зачастую воспринимаются как залог эффективности затрат.

В работах российских специалистов, посвящённых развитию стран Северного треугольника, их отношения с США рассматриваются главным образом в плане феномена массовой миграции [Кудеярова Н.Ю. 2019]; [Kudeyárova N.Yu. 2019]; [Бернал Альварез М.А. 2020]. Внимание уделяется специфике социально-экономических проблем и особенностям политических режимов субрегиона, а также его коллективному ответу на эти вызовы [Шишков А.С. 2018]; [Манухин А.А. 2019]. Отдельно изучается многостороннее участие в оказании помощи, в частности, в духе концепции «ответственности по защите» [Громогласова Е.С. 2017]. Применительно к внешней помощи Северный треугольник являл собой наглядный пример «жёсткой экономии» в этой сфере со стороны администрации Д. Трампа [Бартенев В.И. 2019: 94–95]. Представляется интересным проследить то, как наследие прошлого отражается на действиях администрации Дж. Байдена.

Начиная с классических работ в рамках внешней помощи выделялись мотивы «структурных» изменений и краткосрочных целей, например, поддержка определённых политических сил [Morgenthau H. 1962: 302–303]. Примерно такие же ярко выраженные черты носили мотивы содействия центральноамериканским режимам в период холодной войны [Rivas Pardo P.A. 2016: 96]. Отмечается, что леволиберальные и левоцентристские правительства, как правило, рассматривая внешнюю помощь, делают акцент на её гуманитарных аспектах, в то время как консервативные и правоцентристские деятели видят в ней средство укрепления рыночных механизмов. Соответственно, это определяет склонность к взаимодействию с неправительственными и международными организациями или национальным бизнесом [Greene Z.D., Licht A.A. 2018: 289].

С точки зрения современных региональных исследований пространство субрегиона предстаёт «подвижным», с трудом поддающимся целенаправленному влиянию политики отдельных «держав» [Kelly R.E. 2007]; [Söderbaum F. 2013]. Это ярко проявляется в сложности вынесения рекомендаций о помощи «хрупким государствам», которые разрабатываются в исследованиях по соотношению развития и безопасности [Бартенев В.И. 2018]; [Azpuru D. 2012]; [Rose S. 2020]. Страны Северного треугольника в этой связи служат примером того, как обес-

печение большей безопасности может быть достигнуто через реформирование политики государства при внешнем содействии [O'Brien Th. 2015]; [Malinowski T.], [Blaaha Ch.O. 2016].

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕЙ СТРАТЕГИИ США ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ

Увеличение участия Вашингтона в делах Центральной Америки произошло ещё в 2000-е годы, когда администрация Дж. Буша-младшего способствовала заключению в 2004 г. Соглашения о зоне свободной торговли (*Central America Free Trade Area, CAFTA*) в Центральной Америке. Помимо каждого из государств Северного треугольника к нему присоединилась и Доминиканская Республика (*CAFTA-DR*). По линии Корпорации вызовов тысячелетия (*Millennium Challenge Corporation, MCC*) Гондурасу, Никарагуа и Сальвадору был выделен 851 млн долл. [1]. Также Корпорация приняла участие в финансировании планов развития логистической инфраструктуры – Плана «Пуэбла-Панама» и Проекта «Мезо-америка», с которыми выступало правительство Мексики [Манухин А.А. 2019: 100]. Активизация участия США в делах субрегиона наступила в 2007 г. с «Инициативы Мериды», направленной на укрепление потенциала Мексики и её соседей в борьбе с организованной преступностью. Администрация Б. Обамы дополнила её принятием в 2009 г. Региональной инициативы безопасности для Центральной Америки (РИБ), предполагающей предоставление финансовой, экспертной и военно-технической помощи центральноамериканским республикам, в первую очередь, для противодействия наркотрафику.

Результаты, однако, согласно проведённому обследованию, оказались противоречивыми. Отмечалось, что удалось ликвидировать лишь «внешние проявления» проблемы без разрешения коренных противоречий, а непосредственный эффект каждой из программ было крайне трудно определить [2]. По этой причине началась разработка многовекторной стратегии, призванной затронуть положение на местах и оказать большее влияние на общественные и государственные институты. Предполагалось, что её применение позволит кардинально улучшить уровень защищённости населения в местах проживания. Она получила название «Стратегия США по участию в делах Центральной Америки» (*U.S. Strategy for Engagement in Central America*). Планировалась скоординированная с международными партнёрами линия на повышение эффективности существующих интеграционных механизмов для развития предпринимательской деятельности (с широким привлечением банковского сектора), бюджетная политика, включающая совершенствование механизмов налогообложения. В духе экологической повестки администрации Б. Обамы рекомендовалось внедрить «зелёные» практики в энергетике, добиться «завершения демократизации» государств через соблюдение принципа разделения властей и общественного контроля над бюрократией и силовыми структурами [3].

Стимулом для ускорения реализации запланированных мер стало внезапное обострение миграционного кризиса: прибытие на границу весной-летом 2014 г. рекордного на тот момент количества семей и особенно несовершеннолетних без сопровождения (почти 70 тыс. человек). Пограничная служба и вся миграционная система не справлялись с беспрецедентной нагрузкой. В этой обстановке в июне 2014 г. вице-президент Дж. Байден взял на себя координацию действий партнёров по сдерживанию массового притока мигрантов. В его функции вошло проведение переговоров с лидерами и членами правительств стран Северного треугольника по расходованию чрезвычайных американских ассигнований, направленных на реинтеграцию репатрируемых мигрантов. На РИБ (CARSI) было выделено дополнительные 160 млн долл. до конца года, а также 83,5 млн долл. на американские программы в отдельных странах [4]. По итогам переговоров между Б. Обамой и Энрике Пеньей Ньето, президентом Мексики, через которую шли основные потоки мигрантов, США приняли программу «Южная граница», призванную сократить число нелегальных проникновений мигрантов из Гватемалы.

Продуктом взаимодействия вашингтонской администрации с центрально-американскими лидерами стал план стимулирования структурных изменений в каждой из стран Треугольника. Проект плана был озвучен президентами Отто Пересом (Гватемала), Сальвадором Санчесом Сереном (Сальвадор) и Хуаном Эрнандесом (Гондурас) в ходе их визита в ноябре 2014 г. в Вашингтон для переговоров с Дж. Байденом и руководством Межамериканского банка развития (МАБР). В окончательном виде план, получивший название «Альянс ради процветания», предполагал превращение МАБР в главный двигатель перемен в субрегионе [5]. Одновременно Госдепартамент и Министерство внутренней безопасности США запустили программу, позволившую несовершеннолетним, чьи родители уже находились в Соединённых Штатах, подавать заявку на получение статуса беженца [6]. Всё это происходило на фоне увеличения масштабов депортации нелегальных мигрантов из США, во многом превращая элементы «мягкой силы» во вспомогательные инструменты для охранительных мер.

«Альянс ради процветания» предусматривал механизмы контроля с целью получать доказательства выполнения правительствами стран Северного треугольника таких условий, как рациональное расходование получаемых средств для нуждающихся категорий населения и национального бизнеса, а также поддержание широких консультаций с представителями гражданского общества. Ожидалось содействие таким институтам, как Международная комиссия по борьбе с коррупцией и безнаказанностью в Гватемале (*Comisión Internacional contra la Impunidad en Guatemala, CICIG*), действовавшая с 2007 г. под руководством ООН, и Миссия в поддержку борьбы с коррупцией и безнаказанностью в Гондурасе (*Misión de Apoyo Contra la Corrupción y la Impunidad en Honduras, МАССИН*), созданная в 2015 г. под эгидой ОАГ [7]. Результаты должен был рассматривать Конгресс США, который мог ограничить финансирование отдельных статей помощи партнёрам в случае невыполнения требований [8].

Администрация Б. Обамы сформулировала в качестве желаемого пакета ассигнований по Стратегии участия в делах Центральной Америки в рамках бюджета Госдепартамента в размере до 1 млрд долл. на 2016 фин. г. Значительную их часть предполагалось расходовать по линии Агентства по международному развитию (АМР), которое организовывало бы работу национальных агентств и неправительственных организаций на местах. Также предусматривались усовершенствования в рамках РИБ и помощь (по отдельной статье в бюджете Госдепа) каждой стране в контроле над оборотом наркотиков и охране правопорядка [9]. Конгресс одобрил выделение 750 млн долл., из которых 299 млн Белый дом планировал расходовать по статьям: «содействие развитию», 222 млн на *INCLE* и 184 млн долл. на «фонд поддержания экономики». Администрация оставляла за собой право удерживать до половины всей помощи правительствам стран Северного треугольника при отсутствии необходимой работы по оздоровлению правовых институтов и до 25% – при недостаточных усилиях по уменьшению масштабов нелегальной миграции (включая проведение разъяснительной кампании среди населения в общем размере до 2,9 млрд долл., причём наибольшая сумма – более 1 млрд требовалась от правительства Сальвадора) [10].

Судить об эффективности пакета помощи от администрации Б. Обамы нелегко, поскольку выделенные средства начали «работать» лишь к концу его пребывания в Белом доме. Запрос на 2017 г. был сформулирован скромнее, в размере 750 млн долл., из которых около половины (357 млн) предназначалось на содействие развитию. При этом общий пакет запроса по Стратегии участия в делах Центральной Америки составил 1 млрд долл. [11]. Принятие законопроекта в Конгрессе было осложнено республиканским большинством в обеих палатах: в Сенате ассигнования предлагалось сократить на 100 млн долл. от запроса в 650 млн, в то время как в Палате представителей были готовы сохранить его на прежнем уровне. В итоге на расходы по Центральной Америке было выделено 684,8 млн долларов.

КОРРЕКТИРОВКА ПОЛИТИКИ В СЕВЕРНОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

Победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. существенно отразилась на характере предоставления внешней помощи. 45-й президент США и его советники не скрывали намерений пересмотреть и, при необходимости, значительно сократить «неэффективные» статьи бюджетных расходов. В проекте бюджета на 2018 фин. г. на нужды всей Центральной Америки было запрошено всего 405 млн, из которых на Северный треугольник приходилось 194,8 млн долл. [12]. Как и в случае с ассигнованиями другим странам и регионам, началось противостояние между администрацией и Конгрессом, который настаивал на необходимости финансирования на более высоком уровне. В течение всех четырёх лет пребывания республиканцев у власти ассигнования сократились примерно на треть, составив в 2021 г. 505,9 млн против 750 млн долл. в 2016 г. [13].

Эта линия дополняла сворачивание основных гуманитарных аспектов иммиграционной политики Б. Обамы: была приостановлена программа приёма несовершеннолетних беженцев, сделана попытка отмены правила «отложенного действия» в отношении лиц, прибывших в США несовершеннолетними, а также отменён статус «временной защиты» для 300 тыс. лиц из разных стран, в том числе выходцев из Центральной Америки.

Д. Трамп считал необходимым сделать акцент на совершенствовании политики региональной безопасности под эгидой США, на проведении совместных операций по борьбе с наркотрафиком и охране границ, а в вопросах развития – отдавать предпочтение поощрению деятельности крупных частных компаний, а не работе международных агентств или НПО. В общих чертах данный подход был сформулирован в Американской стратегии для Центральной Америки (*U.S. Strategy for Central America*) Документ был опубликован по итогам первой Конференции по процветанию и безопасности Центральной Америки, которая состоялась в Майами в июне 2017 г. [14]. Республиканцы неоднократно подчёркивали выгоду от стимулирования американских инвестиций в регионе, в дальнейшем начав по линии посольств и американских торговых палат продвигать программу «Америка растёт» (*Growth in the Americas*), призванную добиться одновременного развития бизнеса вблизи границ США с развитием местной социальной инфраструктуры. Впрочем, её результаты здесь, в отличие от более крупных стран, были невелики. Администрация Д. Трампа значительно жёстче, чем демократы при Б. Обаме, требовала от партнёров предпринимать реальные шаги по снижению масштабов преступности и притока нелегальных мигрантов, пренебрегая при этом предоставлением Конгрессу детальных отчётов о правомерности выделения средств [15].

По мере воплощения в жизнь своего видения интересов США Белый дом в одностороннем порядке применял заморозку одних статей помощи вслед за другими. Данная практика особенно расширилась вследствие нового витка миграционного кризиса во второй половине 2018 – первом полугодии 2019 г. Для сдерживания попыток незаконного проникновения Д. Трамп сначала распорядился об отправке войск на границу с Мексикой, а затем объявил о прекращении предоставления помощи Северному треугольнику, обосновав это тем, что его страны «совершенно ничего не делают для нас» [16]. Конкретное выражение такой подход нашёл в перенаправлении бюджетных средств (до 404 млн долл.) в другие страны Латинской Америки и за её пределы уже весной 2019 г. Затем было удержано около 26% средств (164 млн), выделенных ещё по ассигнованиям 2017 г. [15: 20–21].

Одновременно началось принуждение правительств стран Треугольника к тому, чтобы обеспечивать снижение миграционной нагрузки на пограничную систему. Первым шагом здесь стала попытка использовать территорию Мексики для размещения там соискателей убежища из третьих стран в США, большинство которых составляли как раз выходцы из Северного треугольника, через инициативу «Протоколы по защите мигрантов» (*Migrant Protection Protocols, MPP*), иначе известную как «Оставайтесь в Мексике» (*Remain in Mexico*) [17]. Она стала

прозрачным итогом проекта по развитию мексиканского юга с помощью ассигнований США на сумму в 5,8 млрд долл. (из общего пакета в 30 млрд долл.), о которой госсекретарь Майк Помпео вёл переговоры с новым президентом Андресом Мануэлем Лопесом Обрадором в 2018 г. [18]. Мексика дала согласие выступать «буфером» для массовой миграции, в том числе, под угрозой из Вашингтона о восстановлении таможенных пошлин на её товары.

Северный треугольник оказался полностью вовлечён американской администрацией в её региональный проект пограничной безопасности через заключение с каждой его страной Соглашения о сотрудничестве в предоставлении убежища (*Asylum Cooperation Agreements, ACA*). В 2019 г. США подписали такие соглашения с Гватемалой, Гондурасом и Сальвадором. Они вводили понятие «третьей безопасной страны», в которую мог быть выслан соискатель статуса беженца, прибывший на американо-мексиканскую границу. Министерство внутренней безопасности США обязывалось оказывать партнёрам помощь в укреплении системы охраны рубежей, а также выдаче временных виз для сезонных рабочих [19].

В реальности ни одна из трёх стран не отвечала критериям «безопасной страны», поскольку каждая в равной мере страдала от разгула преступности и низкого качества жизни. Договорённость о вводе Соглашения в действие была достигнута лишь с Гватемалой, хотя её практическое применение было приостановлено из-за пандемии ковид-19. Тем не менее, в декабре 2020 г. по итогам визита делегации Министерства внутренней безопасности США в Гондурас и Сальвадор с ними, как и с Гватемалой, также договорились о вводе Соглашения в действие.

Политика Д. Трампа сталкивалась с растущей критикой внутри США и за их пределами. Один из главных её аргументов состоял в том, что уменьшение финансирования, если и не сказывалось кардинальным образом на экономических показателях, затрагивало наиболее уязвимые категории населения, тем самым провоцируя ещё большую нелегальную миграцию. Другой заключался в указаниях на игнорирование администрацией США состояния демократических институтов и защиты прав человека в трёх республиках, вынуждая их население искать лучшей доли в США. Отмечалось, что без постоянного контроля американского правительства «коррупцированные элиты» всегда будут находить способы трактовать законодательство в выгодном для себя ключе и препятствовать деятельности международных правовых инстанций.

Критика политики республиканцев значительно усилилась после завоевания представителями Демократической партии большинства в Палате представителей по итогам промежуточных выборов 2018 г. Демократы выступили в пользу поддержания независимых антикоррупционных расследований, в том числе по линии *CICIG* и *МАССИН*, а также генеральных прокуратур, касающихся действий государственных служащих, включая расходы на избирательные кампании.

Согласно положению, зафиксированному в законе «О военных расходах на 2019 фин. г.» на основании внесённого представителем Нормой Торрес (Калифорния) билля «О прекращении коррупции в Северном треугольнике», Госдепартамент обязывался предоставить список имён коррупцированных чиновни-

ков из этих стран, а также представить всеобъемлющую стратегию борьбы с теневыми доходами, в том числе от наркобизнеса [20].

Н. Торрес, уроженка Гватемалы и основательница Центральноамериканского кокуса в Палате представителей Конгресса США, стала самым заметным критиком происходящего в субрегионе. Наиболее значительную поддержку ей оказывали конгрессмены Джеймс Макговерн (Массачусетс), хорошо знакомый с положением дел в Сальвадоре, а также Альбио Сирес (Нью-Джерси). В январе 2019 г. Н. Торрес во главе группы из 47 законодателей обратилась к президенту Д. Трампу с призывом ввести широкие персональные санкции и прекратить предоставление помощи гватемальскому правительству Джимми Моралеса (2016–2020 гг.), выдворившему из страны главу Международной комиссии по борьбе с безнаказанностью в Гватемале и ставившего препоны продолжению деятельности этой организации после того, как объектами её расследования оказались он сам и его ближайшие родственники [21]. Представленный Госдепартаментом отчёт о коррупции в странах Северного треугольника был подвергнут резкой критике, в частности Н. Торрес считала, что администрация намеренно скрывала значительное число фигурантов, поскольку видела в представителях центральноамериканских элит полезных союзников по миграционной политике. Бездействие, утверждала Н. Торрес, приведёт к «окончательному превращению Гватемалы, Гондураса и Сальвадора в наркогосударства» [22]. В Сенате аналогичную линию проводили сенаторы Бен Кардин (Мэриленд), Патрик Лихи (Вермонт), Дик Дарбин (Иллинойс), Тим Кейн (Вирджиния) и Джефф Меркли (Орегон).

Важнейшим из ряда законодательных инициатив демократов стал внесённый в мае 2019 г. председателем Комитета по иностранным делам Палаты представителей Элиотом Энгелем (Нью-Йорк) билль под названием «Акт об усиленном участии США в делах Северного треугольника», или «Акт Энгеля» [23]. Он предписывал федеральным ведомствам представить план по смягчению гуманитарного кризиса в субрегионе, рассчитанный на срок от трёх до шести лет, и выделить по нему не менее 577 млн долл. в рамках Центральноамериканской стратегии. Помимо поддержки населения путём развития инфраструктуры на местах через АМР и Межамериканский фонд (*Inter-American Foundation*), план предусматривал проводить «профилактические» меры по разъяснению рисков, сопряжённых с нелегальной миграцией. Рекомендовалось поставить под жёсткий контроль американские программы обучения силовиков, акцентируя внимание на повышение их правовой культуры. Обязательным пунктом становилось использование персональных санкций против государственных служащих в рамках «Акта Магницкого» (*Global Magnitsky Human Rights Accountability Act*). По сути, подготовка Госдепартаментом санкционного списка («списка Энгеля») в течение 180 дней с момента принятия на рассмотрение Конгрессом была опорной точкой законопроекта. Для подготовки этой работы в Бюро Госдепартамента по делам Западного полушария рекомендовалось учредить должность ответственного за соблюдением верховенства права в Северном треугольнике.

Таким образом, к президентским выборам 2020 г. США располагали достаточно основательной юридической базой и практическим опытом для дальней-

шего вовлечения в дела Северного треугольника. Администрация Д. Трампа действительно во многом отказалась от давней традиции наращивания масштабов помощи Гватемале, Гондурасу и Сальвадору, подчинив политику в субрегионе сдерживанию миграции. Отчасти эта политика дала желаемый эффект: в декабре 2019 г. число лиц, задержанных при попытке пересечения границы с Мексикой, составило 40 565 против 50 794 в декабре 2018 г. [24]. С началом пандемии ковид-19 темпы притока мигрантов радикально сократились, хотя примерно с середины 2020 г. вновь начали постепенно расти. Сами центральноамериканские республики быстро приняли меры по контролю над распространением инфекции путём достаточно строгих карантинных ограничений.

Тем не менее, обстановка в субрегионе продолжала оставаться неблагоприятной. В сентябре 2019 г. Гватемала, а в январе 2020 г. и Гондурас отказались от продления мандатов на деятельность, соответственно, Международной комиссии и Миссии. Новый президент Гватемалы Александро Джамматтеи всё чаще выступал в качестве третьей силы в противостоянии между законодательным органом страны, где преобладали его сторонники, и Конституционным судом. В ноябре 2020 г. в Гондурасе вспыхнули массовые волнения в связи с принятием нового бюджета. Президент Хуан Орландо обвинялся оппозицией в незаконном переизбрании в 2017 г., а также причастности к наркотрафику. В Сальвадоре молодой президент Найиб Букеле развернул борьбу с национальным Конгрессом и генеральной прокуратурой относительно конституционных прерогатив исполнительной власти. В феврале 2020 г. для оказания давления на законодателей с целью получить средства на борьбу с преступностью здание сальвадорского Конгресса было окружено войсками.

Эти конфликты отражали противостояние между традиционными политическими элитами и новыми силами, а также запрос общества на повышение качества управления.

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНОАМЕРИКАНСКОГО ПРОЕКТА ДЖ. БАЙДЕНА

Ещё на этапе предвыборной президентской кампании 2020 г. демократы обещали произвести глубокий пересмотр всех нововведений Д. Трампа, которые касались отношений со странами Западного полушария. Республиканской администрации ставилось в вину «забвение» ближайших соседей и партнёров, снятие с себя «ответственности» по обеспечению их поступательного развития. В качестве основы плана Дж. Байдена по Центральной Америке, по сути, предлагалось «завершить» начатое при администрации Б. Обамы. Демократы исходили из того, что их поражение в 2016 г. прервало осуществление многообещающего курса, который уже начал давать ощутимые результаты.

«Бесчеловечные и бесполезные» меры Трампа в области миграционной политики подлежали немедленной отмене. Упущенное предлагалось наверстать благодаря быстрым и скоординированным шагам, с финансированием в 4 млрд долл. на четырехлетний период. Как и в «Альянсе ради процветания», преду-

сма тривалось обеспечить отчётность со стороны правительств стран Северного треугольника о расходовании получаемой помощи, при значительных вложениях с их стороны. Государственные средства предусматривалось дополнять инвестициями частного сектора, при этом подчёркивалась важность их значения для роста ВВП каждой из стран [25]. Как и шестью годами ранее, опорой здесь выступал Межамериканский банк развития, МАБР: его президент Маурисио Клавер-Кароне выразил заинтересованность в проекте демократов [26].

Несколько новым акцентом стало намерение добиться большего американского контроля над отдельно взятыми целевыми программами по модернизации сельского хозяйства (в том числе для снижения продовольственной проблемы и меньшей уязвимости от природных катаклизмов), инвестированию в человеческий капитал и передовые технологии, что было призвано уменьшить фактор повторной эмиграции молодежи. Особо подчёркивалось намерение бороться с коррупцией, которая была объявлена главным препятствием на пути превращения Северного треугольника в «очередную историю успеха в Западном полушарии». Провозглашалась готовность активно использовать инструмент персональных санкций и расширить деятельность в Гватемале, Гондурасе и Сальвадоре профильных американских ведомств [27].

Действиям на данном направлении способствовало получение демократами на выборах 2020 г. большинства мест в Палате представителей Конгресса США. В проект общих бюджетных расходов от 21 декабря 2020 г. по инициативе Н. Торрес был добавлен пункт, предусматривающий удержание американской помощи вооружёнными силами стран Северного треугольника под предлогом нарушений прав человека [28]. На следующий день Конгресс принял «Акт Энгеля», по которому антикоррупционные меры становились обязательным элементом курса избранного президента Дж. Байдена [29]. Ориентирующиеся на Демократическую партию НПО готовили аналитические материалы, в которых отмечался рост в Латинской Америке авторитарных тенденций и безнаказанности вследствие «попустительства» Д. Трампа [30].

Вслед за прекращением режима чрезвычайной ситуации по строительству стены на границе с Мексикой и внесением в Конгресс билля о далеко идущем реформировании правил иммиграции и легализации в США (*United States Citizenship Act*) Дж. Байден издал исполнительный указ «О всеобъемлющем рамочном подходе к коренным причинам миграции в Северной и Центральной Америке, а также упорядочению предоставления убежища» [31]. 24 марта 2021 г. он объявил о придании вице-президенту Камале Харрис функций главного ответственного лица за проведение заявленного курса [36]. Хотя такой шаг и преподносился как повторение успешного опыта самого Дж. Байдена, в действительности аппарат компетентных в делах Латинской Америки чиновников расширился. Со стороны Белого дома стратегическое руководство осуществляется старшим директором СНБ по Западному полушарию Хуаном Гонсалесом (в бытность Байдена вице-президентом он выступал его главным советником по отношениям США со странами Латинской Америки). Важным новшеством стало назначение кадрового дипломата Рикардо Суньиги специальным посланником

по Северному треугольнику. Уроженец Гондураса, при Б. Обаме он занимал должность исполняющего обязанности заместителя госсекретаря по Западному полушарию и более всего известен вкладом в политику «нормализации» отношений с Кубой. Их роль заключается в непосредственном донесении до политических элит стран-партнёров деталей нового подхода Вашингтона.

Администрация Дж. Байдена объявила о прекращении «Протоколов по защите мигрантов» и выходе из Соглашения о сотрудничестве в области предоставления убежища. Взамен началось рассмотрение заявок на предоставление убежища в лагерях временного пребывания на мексиканской территории, а также в местах проживания соискателей через сотрудничество с Управлением верховного комиссара по делам беженцев и другими агентствами ООН, а также многочисленными НПО [32]. Восстанавливалось действие программы для несовершеннолетних мигрантов, которая открывала возможность для воссоединения семей. От властей Мексики и стран Северного треугольника ожидалось широкое содействие в подготовке рассмотрения заявок, размещении соискателей и соблюдении эпидемиологических мер защиты от ковид-19 при организации транспортировки к пограничным пунктам. Впрочем, ресурсы по обеспечению «упорядоченности» процесса оказались явно недостаточными, особенно ввиду резкого всплеска притока новых нелегалов. Если в январе 2021 г. число задержанных на границе составило чуть более 78 тыс. человек, то за март – уже 171 тыс. (наибольший показатель за 15 лет). В том же месяце пограничный патруль задержал 18 800 несовершеннолетних без сопровождения (11861 в мае 2019 г.) [33].

Для роста миграции были объективные причины: эффект «отложенных решений» из-за пандемии, а также разрушительные ураганы «Эта» и «Йота», в октябре 2020 г. нанёвшие колоссальный удар по странам Центральной Америки и Карибского бассейна. В Северном треугольнике больше всего пострадал Гондурас, который вновь стал эпицентром миграционных «караванов».

Вместе с тем многие потенциальные мигранты были обнадежены заявлениями Белого дома о переходе к «гуманной» политике. Дать на это какой-либо иной ответ, кроме ещё большего усиления контроля над границами, администрация США просто не могла. В данной обстановке ею была развёрнута масштабная информационная кампания под лозунгом «Не приезжайте». В ходе первых двусторонних контактов президента, вице-президента, госсекретаря Энтони Блинкена с официальными лицами Мексики, Гватемалы, Гондураса и Сальвадора, рабочих поездок президентов Х. Гонсалеса и Р. Суньиги производилась оценка возможностей каждой из стран по сдерживанию миграции. Наиболее последовательно готовность следовать вашингтонской линии выразили гватемальские и мексиканские власти. Как и в период правления Д. Трампа, были достигнуты договорённости о размещении ими дополнительных сил армии, полиции и Национальной гвардии на своих границах. В дополнение к этому Мексика согласилась создать 17 временных центров по размещению несовершеннолетних мигрантов в юго-восточных штатах [34].

В качестве одной из первых мер, обещанных Мексике и Северному треугольнику в обмен на активное содействие в контроле над миграцией, было

направление американских средств из запланированного пакета помощи на повышение потенциала отсталых по уровню социально-экономического развития территорий, которые испытывали на себе наибольшее воздействие миграционных потоков. Своего рода «испытательным полигоном» здесь стала Гватемала. С начала 2021 г. Посольство США в этой стране развернуло значительную активность, осуществляя руководство проектами по внедрению новых методов сельского хозяйства, ликвидации последствий ураганов, а также по исследованию состояния аграрных конфликтов и удовлетворению хронического «земельного голода». В ходе непосредственных консультаций на местах дипломаты, представители АМР и частного бизнеса оценивают работу местного чиновничества и получают информацию от гражданских активистов [35], что позиционируется как наглядное воплощение подхода администрации Дж. Байдена во внешней политике – диалог не только (или даже «не столько») с официальными властями, но и с широкими кругами общественно-политических сил.

На осуществление «системных реформ» в первый год своего центральноамериканского проекта администрация Дж. Байдена предварительно запросила 861 млн долл. в рамках внешнеполитического бюджета, что на 70% (355 млн долл.) превышает выделенные средства на 2021 фин. г. [36]. Тем не менее, статистика притока беженцев заставила пойти на срочные ассигнования, было объявлено о создании специальной целевой группы АМР для ликвидации последствий катастроф (*Disaster Assistance Response Team, DART*) с фондом в 112 млн долл., из которых 57 млн долл. предназначаются Гватемале, 47 млн – Гондурасу и 8 млн долл. – Сальвадору [37]. Использование такого механизма американской помощи, который в большинстве случаев применяется США в районах военных конфликтов или действительно серьёзных стихийных бедствий, во многом стало неожиданным решением.

В конце апреля 2021 г. Белый дом объявил о выделении дополнительной суммы в 310 млн долл., из которых на деятельность АМР передавалось 125 млн, Бюро Госдепартамента по делам беженцев и миграции – 104 млн, Министерству обороны для оказания экстренной медицинской помощи, включая борьбу с коронавирусом, – 26 млн долл.; остальные средства предназначались Министерству сельского хозяйства для ликвидации продовольственного кризиса [38]. Данный шаг трактуется Вашингтоном как вклад в разработанный Управлением верховного комиссара ООН по делам беженцев Интегральный региональный рамочный механизм по защите насильственно перемещённых лиц для Центральной Америки и Мексики (*Marco Integral Regional para la Protección y Soluciones, MIRPS*).

Помимо АМР, структурами, которые рассчитывают использовать данные средства, являются Корпорация по финансированию международного развития, КФМР (*Development Finance Corporation, DFC*), Агентство США по торговле и развитию (*U.S. Trade and Development Agency, USTDA*). КФМР запланировала добиться дохода от своих вложений в субрегионе на сумму в 1 млрд долл., в том числе при участии Центральноамериканского банка экономической интеграции (главного финансового института Центральноамериканской интеграционной системы) и Американской ассоциации торговых палат в Латинской Америке (*Association of the American Chambers of Commerce in Latin America*). Помимо непо-

средственного преумножения капиталов и создания рабочих мест, проект призван служить целям цифровизации работы правительств для противодействия коррупции [39]. Это отвечает намерению администрации Дж. Байдена выстраивать двухпартийный консенсус относительно поддержки инициатив в Северном треугольнике. Многие республиканцы, помимо критики отмены Соглашения и Протоколов как причин «выхода из-под контроля» ситуации на границе, скептически воспринимают планы осуществлять подобные мероприятия. Взамен они призывают к поддержке бизнеса и созданию рабочих мест [40].

В этой связи демократы всячески подчёркивают экономическую выгоду от программ АМР поскольку их успешное осуществление позволит сделать Гватемалу, Гондурас и Сальвадор полноценными участниками транснациональных «цепочек стоимости». Не случайно в рамках данного подхода происходит популяризация участия в развитии Северного треугольника Мексики, Канады, Коста-Рики. Так, озвучен проект транзита американского газа через мексиканскую территорию для развития там энергетической сети. Коста-Рика, как передовая страна по использованию зелёных технологий в Центральной Америке и наиболее успешная экономика в составе *CAFTA-DR*, предлагается в качестве советника по рационализации производства и инфраструктуры [41]. В случае с Канадой важную роль играет её опыт по предоставлению трудовых виз для центрально-американцев. По всей видимости, также предполагается осуществлять давний план по привлечению мигрантов из соседних республик в южные штаты Мексики, уделяя при этом внимание доступности для них членства в профсоюзах и другой социальной защите [42]. Таким образом, декларируется намерение достичь глубоких перемен в достаточно короткий срок.

Пожалуй, наиболее сложным участком для реализации программы Дж. Байдена для Северного треугольника является план по совершенствованию работы госаппарата и искоренению коррупции. В «знаковом» интервью сальвадорскому интернет-изданию «Эль Фаро» (*El Faro*) Х. Гонсалес прямо заявил, что «лидер, не готовый бороться в своей стране с коррупцией, не может рассчитывать на то, чтобы стать союзником Соединённых Штатов» [43]. Впоследствии этот тезис был закреплён в выступлении К. Харрис на 51-й Вашингтонской конференции обеих Америк [44]. Безусловно, важнейшим нововведением является озвученное администрацией намерение использовать для оценки «чистоты» работы государственных органов межведомственную целевую группу в составе представителей Госдепартамента, министерств финансов и юстиции. Тем самым будет совершён переход от опоры на комиссии ООН и ОАГ (хотя по-прежнему признаётся важность их деятельности) к прямому взаимодействию с «союзными» силами в лице генеральных прокуроров, заслуживающих доверия судей и правозащитных групп [45]. «Пробным шаром» в использовании Глобального акта Магницкого для наложения персональных санкций стали визовые и финансовые рестрикции против действующего депутата гватемальского Конгресса и отставного чиновника после отказа законодателей принять присягу нескольких избранных членов Конституционного суда Гватемалы [46].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение американской политики в Северном треугольнике показывает наличие ряда констант. Налицо представление о возможности использовать финансирование конкретных участков социально-экономической жизни и государственного управления для решения глубоких, формировавшихся десятилетиями черт развития отдельных стран, которые оказывают влияние далеко за их пределами. Тем самым в данном случае действительно можно говорить о последовательной реализации регионального подхода, поскольку схожие негативные явления планируется решать однотипными средствами, чтобы добиться аналогичного результата. Критерии успеха отличаются «универсальностью», не ограничиваясь одной лишь Центральной Америкой.

Различие между представителями двух партий в данном случае не столь велико. На примере политики в Северном треугольнике видно, что демократы действительно проявляют склонность к более затратным проектам, рассчитывая добиться успеха на участках гуманитарной помощи и построения институтов, чтобы в будущем уменьшить необходимость подобных вложений. Республиканцы не обязательно действуют противоположно, поскольку высокий уровень ассигнований на статьи «содействия развитию» и «поддержания экономики» также обычно одобрялся ими.

В этом смысле стремление администрации Д. Трампа урезать эти статьи шло вразрез с давней двухпартийной практикой. Другое дело, что его упор на силовые меры в борьбе с нелегальной миграцией и наркотрафиком – наиболее ощутимыми для США негативными последствиями кризиса в странах субрегиона – критиковался демократами с оговорками. Практика последних месяцев показывает, что в действительности целый ряд элементов этого курса рассматривается преемниками как весьма эффективные. Прежде всего, речь идёт о предъявлении партнёрам требований предпринять чёткие практические шаги в ответ на эти вызовы. Более того, администрация Байдена фактически усовершенствовала механизм возложения обязанностей по разрешению кризисных явлений в Северном треугольнике, расширив набор участвующих в этом международных национальных, наднациональных и негосударственных партнёров. Стоит подчеркнуть, что неизменным при всех администрациях всегда оставалось понимание Северного треугольника как части большего по стратегическому значению пространства Центральной Америки.

В то же время объективным препятствием служат не столь очевидные, но глубокие различия в развитии каждой из трёх республик. Наследие кровопролитных гражданских конфликтов и «демократический переход» переживались в них по-разному. Прежде всего, это больший традиционализм Гватемалы и Гондураса по сравнению с Сальвадором. В свете этого борьба с коррупцией и усилия по повышению «качества демократии», официально поставленные администрацией Дж. Байдена во главу угла и сопровождаемые решительными шагами, дают необычный пример внешнего «моделирования» по единому шаблону. «Реконструкция» трёх республик под руководством США теперь подаётся как обязательное условие получения финансирования и сохранения высокого уровня сотрудничества, которые несут в себе риск неожиданностей и разочарований. По всей видимости, разработ-

чики этой политики предоставляют себе «коридор» между оказанием точечного давления на политический истеблишмент стран Северного треугольника и привлечение их обещаниями выгод от последовательного стремления к переменам.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Millennium Challenge Corporation: Overview and Ises. Congressional Research Service. 3P. 27–28. October 3, 2019. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL32427.pdf> (accessed: 10.05.2021).
2. Central America Regional Security Initiative: Background and Policy Issues for Congress. P. 21–22. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R41731.pdf> (accessed: 10.05.2021).
3. U.S. Strategy for Engagement in Central America. White House. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/central_america_strategy.pdf (accessed: 10.05.2021).
4. Remarks to the Press with Q&A by Vice-President Joe Biden in Guatemala. June 20, 2014. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/06/20/remarks-qa-vice-president-joe-biden-guatemala> (accessed: 10.05.2021).
5. Presidents of El Salvador, Guatemala and Honduras outline plan to promote peace and prosperity in their region. November 14, 2014. Available at: <https://www.iadb.org/en/news/presidents-el-salvador-guatemala-and-honduras-outline-plan-promote-peace-and-prosperity-their> (accessed: 10.05.2021).
6. U.S. Department of State and U.S. Department of Homeland Security Declaration. November 14, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/j/prm/releases/factsheets/2014/234067.htm> (accessed: 10.05.2021).
7. Text of the House Amendment to the Senate Amendment to H.R. 2029, Military Construction and Veterans Affairs and Related Agencies Appropriations Act, 2016. December 17, 2015. Available at: <https://rules.house.gov/bill/114/hr-2029-sa> (accessed: 11.05.2021).
8. Congressional Budget Justification – Department of State, Foreign Operations and Related Programs. FY 2016. February 2, 2015. Available at: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/9276/FY16CBJStateFORP.pdf> (accessed: 11.05.2021).
9. Fact Sheet. The United States and Central America: Honoring Our Commitments. January 14, 2016. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/01/15/fact-sheet-united-states-and-central-america-honoring-our-commitments> (accessed: 11.05.2021).
10. Plan de Alianza para la Prosperidad del Triángulo del Norte. Septiembre 2015. Available at: http://www.mineco.gob.gt/sites/default/files/pdfs/avances_2015_y_metas_2016_del_plan_de_la_alianza_triangulo_norte_septiembre_2015.pdf (accessed: 11.05.2021).
11. Congressional Budget Justification – Department of State, Foreign Operations and Related Programs. FY 2017. February 9, 2016. Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/252179.pdf> (accessed: 11.05.2021).
12. Congressional Budget Justification – Department of State, Foreign Operations and Related Programs. FY 2018. May 23, 2017. Available at: <https://www.usaid.gov/results-and-data/budget-spending/congressional-budget-justification/fy2018> (accessed: 11.05.2021).

13. U.S. Strategy for Engagement in Central America: An Overview. February 16, 2021. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10371.pdf> (accessed: 11.05.2021).
14. U.S. Strategy for Central America. Available at: <https://www.state.gov/u-s-strategy-for-central-america/> (accessed: 11.05.2021).
15. U.S. Strategy for Engagement in Central America: Policy Issues for Congress. November 12, 2019. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44812.pdf> (accessed: 11.05.2021).
16. *Reuters*. March 30, 2019. <https://www.reuters.com/article/us-usa-immigration-trump-idUSKCN1RC013> (accessed: 11.05.2021).
17. Migrant Protection Protocols. January 14, 2019. Available at: <https://www.dhs.gov/news/2019/01/24/migrant-protection-protocols> (accessed: 11.05.2021).
18. Ryan C. Berg. A Central American Marshall Plan Won't Work // *Foreign Policy*. March 5, 2019. Available at: <https://foreignpolicy.com/2019/03/05/a-central-american-marshall-plan-wont-work/> (accessed: 11.05.2021).
19. Fact Sheet: DHS Agreements with Guatemala, Honduras and El Salvador. Available at: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/19_1028_opa_factsheet-northern-central-america-agreements_v2.pdf (accessed: 11.05.2021).
20. John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019. P. 446. Available at: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ232/PLAW-115publ232.pdf> (accessed: 12.05.2021).
21. *The Associated Press*. January 17, 2019. Available at: <https://apnews.com/article/eb67d062d28f4d6fbcf9dab51616a5ca> (accessed: 12.05.2021).
22. Torres Statement on State Department's List of Corrupt Central American Officials. April 3, 2019. Available at: <https://torres.house.gov/media-center/press-releases/torres-statement-state-department-list-corrupt-central-american> (accessed: 12.05.2021).
23. U.S.-Northern Triangle Enhanced Engagement Act. May 22, 2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2615/all-info> (accessed: 12.05.2021).
24. Southland Border Encounters. U.S. Customs and Border Protection. Available at: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/southwest-land-border-encounters> (accessed: 12.05.2021).
25. The Biden Plan to Build Security and Prosperity in Partnership with the People of Central America. Available at: <https://joebiden.com/centralamerica/> (accessed: 13.05.2021).
26. Devex. December 3, 2020. Available at: <https://www.devex.com/news/idb-president-pledges-collaboration-with-biden-on-capital-increase-central-america-98699> (accessed: 13.05.2021).
27. Text of the House Amendment to the Senate Amendment to H.R. 133. December 21, 2020. Available at: <https://www.congress.gov/116/cprt/HPRT42770/CPRT-116HPRT42770.pdf> (accessed: 13.05.2021).
28. Engel U.S.-Northern Triangle Enhanced Engagement Act Passes Congress. December 22, 2020. Available at: <https://foreignaffairs.house.gov/2020/12/engel-u-s-northern-triangle-enhanced-engagement-act-passes-congress> (accessed: 13.05.2021).
29. Taking Stock of the Trump's Legacy in Latin America. Washington Office on Latin America (WOLA). October 26, 2020. Available at: <https://www.wola.org/webinar-series-taking-stock-of-the-trump-administrations-impact-on-human-rights-and-democracy-in-latin-america/> (accessed: 13.05.2021).

30. Executive Order on Creating a Comprehensive Regional Framework to Address the Causes of Migration, to Manage Migration Throughout North and Central America, and to Provide Safe and Orderly Processing of Asylum Seekers at the United States Border. February 2, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/02/02/> (accessed: 13.05.2021).

31. *The New York Times*. March 24, 2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/03/24/us/politics/biden-harris-migration.html> (accessed: 13.05.2021).

32. UN News. February 25, 2021. Available at: <https://news.un.org/en/story/2021/02/1085642> (accessed: 13.05.2021).

33. *The Washington Post*. April 2, 2021. Available at: https://www.washingtonpost.com/national/march-border-crossings/2021/04/02/150ee61c-93b3-11eb-9af7-fd0822ae4398_story.html (accessed: 13.05.2021).

34. Borderreport. April 22, 2021. Available at: <https://www.borderreport.com/hot-topics/migrant-centers/mexico-plans-17-shelters-for-migrant-children-at-its-southern-and-northern-borders> (accessed: 13.05.2021).

35. Discurso del Embajador William Popp en la inauguración de CAMPO. Febrero 24, 2021. Available at: <https://gt.usembassy.gov/es/discurso-embajador-william-popp-en-inauguracion-de-campo> (accessed: 13.05.2021).

36. President's FY 22 Discretionary Budget Request. April 9, 2021. Available at: <https://www.state.gov/on-the-presidents-fy-2022-discretionary-funding-request/#t> (accessed: 13.05.2021).

37. USAID. April 6, 2021. Available at: <https://www.usaid.gov/news-information/press-releases/apr-6-2021-usaid-deploys-disaster-assistance-response-team-address-rising> (accessed: 13.05.2021).

38. FACT SHEET: Urgent Relief to Central America. White House. April 26, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/26/fact-sheet-urgent-relief-to-central-america/> (accessed: 13.05.2021).

39. Remarks by Hugo Rodriguez. February 4, 2021. Available at: <https://www.state.gov/remarks-on-u-s-support-for-combatting-corruption-and-advancing-rule-of-law-in-central-america/> (accessed: 13.05.2021).

40. Renewing the United States' Commitment to Addressing the Root Causes of Migration the Northern Triangle. April 14, 2021. Available at: <https://foreignaffairs.house.gov/2021/4/renewing-the-united-states-commitment-to-addressing-the-root-causes-of-migration-from-central-america> (accessed: 13.05.2021).

41. The Atlantic Council. Events: Emerging Markets Recovery in 2021; Conversations with Leaders of the Americas. April 5, 2021. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/events/> (accessed: 13.05.2021).

42. Statement From Senior Advisor and Chief Spokesperson Symone Sanders on Vice President Kamala Harris's Virtual Bilateral Meeting with President Andres Manuel López Obrador of Mexico. White House. May 7, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/07/> (accessed: 13.05.2021).

43. *El Faro*. 29 de enero 2021. Available at: <https://elfaro.net/es/202101/internacionales/25187/> (accessed: 13.05.2021).

44. Remarks by Vice-President Kamala Harris at the Virtual Washington Conference of the Americas. White House. May 4, 2021. Available at:

<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/05/04/remarks-by-vice-president-harris-at-the-virtual-washington-conference-on-the-americas/>
<https://elfaro.net/es/202101/internacionales/25187/> (accessed: 13.05.2021).

45. Briefing with the Special Envoy on Northern Triangle Ricardo Zúñiga. April 22, 2021. Available at: <https://www.state.gov/briefing-with-special-envoy-for-the-northern-triangle-ricardo-zuniga/> (accessed: 13.05.2021).

46. The United States Sanctions Guatemalan Officials for Corruption. April 26, 2021. Available at: <https://www.state.gov/the-united-states-sanctions-guatemalan-officials-for-corruption/#:> (accessed: 13.05.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бартенев В.И. 2018. Помощь «хрупким государствам» сквозь призму риск-менеджмента. *Международные процессы*. Т. 16. № 4. С. 20–41.

Бартенев В.И. 2019. Особенности финансирования программ международной помощи при администрации Д. Трампа: от инаугурации до «Украинагейта» // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. Т. 11. № 4. С. 68–113.

Бернал Альварез М.А. 2020. Ситуация с беженцами из Центрально-Американских стран как гуманитарный кризис и роль США в её решении // *Казанский вестник молодых ученых*. Т. 4. № 1. С. 32–39.

Громогласова Е.С. 2017. Гуманитарный кризис в «Северном треугольнике» // *Латинская Америка*. № 12. С. 43–54.

Кудеярова Н.Ю. 2019. Политизация пограничной проблемы: США и Мексика в региональной миграционной системе // *США & Канада: экономика, политика, культура*. Т. 49. № 11. С. 55–70.

Манухин А.А. 2019. Треугольник безопасности «США – Мексика – Центральная Америка». США в 2018 году. Круглый стол Совета молодых ученых ИСКРАН. М.: Весь мир. С. 98–111.

Шишков А. С. 2018. Центральная Америка в XXI веке: тенденции, проблемы, перспективы // *Проблемы национальной стратегии*. Т. 49. № 4. С. 54–66.

REFERENCES

Azpuru D. 2012 Democratic Consolidation in Postconflict States in Latin America – Insights from the Peace Building and Fragile States Literature // *In the Wake of War: Democratization and Internal Armed Conflict in Latin America*. Washington (D.C.) and Stanford: Woodrow Wilson Center Press, Stanford University Press. P. 71–77.

Bartenev V.I. 2018. Assistance to “Fragile States” Through the Prism of Risk Management] (in Russ.) // *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 16. No. 4. S. 20–41.

Bartenev V.I. 2019. The Features of Foreign Aid Programs Financing under the Trump Administration: from the Inauguration to the “Ukraineagate” (in Russ.) // *Vesnik Moskovskogo universiteta: Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenia I mirovaja politika*. Vol. 11. N 4. P. 68–113.

Bernal Alvarez M.A. 2020. The Migratory Situation with Central American Refugees as a Humanitarian Crisis and U.S. Role in Its Resolution. (in Russ.) // *Kazanskij vestnik molodyh uchenykh* Vol. 4. No. 1. P. 32–39.

Greene Z.D. 2018. Licht A.A. Domestic Policies and Changes in Foreign Aid Allocation: the Role of Party Preferences. *Political Research Quarterly*. Vol. 71. No. 2. P. 284–301.

Gromoglasova E.S. 2017. Humanitarian Crisis in the Northern Triangle (in Russ.) // *Latinskaya Amerika*. No. 12. P. 43–54.

Kelly R.E. Security Theory in the “New Regionalism”. June 2007 // *International Studies Review*. 9(2):197-229. DOI:10.1111/j.1468-2486.2007.00671.x

Kudeyarova N.Yu. 2019. The Politicization of the Migratory Problem: U.S. and Mexico in the regional migration system (in Russ.) // *USA & Canada: ekonomika, politika, kultura*. 2019. Vol. 49. No. 11. P. 55–70.

Kudeyárova N.Yu. 2019. Caravanas de migrantes: crisis del sistema regional de regulación migratoria. *Iberoamérica*. No. 1. P. 65–87

Manukhin A.A. 2019. The U.S. – Mexico – Central America Security Triangle (in Russ.). *The United States of America in 2018*. Moscow: Izdatelstvo VES MIR. P. 98–111.

Malinowski T., Blah Ch.O. 2016. De-Militarizing Civilian Security in Mexico and Northern Triangle. *PRISM*. Vol. 5. No. 4. P. 26–33.

Morgenthau H. 1962. A Political Theory of Foreign Aid. *The American Political Science Quarterly*. Vol. 56. No. 2. P. 301–309.

O’Brien Th. 2015. Human (In) Security and Democracy in Central America // *Democracy and Security*. Vol. 11. No. 1. P. 44–59.

Rivas Pardo P.A. 2016. Defensa interna de los países de América Central // *Estudios internacionales*. Año 48. No. 183. P. 93–117.

Rose S. 2020. Elite Incentives and Power Dynamics in Fragile States // *PRISM*. Vol. 8. No. 4. P. 84–99.

Shishkov A.S. 2018. Central America in the 21st Century: tendencies, problems, perspectives (in Russ.) // *Problemy nacionalnoj strategii*. Vol. 49. No. 4. P. 54–66.

Söderbaum F. 2013. Rethinking Regions and Regionalism. Georgetown // *Journal of International Affairs*. Ассигнования сократились примерно на треть Vol. 14. No. 2. P. 9–18

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHER

МАНУХИН Алексей Анатольевич
кандидат исторических наук, второй секретарь Посольства РФ в США.

Министерство иностранных дел Российской Федерации.
119200 Москва, Смоленская-Сенная площадь, 32/34.

Alexey A MANUKHIN, Cans. Sci. (History), Second Secretary at the Embassy of the Russian Federation to the United States of America

The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
32/34 Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, Russian Federation

Статья получена / Received 14.05.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 23.05.2021

Статья принята к публикации / Accepted 30.05.2021.

УДК 329.11

DOI: 10.31857/S268667300016023-5

Канадские консерваторы сегодня

Е.В. Израелян

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер.2/3

ORCID: 0000-0002-9491-4633

e-mail evgenia_vik13@mail.ru

Резюме: В марте 2021 г. прошёл съезд Консервативной партии Канады (КПК). Съезд показал, что КПК переживает нелёгкий этап в своём развитии. Относительно недавно созданная путём объединения разобщённых фракций консервативного крыла КПК не смогла преодолеть идейные противоречия, которые достигли своей критической массы. Кроме того, работа съезда, так же, как и повседневная деятельность КПК, проходила под знаком регионального раскола, острых разногласий между Западными и Восточными провинциями. Эти объективные противоречия «подпитывались» межличностными разборками, создающими конфликтную атмосферу внутри партии.

Для выхода из кризиса КПК предстоит решить три задачи: расширить электорат; пересмотреть программные установки, которые не отвечают современным реалиям; решить проблему лидерства. В ближайшей повестке дня – движение по пути преодоления углубившегося внутрипартийного разлада и хаоса, без чего, на наш взгляд, невозможно выполнение поставленных задач.

Ключевые слова: Консервативная партия Канады (КПК), Эрин О’Тул, Прогрессивно-консервативная партия Канады, социальные консерваторы, Либеральная партия Канады, Джастин Трюдо, проблема глобального потепления, налог на выбросы углекислого газа, аборт, эвтаназия

Для цитирования: Израелян Е.В. Канадские консерваторы сегодня. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51 (8) 39-50. DOI: 10.31857/S268667300016023-5

Canadian Conservatives Today

Evgeniya V. Issraelyan

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,

2/3 Khlebnny per., Moscow 121069 Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9491-4633

e-mail: evgenia_vik13@mail.ru

Abstract. The Conservative Party of Canada (CPC) Convention was held in March 2021. It showed that the party is going through a complicated stage in its development. The relatively young party, created by uniting the disconnected factions of the conservative wing, has not been able to overcome the ideological contradictions. In addition, the work of the convention, as well as the daily activities of the CPC, was marked by a regional split, sharp differences between the Western and Eastern provinces. These contradictions were "fueled" by interpersonal squabbles that created an uneasy atmosphere within the party. To overcome the crisis the CPC would have to solve three tasks: first, to expand the electorate. Second, to review the points of the political program which do not meet modern realities. Third, solve the leadership problem. The immediate agenda includes moving towards overcoming the deepened internal party discord.

Keywords: Conservative Party of Canada (CPC), Erin O’Toole, Progressive Conservative Party of Canada, Social conservatives. Liberal Party of Canada, Justin Trudeau, global warming, carbon tax, abortion, euthanasia

For citation: Issraelyan E.V. Canadian Conservatives today. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51 (8) 39-50. DOI: 10.31857/S268667300016023-5

ВВЕДЕНИЕ

18-20 марта 2021 г. в режиме онлайн прошёл съезд Консервативной партии Канады (КПК). Эта партия, образованная в 1854 г., является неотъемлемой частью двухпартийной системы Канады. В настоящий момент она занимает в канадском политическом спектре место правого центра и имеет статус официальной оппозиции в парламенте. Лидером КПК в августе 2020 г. был избран 48-летний Эрин О'Тул, бывший военный, занимавший пост министра по делам ветеранов в правительстве С. Харпера.

Современная КПК – наследница многих консервативных партий, действовавших в Канаде под различными названиями (Прогрессивно-консервативная партия, Партия реформ, Канадский альянс). Идеология современного консерватизма включает принципы индивидуализма, частной инициативы, уменьшения роли государства в экономике, ослабления контроля над иностранным капиталом, ограничение вмешательства центра в дела провинций. Во внешней политике консерваторы больше, чем либералы, настроены на «североамериканскую волну» и жёсткую силу. Хотя канадский консерватизм претерпел эволюцию, по аналогии с британскими консерваторами к нему часто применяют термин «тори».

Партия прошла нелёгкий путь институционального и организационного оформления [Комаров А.Н. 2011: 71-72]. Она играла ведущую роль в политической жизни страны до начала XX века. Отцом-основателем Канады принято считать первого премьер-министра консерватора Д. Макдональда, который запомнился как смелыми реформами, так и политикой беспощадного притеснения аборигенного населения. В XX веке консерваторы провели значительную часть времени в оппозиции, образуя различные новые партии и движения консервативного толка. Объединение в 2003 г. разрозненных фракций консервативного крыла (Прогрессивно-консервативной партии и партии Канадский альянс) в единую Консервативную партию привело к возрождению её влияния и приходу к власти в 2006 г. Лидерами консервативных партий были такие незаурядные политики как Дж. Дифенбейкер (1957–1963 гг.), Б. Малруни (1984–1993), С. Харпер (2006–2015), оставившие заметный след в истории Канады.

В настоящее время консерваторы (чаще всего действующие под эгидой Прогрессивно-консервативной партии), возглавляют провинциальные правительства в Альберте, Онтарио, Манитобе, Саскачеване, Нью-Брансуике, Острове Принц Эдуард. Их социальную базу составляют англоговорящие жители городов и сельской местности, в основном Западных провинций.

Съезд – верховный партийный орган и признанная составная часть политического механизма страны. Институт съездов окончательно оформился в Канаде лишь во второй половине прошлого века. Существуют два вида съездов – национальные конвенты, которые специально созываются для избрания партийного лидера, и политические съезды, обсуждающие программные и организационные вопросы [Данилов С.Ю., Шило В.Е. 1991: 50]. Обычно и те, и другие становятся значимыми событиями общественной жизни и получают широкое освещение в СМИ.

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Мартовский (2021 г.) съезд КПК проходил в весьма тревожной для консерваторов атмосфере. Прежде всего, потому что страна уже не первый месяц находится в

состоянии «боевой готовности» перед началом новой избирательной кампании. Напомним, что победившая на федеральных выборах в октябре 2019 г. Либеральная партия во главе с Дж. Трюдо смогла сформировать лишь правительство меньшинства (либералы получили 157 из 337 депутатских мандатов). Правительства меньшинства обычно живут не более 1,5–2 лет и нередко завершают свою работу после вынесения вотума недоверия, который может при определённых условиях принести правящей партии высокие политические дивиденды.

Придя к власти, либералы рационально использовали отведённое им время. Дж. Трюдо показал себя гибким и умелым политиком, способным управлять страной в условиях политической турбулентности. Его правительство пережило роспуск парламента, несколько голосований в Палате общин, которые могли закончиться вотумом недоверия и отставкой кабинета, а в самом кабинете дважды проводились перестановки ключевых фигур (в августе 2020 г. и в январе 2021 г.). Только по вопросу о принятии федерального бюджета в апреле 2021 г. прошли три голосования, грозившие правительству вотумом недоверия*. Кроме того, как и в предыдущие годы, сам премьер-министр оказался втянутым в очередной скандал, от которого его репутация не сильно пострадала**.

Выделение правительством очень крупных средств на борьбу с пандемией ковид-19, в том числе в виде помощи гражданам и бизнесу, обеспечило ему высокую поддержку населения. В марте 2021 г. либералы значительно опережали консерваторов по числу граждан, готовых проголосовать за них на федеральных выборах. По данным опроса, проведённого компанией «Леже» (*Léger*), 36% респондентов проголосовали бы за либералов и 31% – за консерваторов; по замерам «Ипсос» (*Ipsos*), разрыв ещё значительнее: 35% против 28% [14]. При такой популярности Дж. Трюдо в любой момент может воспользоваться ситуацией и обратиться к генерал-губернатору с запросом о роспуске парламента и объявлении внеочередных выборов. Подобный ход событий оказался бы неблагоприятным для консерваторов, которые по популярности не могут конкурировать с правящей партией.

Во-вторых, из-за усилившейся поляризации внутри самой Консервативной партии. В СМИ отмечалось, что в истории КПК уже были подобные антагонизмы, цитировали С. Харпера, который как-то сказал: «если у вас нет фракций, вы не можете считаться настоящей консервативной партией» [3]. Ситуация, однако, была нестандартной.

Известно, что в рамках консервативной идеологии существуют различные политические течения, основными из которых являются «красный» и «синий» торизм. Оговоримся сразу, что ключевые установки этих программ будут рассмотрены в самом общем виде, опираясь на выводы ряда научных работ. Так, ведущий российский исследователь канадского консерватизма А.Н. Комаров определяет «красный торизм» как патерналистское или традиционалистское направление, основанное на признании роли государства-покровителя в экономике, на принципах умеренного экономи-

* Благодаря поддержке НДП либералы получили 178 голосов против 157 в пользу предложенного бюджета.

** Скандал произошёл вокруг неправительственной организации «Ви чэрити», получившей крупный правительственный грант, из которого, как оказалось, выплачивались гонорары и заработная плата членам семьи Дж. Трюдо.

ческого либерализма и прогрессивных социальных идей [Комаров А.Н. 2011: 77-79]. «Красные тори» занимают место левее и в центре консервативной идеологии.

«Синие тори» ратуют за проведение неоконсервативной политики, ослабление участия государства в экономике, децентрализацию федеральной власти и отражают правый спектр канадского консерватизма. О том, что эти концептуальные разногласия по-прежнему значимы, свидетельствует, например, следующий факт. Во время выборов лидера КПК в августе 2020 г. Э. О'Тул позиционировал себя «настоящим синим тори». А его главного соперника, Питера Маккея, обозреватели отнесли к «пурпурным» тори из-за недостатка оттенков красного торизма в его программе [10]. Правда, сам П. Маккей уточнял, что избегает цветных ярлыков, считая их недостоверными.

В последние десятилетия особую активность на политическом поле Канады проявляет группа социальных консерваторов. Они действуют внутри обоих упомянутых направлений. Социальные консерваторы – сторонники продвижения консервативных ценностей в сферы культуры, семьи, сексуальности и морали. В числе их требований значится широкий круг запретов: на аборт, однополые браки, эвтаназию, исследование эмбриональных стволовых клеток, использование вспомогательных репродуктивных технологий, разработку гендерно-ориентированного законодательства. Одним словом, они предлагают отказаться от наиболее прогрессивных достижений в области науки, защиты прав женщин, меньшинств и гендерного равенства. Носителем этих идей является образованная в Торонто в 1978 г. влиятельная лоббистская организация «Кампания коалиция за жизнь» (*The Campaign Life Coalition*).

С этими идеологическими разногласиями связана *третья проблема – проблема партийного лидерства*. Несмотря на то, что на выборах 2019 г. консерваторы выиграли больше голосов избирателей, чем победившие либералы, они получили только 35,8% общего числа депутатских мандатов. По Уставу КПК в случае электоральной неудачи съезд партии голосует за переизбрание лидера. Тогдашнему главе КПК Э. Ширу ставили в вину слабые результаты избирательной кампании в Онтарио и Квебеке, неумение полемизировать, отступления от официальной линии партии по вопросу об абортах и правах ЛГБТ, неспособность воспользоваться скандальными разоблачениями Дж. Трюдо по делу Эс-эн-си Лавалин и «браунфейс» [Комкова Е.Г. 2020: 10-31]. В декабре 2019 г. Э. Шир подал в отставку. Встал вопрос о его преемнике.

Выборы нового партийного лидера, неоднократно переносились из-за пандемии ковид-19 и, наконец, состоялись в августе 2020 г. Национальный конвент было решено не созывать, а провести голосование в режиме онлайн. В борьбе за высшую должность партии участвовали четыре кандидата: Э. О'Тул; П. Маккей – бывший лидер Прогрессивно-консервативной партии Канады и министр иностранных дел в правительстве С. Харпера; Леслин Льюис, первая в истории Канады женщина – представительница «видимых меньшинств»^{***}, выдвинутая на пост лидера федеральной партии (её называют «восходящей звездой» КПК); и Дерек Слоан – юрист, член Палаты общин парламента Канады. Нелёгкая победа досталась Э. О'Тулу, причём после трёх туров голосования, вслед за снятием своих кандидатур Л. Льюис и Д. Слоаном.

^{***} видимыми меньшинствами являются лица неаборигенного происхождения, которые не принадлежат к европеоидной расе и имеют небелый цвет кожи.

Успех Э. О'Тула оказался для многих неожиданностью: большинство экспертов отдавали пальму первенства П. Маккею, харизматичному, опытному и авторитетному политику. Скорее всего, свою роль сыграли его критические замечания в адрес социальных консерваторов, нередко высказанные в неллицеприятной и даже оскорбительной манере. По контрасту Э. О'Тул оказался более приемлемым для этой части КПК, а после избрания лидером стал на них ориентироваться. Знаковым был выбор Л. Люис, представляющей социал-консервативное направление, спикером на торжественной церемонии открытия мартовского съезда КПК.

Политические разборки и персональные выпады внутри партии продолжают, ослабляя её позиции и нанося существенный урон её репутации в глазах электората. Противостояние между Э. О'Тулом и П. Маккеем усилилось после того, как О'Тул сообщил своему бывшему сопернику о нежелательности его участия в будущих федеральных выборах [4]. Это было стратегической ошибкой. Наряду с опытом и влиянием П. Маккей, родом из Новой Шотландии, имеет крепкие связи в Атлантических провинциях и мог бы расширить социальную базу консерваторов в регионе, который является оплотом либералов.

Многие члены партии также сочли слишком суровым наказание другого бывшего конкурента О'Тула – Д. Слоана, который был исключён из кокуса КПК по обвинению в неподобающем поведении и нарушении этических норм. А позже руководство партии запретило ему участвовать в федеральных выборах в качестве кандидата от КПК. Ситуацию точно описала «Торонто стар», сославшись на анонимный источник: «общественность не интересуется различия между фракциями. Люди просто думают, что консерваторы не способны навести порядок даже в собственном доме» [3].

В высших эшелонах партии и среди её рядовых членов зрело недовольство имиджем и стилем управления. Судя по опросам, за 200 дней пребывания Э. О'Тула на посту лидера КПК число членов партии, отрицательно относящихся к нему, выросло с 13% до 32% [6]. И это при том, что 200-дневный период считается показательным для новоизбранных лидеров консервативных партий и обычно сопровождается всплеском их популярности. Любопытно, что даже Э. Шир, который отнюдь не был «любимцем» общественности, сумел поднять за первые полгода партийный рейтинг на пять пунктов.

Команда О'Тула надеялась поправить ситуацию на съезде, который должен был помочь ему набрать недостающие политические очки.

ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ КОНСЕРВАТОРОВ

В работе трёхдневного съезда КПК, проходившего онлайн, приняли участие рекордное число членов партии – около 5 700 человек (из них 3 100 – с правом голоса) [1]. Мероприятие было достаточно затратным – порядка 40 тыс. долл. КПК могла позволить себе такие расходы, так как с точки зрения финансирования четвертый квартал 2020 г. был самым успешным за всю историю партии. В виде донорских пожертвований она получила 7,7 млн долларов [9].

Повестка дня съезда была очень насыщенной: помимо обсуждения выступления Э. О'Тула, делегаты рассмотрели 34 политические рекомендации и 29 поправок к

Уставу. Предложения прошли строгий отбор – первоначально их было 196 и 63, соответственно [1]. Так исторически сложилось, что многие проекты резолюций, выдвигаемые рядовыми делегатами, исчезают в бумагах комиссий съезда и не достигают обсуждения и голосования [Данилов С.Ю., Шило В.Е. 1991: 52]. Как правило, поправки и модификации вносятся в два основополагающих документа: в Политическую декларацию Консервативной партии Канады, излагающую ключевые принципы и установки её деятельности, и в Устав, определяющий организационную структуру.

Аудитория с нетерпением ожидала речь Э. О’Тула, так как это было его первое основополагающее публичное выступление после избрания лидером КПК. Отметим в нём три ключевых положения.

Во-первых, о необходимости расширения массовой базы партии: «Мы должны стать партией для всех канадцев, привлечь представителей разных расовых и этнических групп, ЛГБТ-сообщества, а также жителей всех регионов, выйдя за пределы Западной Канады и сельской местности», – убеждал присутствовавших Э. О’Тул.

Во-вторых, о важности разработки Консервативной партией эффективной программы постпандемического восстановления. Некоторые её элементы были сразу озвучены Э. О’Тулом: создание новых рабочих мест, оказание помощи малому бизнесу, стимулирование возобновления деятельности разорившихся предприятий и открытие новых; принятие закона о борьбе с коррупцией; введение плана сохранения психического здоровья граждан; достижение сбалансированного бюджета в течение последующего десятилетия [5].

В-третьих, о значении свежих идей и инновационных подходов в деятельности партии: «Только осуществив модернизацию, партия сможет добиться победы на выборах и прогрессивно развиваться», – заявил Э. О’Тул в заключение [5].

Главной новацией выступления лидера партии стала его позиция по вопросу об изменении климата. В этой части речи, которую по праву можно считать программной, Э. О’Тул назвал защиту окружающей среды «ключевой консервативной ценностью». Сейчас, когда изменение климата стало объективной реальностью, партия, по его словам, должна сыграть ведущую роль в развитии «чистой экономики» и обеспечении «зелёного будущего» для своей страны. Первым шагом станет разработка всеобъемлющего плана КПК по вопросам охраны экологии, который убедит избирателей в серьёзности намерений партийного руководства. Э. О’Тул не упустил случая обвинить Дж. Трюдо в том, что либералы ввели налог на выбросы углекислого газа (*federal carbon tax*), что, как утверждал О’Тул, оказалась тяжёлым бременем для бедных семей, особенно в период пандемии. Лидер консерваторов пообещал максимально учесть интересы граждан в случае введения платы за эмиссии парниковых газов [5].

Позволим себе небольшое отступление о проблеме глобального потепления в контексте политики Оттавы. Канада была в числе первых стран, ратифицировавших Парижское соглашение по климату, принятое в ноябре 2016 г., и взяла на себя обязательство снизить к 2030 г. эмиссии парниковых газов на 30% по сравнению с 2005 г. Во время Климатического саммита, созванного по инициативе Байдена 22–23 апреля 2021 г., Дж. Трюдо повысил планку обязательств Канады. Он объявил, что устанавливает новую цель: уменьшение объёма выбросов по

сравнению с 2005 г. на 40–45%, а к 2050 г. Канада достигнет «нулевых выбросов». Однако, как показывает опыт, выполнить обещания будет нелегко.

Добыча нефти и природного газа является важнейшим фактором роста канадской экономики: Канада занимает шестое место в мире по объёмам производства нефтепродуктов и четвёртое – по экспорту нефти [Жуков С.В. и др. 2018: 133-147]. Вводя ограничения на эмиссии парниковых газов, Оттава ставит свой нефтегазовый сектор в жёсткие условия развития, что вызывает резкое недовольство ресурсодобывающих Западных провинций.

Главным рычагом государственной политики по снижению выбросов было введение с начала 2018 г. налога на эмиссии углекислого газа. Канада стала вторым после Норвегии крупным производителем нефти, который установил цену на выбросы для своих резидентов [Жуков С.В. и др. 2018: 133-147]. Однако процесс оказался исключительно сложным. Можно сказать, что введение этого налога стало одним из самых остросюжетных внутриполитических вопросов. Альберта, Саскачеван и Онтарио пытались оспорить закон в суде, заявив, что он нарушает их полномочия на установление налогов и конституционное право на разработку собственных природных ресурсов. Однако Верховный суд Канады признал налог на выбросы углерода легитимным [2].

Консерваторы, защищающие интересы Западных провинций, постоянно критиковали экологическую политику Дж. Трюдо, особенно, в связи с введением углеродного налога. При этом собственного плана борьбы с эмиссиями у консерваторов не было. Заявление Э. О'Тула на съезде КПК было стратегическим отступлением от установок партии и вызвало сильное противодействие как на самом съезде, так и после него. Однако, завершая своё выступление, он подчеркнул, что «все дебаты по поводу отношения КПК к проблеме глобального потепления закончены».

Судя по всему, Э. О'Тул недооценил ситуацию. При обсуждении политических рекомендаций делегат от провинции Квебек предложил внести поправки в текст раздела об окружающей среде Политической декларации партии [15: 21]. Разработанные поправки были в русле идей, высказанных в речи О'Тула относительно необходимости пересмотра политики партии в сфере экологии. Представители Квебека хотели дополнить текст декларации следующими фразами: партия «признает реальность изменения климата», «Консервативная партия готова действовать», а также включить пункт о поддержке «зелёных технологий» и требование к бизнесу уменьшить выбросы парниковых газов [13]. Включение этих поправок в текст декларации означало бы, что перестройка политики партии по вопросам экологии началась. Этого, однако, не допустили делегаты Западных провинций и Онтарио. Проект вызвал ожесточенные споры и в результате был отвергнут (54% голосов делегатов съезда проголосовали «против» и 46% – «за»).

Для внесения изменений в Политическую декларацию требуется двойное большинство – большинство делегатов в целом и большинство делегатов в большинстве провинций. Размежевание между Западными и Восточными провинциями Канады прослеживалось очень чётко: Атлантические провинции и Квебек поддержали поправки, причём в Нью-Брансуике и Квебеке «за» высказались 70% участников голосования. Противоположную позицию заняли ресурс-

ные Западные провинции и промышленная Онтарио: 73% делегатов от Саскачевана, 62% представителей Альберты и 58% депутатов Онтарио не согласились вносить дополнения в документ [13].

Таким образом, попытка официально признать реальность проблемы изменений климата и сделать борьбу с ними пунктом программы Консервативной партии потерпела неудачу.

Сложилась скандальная ситуация: лидер партии и большинство её рядовых членов оказались «по разные стороны баррикад». Бывший советник руководства КПК Т. Пауэрс сравнил Э. О'Тула с диетологом пациентки, которая ещё не до конца смирилась с тем, что пора немного похудеть [11]. Аналитики и СМИ были единодушны в том, что у О'Тула возникнут большие трудности при выработке программы КПК, отвечающей современным реалиям.

Однако дальнейшие шаги Э. О'Тула показали, что он не намерен отступать. Уже 15 апреля был опубликован климатический план консерваторов, главным пунктом которого было установление цены на выбросы парниковых газов. Это было отходом от линии категорического неприятия налогообложения эмиссий, которую проводило руководство консерваторов в последние десятилетия.

Документ, подготовленный окружением О'Тула, заслуживает отдельного исследования и не рассматривается подробно в данной статье. Отметим только, что одним из новшеств было предложение о создании индивидуальных "низкоуглеродных сберегательных счетов", на которые будут направляться средства граждан, затраченные ими на покупку топлива. Затем держатели счетов смогут использовать эти деньги для приобретения одобренных правительством экологически чистых товаров и услуг [8]. Консерваторы представляли сберегательные счета альтернативой одиозному налогу на углерод. Сейчас идёт процесс согласования программы с провинциальными и территориальными правительствами, связанными с КПК, и с другими организациями, вовлечёнными в энергетическую политику.

АБОРТЫ, ЭВТАНАЗИЯ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Острые разногласия на съезде КПК вызвало обсуждение и других важных вопросов внутривластной жизни Канады. Упомянутая выше «Кампания коалиция за жизнь» (ККЖ) попыталась добиться пересмотра позиции партии по вопросу об аборте.

Напомним, что консервативные партии Канады, объединяющие в своих рядах многих сторонников «защиты права на жизнь с момента зачатия», традиционно выступали за запрет, а иногда за криминализацию абортов. Влияние женских организаций, а также группировок внутри партии, ориентирующихся на молодёжь и придерживающихся прогрессивных взглядов, побудило руководство партии изменить свои установки. В 2006–20015 гг. (правление С. Харпера) в Политическую декларацию КПК была внесена статья о том, что консерваторы выступают против законодательства, регулирующего аборты» [15: 27]. Сформулированный довольно расплывчато текст статьи означал, что консерваторы не будут требовать принятия нового законодательства об абортах взамен существующего.

шего, по которому аборт разрешен на всех стадиях беременности и финансируется из федерального и провинциальных бюджетов.

Э. О'Тул придерживается официальной позиции партии. В отличие от своего предшественника Э. Ширы он известен и другими либеральными взглядами. Так, на следующий день после своего избрания лидером КПК он пообещал, что будет участвовать в гей-парадах и уважать права секс-меньшинств.

Однако, несмотря на принятую партией установку, споры об абортах не прекращались и в преддверии съезда, и во время него. Чтобы заручиться поддержкой делегатов съезда, ККЖ развернула широкую агитационную кампанию на уровне окружных партийных ассоциаций. Но её энергичные усилия закончились неудачей: она не сумела набрать необходимое число голосов для включения вопроса в повестку дня партийного съезда. Положение Политической декларации, фактически признающее свободу выбора для женщин в вопросах деторождения, осталось прежним. ККЖ болезненно отреагировала на случившееся, обвинив партийный истеблишмент в применении «грязных технологий» против социально-консервативных движений [12].

Не остался в стороне и вопрос об эвтаназии. Эвтаназия и помощь в осуществлении суицида в Канаде были легализованы в июне 2016 г. для того, чтобы положить конец страданиям неизлечимо больных взрослых людей. В марте 2021 г. сфера действия закона была расширена, включив некоторые дополнительные категории взрослых пациентов. КПК – единственная из крупных федеральных партий Канады, отвергающая эвтаназию. Участники съезда 55-ю голосами против 45 подтвердили приверженность положению Политической декларации КПК, в которой говорится, что партия против эвтаназии и ассистированного самоубийства, а также против распространения подобных услуг на несовершеннолетних и людей, страдающих ментальными и психологическими расстройствами [15: 27], [16].

Рассмотрение организационных вопросов обычно является важной частью работы партийных съездов. Так произошло и на этот раз. Существенные поправки были внесены в процедуру избрания лидера партии. Прежде она была основана «на правиле равновесия» (*the equal-weight rule*), по которому каждый территориальный округ при голосовании за главу партии наделялся равным числом очков (по 100) независимо от числа проживающих в нем избирателей-консерваторов. После голосования эти 100 очков распределялись между кандидатами на пост в соответствии с долей полученных ими голосов. Теперь процедура изменилась. Учитывая неравную нарезку округов в Канаде, было решено перераспределить предоставляемые квоты: потолок остался равным 100 очкам и сохраняется для округов с электоратом не менее 100 человек. Для остальных округов очки теперь будут начисляться пропорционально числу избирателей-консерваторов.

«Правило равновесия» было принято в 2003 г. при создании КПК по требованию представителей Прогрессивно-консервативной партии во главе с П. Маккеем, опиравшейся на электорат Восточных провинций. При этом округ в Альберте, насчитывающий 1 500 членов КПК, приравнивался по очкам к квебекскому округу с 30 членами партии. Не удивительно, что попытки отменить это правило неоднократно предпринимались представителями Западных провинций.

Результаты голосования за поправку в Устав, которую одобрили 74% участников, вновь продемонстрировали опасный региональный разрыв. 80-90% делегатов Онтарио, Альберты и Саскачевана отдали свои голоса «за», в то время как Квебек (62%) и Атлантические провинции (от 62% до 80%) высказались против. Такой итог был ожидаемым – как отмечалось выше, Квебек и Атлантические провинции лидируют по числу округов с малым числом членов КПК [7].

На съезде обсуждались и другие поправки в Устав. Они касались расширения представительства молодёжи на съездах КПК, пересмотра критериев избрания делегатов съездов, расширения прав окружных ассоциаций, возможности использования электронного голосования при выборах лидера партии. Однако, помимо отмены «правила равновесия», других существенных поправок в Устав, по нашим данным, включено не было.

Делегаты избрали руководящий орган КПК Национальный Совет. Из 18 выбранных членов Совета семь были энергично поддержаны правыми группами, выступающими за запрет абортот. Судя по всему, эта тема по-прежнему сохранит свою актуальность в политическом дискурсе Консервативной партии Канады.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состоявшийся в марте 2021 г. съезд Консервативной партии Канады показал, что партия переживает нелёгкий этап в своём развитии. Относительно молодая, созданная путём объединения разобщённых фракций консервативного крыла КПК не смогла преодолеть идейные противоречия. Они достигли своей критической массы. Помимо «красных» и «синих» тори, набирает силу группировка «социальных консерваторов», стоящая на правоконсервативных позициях и мешающая обновлению КПК.

Работа съезда, так же как повседневная деятельность КПК, проходила под знаком регионального раскола, непримиримых разногласий между Западными и Восточными провинциями. Эти объективные противоречия «подпитывались» межличностными разборками, создающими конфликтную атмосферу внутри партии.

Представляется, что для выхода из кризиса КПК предстоит решить три задачи:

Во-первых, расширить электорат. Несмотря на то, что на выборах 2019 г. консерваторы получили больше голосов избирателей, чем победившие либералы, социальная база КПК весьма ограничена. Её составляют, главным образом, жители Западной Канады.

Во-вторых, пересмотреть программные установки, которые не отвечают современным реалиям. Попытка такого обновления позиции партии по вопросам изменения климата была сделана на съезде, однако потерпела поражение. Экологическая повестка, судя по всему, будет приоритетной для руководства КПК.

В-третьих, решить проблему лидерства. Пока неясно, удалось ли Э. О'Тулу «пройти тест» на лидерство: СМИ и аналитики весьма сдержанно оценивают его первый масштабный выход в публичную сферу.

В ближайшей повестке дня консерваторов – движение по пути преодоления углубившегося внутрипартийного разлада и хаоса, без чего, на наш взгляд, невозможно выполнить поставленные задачи.

ИСТОЧНИКИ

1. Allen S. Tory delegates debate constitutional questions to kick off convention// *The Hill Times*, March 18, 2021 Available at: <https://www.hilltimes.com/2021/03/18/estions-to-kick-off-convention> (accessed 20.03.2021)
2. Austen J. Canada Supreme Court Rules Federal Carbon Tax Is Constitutional// *The New York Times*, March 25, 2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/03/25/world/canada/canada-supreme-court-carbon-pricing.html> (accessed 26.03.2021)
3. Boutilier A. Why are Conservatives privately slagging Erin O'Toole? // *The Toronto Star*, March 17, 2021. Available at: <https://www.thestar.com/politics/federal/2021/03/17/> (accessed 24.04.2021)
4. Copps Sh. O'Toole makes his bed with social conservatives// *The Hill Times*, March, 22, 2021. Available at: <https://www.hilltimes.com/2021/03/22/289524/> (accessed 20.04.2021)
5. Erin O'Toole's convention speech: It's time for a new plan (Full transcript).// *Maclean's*, March 19, 2021. Available at: <https://www.macleans.ca/politics/ottawa/erin-otooles-convention-speech-its-time-for-a-new-plan-full-transcript/> (Accessed 4.05.2021)
6. Grenier E. Unlike past Conservative leaders, Erin O'Toole has enjoyed no bump in the polls// *CBC News*, Mar 10, 2021 4. Available at: <https://www.cbc.ca/news/politics/grenier-otoole-poll-bump-1.5942766> (accessed 18.04.2021)
7. Grenier E. Change in leadership rules shows Conservative Party's old fault lines haven't gone away// *CBC News* · Mar 24, 2021. Available at: <https://www.cbc.ca/news/politics/grenier-conservative-convention-1.5960904> (accessed 18.05.2021)
8. Kirkup K. Conservatives unveil loyalty card style of carbon pricing. *The Globe and Mail*, April 15, 2021. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/politics/article-conservatives-unveil-loyalty-card-style-of-carbon-pricing/> (accessed 5.06.2021)
9. Mangat, P. Conservative watchers hope for 'uneventful' convention with little drama// *The Hill Times*, March 17, 2021. Available at: <https://www.hilltimes.com/2021/03/17/conservative-watchers-hope-for-uneventful-convention-with-little-drama/> (accessed 20.05.2021)
10. Markusoff J. Peter MacKay: The Tories' avatar of unity, hope and renewal—but also of unforced errors. *Maclean's*, July 15, 2020. Available at: <https://www.macleans.ca/politics/peter-mackay-conservative-leadership-race-2020/> (accessed 24.10.2020)
11. Powers, T To tackle Trudeau, O'Toole needs to go after Conservative sacred cows. *The Hill Times*, 24.03.2021. Available at: <https://www.hilltimes.com/2021/03/24/to-tackle-trudeau-otoole-needs-to-go-after-conservative-sacred-cows/290233> (accessed 21.03.2021)
12. Tasker A. Abortion issue is off the table as Conservatives launch pre-election policy convention. *CBC News*. Mar 18, 2021. Available at: <https://www.cbc.ca/news/politics/conservative-policy-convention-abortion-1.5954129> (accessed 28.03.2021)

13. Tasker J. Conservative delegates reject adding 'climate change is real' to the policy book. *CBC News*, Mar 20, 2021. Available at: <https://www.cbc.ca/news/politics/conservative-delegates-reject-climate-change-is-real-1.5957739>(accessed 24.05.2021)

14. 338Canada.com - Poll Analysis & Electoral Projections. Available at: <https://338canada.com/polls.htm> (accessed 24.05.2021)

15. Conservative Party Policy Declaration. As amended by the delegates to the National Convention August 25th, 2018. 62 P.

16. Conservative Party Policy Declaration. Euthanasia As amended by the delegates to the National Convention on March 19, 2021. 69 P.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Данилов С.Ю., Шило В.Е. 1991. Политико-государственный механизм современной Канады. М.: Наука, 135 с.

Жуков С.В., Золина С.А., Копытин И.А., Масленников А.О., Синицын М.В. 2018. Налог на выбросы парниковых газов и перспективы нефтедобычи в Канаде // *ЭКО*. № 48 (11). С. 133-147. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-11-133-147

Комаров А. Н. 2011. К вопросу о сущности канадского консерватизма // *Канадский ежегодник*. Выпуск 15. С. 65–80.

Комкова Е.Г. 2020. Итоги всеобщих выборов в Канаде: «правительство меньшинства» у либералов // *США & Канада: экономика, политика, культура*. №1. 10-31. DOI: 10.31857/S268667300008054-9

REFERENCES

Danilov S.Yu., Shealo V.E. 1991. Political and State Mechanism of Contemporary Canada. M.: Nauka Publishers, 135 p.

Komarov A.N. 2011. What is the essence of Canadian Conservatism? // *Annual Journal for Canadian Studies in Russia*. Issue 15. 65–80 p.

Komkova E.G. 2020. General election results in Canada: A Liberal “Minority Government” // *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 1. P. 10-31.

Zhukov S. V., Zolina S. A., Kopytin I.A., Maslennikov A. O., Sinitsyn M. V 2018. (National Research Carbon Tax and Perspectives of Oil Production in Canada // *The "ECO" magazine*. No. 48(11). P. 133-147.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИСРАЕЛЯН Евгения Викторовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН.

Российская Федерация Москва 121069 Хлебный пер. 2/3.

Статья поступила в редакцию 20.05.2021

Статья поступила после рецензирования / Revised 30.05.2021

Статья принята к публикации / Accepted 3.06.2021.

Evgenia V. ISSRAELIAN, Cand. sci. (History), Leading Researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebny per., Moscow 121069 Russian Federation

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

13 июля 2021 г. свой юбилей отметила **Елена Константиновна Рогульская** – заведующая Редакционным отделом Института США и Канады РАН. Этот отдел выпускает в свет научную продукцию всех сотрудников Института: монографии по темам исследований и два журнала ИСКРАН – ежеквартальный электронный «Россия и Америка в XXI веке» и ежемесячный «США & Канада: экономика, политика, культура». В редакцию этого журнала (тогда он назывался «США: экономика, политика, идеология») пришла работать 30 лет назад Е.К. Рогульская, имея уже опыт работы в редакции газеты

«Правда» и некоторых других учреждениях.

В то время журнал «США: ЭПИ» не входил в структуру подразделений Института, но фактически вся работа в нём по подготовке статей в печать проходила с помощью Редакционного отдела Института. Елена Константиновна сумела наладить тесный контакт с его сотрудниками и вскоре стала незаменимой. В 2006 г. она уже была заместителем заведующей Редакционным отделом ИСКРАН, а затем и возглавила его, задействовав свой опыт и профессиональные навыки. Она по-прежнему самостоятельно выполняет большой объём работы в редакции журнала «США & Канада» и одновременно координирует всю работу обоих журналов Института.

Елена Константиновна – преданный фанат своего дела. Она отдаёт свои знания, силы и умение любимой работе, на неё всегда и во всём можно положиться. Благодаря огромному трудолюбию, неутомимости, творческому подходу и требовательности к себе и к коллегам Елена Константиновна заработала репутацию компетентного и ответственного работника, которую любят и уважают сотрудники журналов и Института.

Коллектив Института США и Канады РАН поздравляет Елену Константиновну с юбилеем, выражает ей самые добрые и тёплые чувства, желает крепкого здоровья, долгих лет плодотворной жизни, благополучия и удачи во всех делах!

JEL: F13

УДК 330.33.01

DOI: 10.31857/S268667300016024-6

Перспективы развития торгово-экономических отношений США с ЕС при администрации Джо Байдена

А.М. Меньшикова

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2853-5931> e-mail: a.menshickowa2014@yandex.ru

Резюме: В статье представлен комплексный анализ реальных перспектив эволюции трансатлантических торгово-экономических отношений при демократической администрации президента Джо Байдена. Рассматриваются противоречия и совпадения позиций в подходах официального Вашингтона и ЕС к проблематике внешнеэкономического сотрудничества сторон в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Обосновывается вывод, что, несмотря на вербальные заявления в необходимости восстанавливать взаимодействия между США и Евросоюзом, демократическая администрация продолжает в целом придерживаться протекционистского курса предшествующей республиканской администрации Д. Трампа. Официальный Брюссель, со своей стороны, активно выступая за масштабную перезагрузку сотрудничества с Соединёнными Штатами, стремится в должной степени отстаивать собственные экономические интересы и весьма трезво подходит к оценке реально возможного в возобновлении взаимодействия с Вашингтоном как в политической, так и в торгово-экономической области. Обе стороны исходят из того, что в силу объективных причин изменившейся геополитической ситуации в мире, внутренних процессов в самих Соединённых Штатах и странах Евросоюза возврата к характеру, интенсивности и уровню трансатлантического взаимодействия, которое имело место фактически с момента окончания Второй мировой войны вплоть до прихода к власти в США президента Д. Трампа, более не будет ни при каком, даже самом благоприятном сценарии, эволюции развития отношений между США и ЕС при президентстве Джо Байдена. Тем не менее, ЕС довольно настойчиво выступает с рядом инициатив (разработка и принятие так называемой новой трансатлантической повестки дня, предложение об учреждении нового Трансатлантического совета по торговле и технологиям), направленных как на снятие имеющихся значительных раздражителей в торгово-экономическом сотрудничестве сторон (заградительные таможенные пошлины, спор о госсубсидиях национальной авиастроительной отрасли, разногласия по вопросам реформы ВТО и подходов к экономическому сотрудничеству с Китаем и Ираном), так и выработку долгосрочной стратегии трансатлантического партнерства.

Ключевые слова: Джо Байден, Евросоюз, трансатлантическое сотрудничество, торгово-экономические отношения США с ЕС, заградительные таможенные тарифы, реформа ВТО, новая трансатлантическая повестка дня, протекционизм во внешнеэкономической политике США, Совет по торговле и технологиям между ЕС и США.

Для цитирования: Меньшикова А.М. Перспективы развития торгово-экономических отношений США с ЕС при администрации Джо Байдена. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51 (8) 52-68.

DOI: 10.31857/S268667300016024-6

Prospects for the Development of Trade and Economic Relations between the United States and the EU under the Joe Biden Administration

A.M. Menshikova

Institute of the USA and Canada, Russian Academy of Sciences (ISCRAN)

Russian Federation, 121069 Moscow, Khlebnyy lane, 2/3

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2853-5931> e-mail: a.menshickowa2014@yandex.ru

Abstract: The article presents a comprehensive analysis of the real prospects for the evolution of transatlantic trade and economic relations under the democratic administration of President Joe Biden. The contradictions and coincidences of positions in the approaches of official Washington and the EU to the problems of foreign economic cooperation of the parties in the short and medium term are considered. The conclusion is substantiated that, despite verbal statements in support of the need to restore interaction between the United States and the European Union, on the fundamental issues of such a course, the democratic administration continues to generally adhere to the protectionist course of the previous Republican administration of D. Trump. Official Brussels, for its part, actively advocating a large-scale reset of cooperation with the United States, seeks to properly defend its own economic interests and very soberly approaches the assessment of what is possible in the resumption of interaction with Washington, both in the political and trade and economic spheres. Both sides proceed from the fact that due to objective reasons of the changed geopolitical situation in the world, internal processes in the United States and the EU countries, a return to the nature, intensity and level of transatlantic interaction, which took place in fact from the end of World War II until the arrival of power in the United States of President D. Trump will no longer exist under any, even the most favorable scenario for the evolution of relations between the United States and the EU under the presidency of Joe Biden.

Nevertheless, the EU is quite persistent in coming out with a number of initiatives (development and adoption of the so-called new transatlantic agenda, proposing the establishment of a new Transatlantic Council on Trade and Technology) aimed at removing the existing significant irritants in the trade and economic cooperation of the parties (protective customs duties, a dispute over government subsidies for the national aircraft industry, disagreements over the WTO reform and approaches to economic cooperation with China and Iran), and the development of a long-term strategy for transatlantic partnership.

Keywords: Joe Biden, European Union, transatlantic cooperation, US-EU trade and economic relations, protective customs tariffs, WTO reform, New Transatlantic Agenda, protectionism in US foreign economic policy, EU-US Trade and Technology Council.

For citation: Menshikova A.M. Prospects for the development of trade and economic relations between the United States and the EU during the Joe Biden administration. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2021; 51 (8) 52-68.

DOI: 10.31857/S268667300016024-6

ВВЕДЕНИЕ

Избрание и вступление 20 января 2021 г. в должность президента США демократа Джо Байден в столицах европейских стран, как и в Евросоюзе, рассматривалось под углом реальной возможности масштабного реанимировать трансат-

лантическое сотрудничество, в значительной степени подорванное периодом пребывания у власти республиканской администрации Д. Трампа. 2 декабря 2020 г., ещё до приведения Джо Байдена к присяге в качестве президента страны, Европейская комиссия представила предложение по новой трансатлантической повестке дня, позволяющей тесно сотрудничать обеим сторонам по самым разным темам. 7 декабря 2020 г. Евросовет недвусмысленно в неофициальной форме подтвердил важность прочного партнерства с США. Европейский парламент надеется на более тесное сотрудничество с Соединёнными Штатами, написал в Твиттере Председатель Европарламента Давид Сассоли: «Миру нужны прочные отношения между Европой и Соединёнными Штатами, особенно в эти трудные времена. Мы с нетерпением ждем совместной работы по борьбе с COVID-19, изменением климата и преодолению растущего неравенства в мире» [1]. Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности, вице-президент Еврокомиссии Жозеп Боррель заявил: «Нашими конкретными предложениями о сотрудничестве с будущим правительством Байдена мы посылаем сильные сигналы нашим друзьям и союзникам в США. Давайте смотреть вперед, а не назад, и дадим нашим отношениям новый импульс. Мы должны построить партнёрство, которое обеспечит процветание, стабильность, мир и безопасность граждан двух наших континентов и всего мира. Нельзя терять время. Давайте возьмемся за это!» [2].

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО США И ЕС: НАДЕЖДЫ И РЕАЛЬНОСТИ

В день приведения к присяге нового президента Соединённых Штатов Европейский парламент обсудил политическую ситуацию в США, заявив, что изменения в руководстве Вашингтонской администрации открывают для Европы перспективу укрепления отношений с Соединёнными Штатами и решения общих проблем. Со своей стороны, председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен и Председатель Европейского Совета Шарль Мишель подготовили проект «Новой повестки дня ЕС – США для глобальных изменений». «Результаты выборов в Соединённых Штатах, более сильная настойчивость Европы и задача построения мира после пандемии коронавируса предоставляют уникальную возможность разработать новую общую повестку дня для глобального сотрудничества», – говорится в документе комиссии, не в последнюю очередь для консолидированного ответа Запада «стратегическому вызову», исходящему от Китая [3]. Ш. Мишель опубликовал специальный доклад «Обновление отношений между ЕС и США». Смена правительства в Вашингтоне, указывается в документе, позволяет ЕС наполнить новой жизнью стратегическое партнёрство с Соединёнными Штатами; обе стороны должны будут объединить усилия, чтобы определить глобальную повестку дня [4]. У. фон дер Ляйен подчеркнула: «Я считаю, что в меняющемся мировом ландшафте настало время для новой трансатлантической повестки дня, подходящей для сегодняшнего мира. И я считаю, что именно Европа должна проявить инициативу» [5]. Заявив о начале проработки в ЕС инициативы о новой повестке дня, председатель Еврокомиссии уточнила, что

трансатлантический альянс основан на общих ценностях и общей истории, но также и на общих интересах, а именно на том, чтобы мир стал более крепким, спокойным и процветающим, заметив, что сильное трансатлантическое партнёрство делает сильнее и ЕС, и США, и пришло время начать с новой повестки дня трансатлантического и глобального сотрудничества для современного мира.

За весь период президентства Д. Трампа, который однажды сказал, что ЕС был создан для того, чтобы воспользоваться преимуществами США, его никогда не приглашали присоединиться к лидерам ЕС на саммитах. Однако для Джо Байдена была «расстелена виртуальная красная ковровая дорожка»: «Впервые за 11 лет мы приветствовали президента Соединённых Штатов», – отметил Шарль Мишель на заключительной пресс-конференции по итогам состоявшегося 25 марта 2021 г. в онлайн-формате саммита Евросоюза, ссылаясь на экс-президента США Барака Обаму, вице-президентом в администрации которого был Джо Байден. – «Это была возможность для президента Соединённых Штатов выразить своё видение будущего сотрудничества между ЕС и США, а также возможность для нас, Европейского Союза, выразить нашу очень твёрдую приверженность этому фундаментальному трансатлантическому альянсу» [6].

Лидеры ЕС приветствовали избрание демократического кандидата Джо Байдена президентом США. Но в Брюсселе вряд ли полагают, что европейско-американские отношения можно просто вернуть к временам, существовавшим до четырёх лет президентства Д. Трампа. Хотя политики по обе стороны Атлантики в публичных заявлениях и полны решимости восстановить трансатлантические отношения, признание того, что будущее этих отношений будет весьма сложным, доминирует. И Брюссель, и Вашингтон, стремящиеся к более тесному сотрудничеству, быстро пришли к соглашению по ряду несущественных вопросов двусторонних отношений при явном сохранении существенных различий по принципиальным вопросам. Команда Джо Байдена сталкивается с некоторыми из тех же препятствий, которые способствовали обострению евроатлантических связей, сначала во время пребывания Барака Обамы в Овальном кабинете, а затем, в гораздо большей степени, при Д. Трампе, который назвал Европу экономическим противником. Действительно, все национальные правительства ЕС приветствовали цель президента-демократа оживить американско-европейские отношения и, безусловно, весьма позитивно воспринимают отход Белого дома от враждебной риторики. Тем не менее, Вашингтон сейчас столкнулся с тем, что Евросоюз, который всё больше поворачивается к своим внутренним проблемам, сосредотачивается на защите собственного постпандемийного рынка и своих промышленных гигантов, полон решимости стать самостоятельным глобальным игроком, что, вероятно, усугубит определённые торговые и геополитические трения и разногласия между Брюсселем и администрацией Джо Байдена.

Со своей стороны, президент США заверил ЕС в желании содействовать восстановлению масштабного трансатлантического сотрудничества. В частности, Джо Байден заявил мировым лидерам о приверженности Америки своим европейским союзникам после того, как отношения были разрушены при его предшественнике. На первом крупном обращении к европейским лидерам с момента вступления в

должность во время виртуальной встречи на ежегодной Мюнхенской конференции по безопасности, он заявил, что «Америка вернулась». «Диапазон задач, которые США и Европа должны решить вместе, широк и сложен. Последние четыре года были трудными, но Европа и Соединённые Штаты должны снова уверенно вести за собой». Байден присутствовал на Мюнхенской конференции по безопасности на протяжении десятилетий, начиная с того времени, когда он был председателем сенатского комитета по международным отношениям. Два года назад Байден посетил конференцию как частное лицо, пообещав, что Америка «вернется, не сомневайтесь в этом». «Я человек слова, – подчеркнул 19 февраля 2021 г. Байден, обращаясь к участникам встречи. – Америка вернулась» [7].

Йоханнес Абрахам, руководитель аппарата Белого дома и ответственный секретарь Совета национальной безопасности США указал, что президент ясно дал понять, что трансатлантический альянс вернулся, и его оживление является ключевым приоритетом для президента и трансатлантические отношения являются прочной основой, на которой покоится коллективная безопасность Запада и общее процветание.

Новый для Вашингтонской администрации, гораздо более позитивный тон, пока ещё не привёл к каким-либо ощутимым политическим прорывам ни в устранении двусторонних раздражителей, унаследованных трансатлантическими отношениями от администрации Д. Трампа, ни в выдвижении сторонами каких-либо новых крупных политических инициатив. Несмотря на то что, с формальной точки зрения, некая вербально-дипломатическая база перезагрузки трансатлантических отношений за первые сто дней президентства Джо Байдена заложена, доказательства того, возможна ли более амбициозная трансатлантическая повестка дня в перспективе, всё ещё не просматриваются. Несомненно, для этого потребуется нечто большее, чем заявления о намерениях, улучшение дипломатических отношений и налаживание координации действий между Вашингтоном и европейскими столицами. К концу первого года президентства Джо Байдена должно решающим образом определиться, смогут ли более дружественные трансатлантические связи превратиться не только в восстановление, но и в переосмысление традиционной трансатлантической повестки дня. Или же трансатлантическая напряжённость последних лет была больше связана со структурными факторами в отношениях между США и ЕС – действительно ли Джо Байден пойдёт на масштабное восстановление и развитие трансатлантического альянса, который он назвал «краеугольным камнем всего, что мы делаем». Учитывая предстоящие избирательные кампании в Германии и Франции в 2021 и 2022 гг., соответственно, а также промежуточные выборы в США в 2022 г., декларированный сторонами прогресс во взаимоотношениях США с ЕС должен произойти именно в текущем году, прежде чем ключевые лидеры процесса будут вынуждены сосредоточиться преимущественно на внутренних проблемах своих стран.

Для сдержанной, более скептической, оценки перспективы возрождения трансатлантического партнёрства существует ряд объективных причин.

С одной стороны, трансатлантические отношения были на протяжении десятилетий после окончания Второй мировой войны экономически и политически определяющими для стран Западной Европы. Сейчас ЕС и Соединённые

Штаты имеют крупнейшие и самые глубокие двусторонние торговые и инвестиционные отношения в мире, и их экономики тесно взаимосвязаны. На них приходится около половины мирового ВВП и почти треть общего объема мировой торговли, как и треть всех патентных заявок. Экономически Северная Америка и страны ЕС являются наиболее тесно взаимосвязанными регионами. Трансатлантическая торговля и взаимные инвестиции стимулируют экономический рост и создают рабочие места в обеих экономиках. В 2019 г. США были крупнейшими покупателями товаров из ЕС и вторыми по величине экспортерами товаров в государства Евросоюза. В 2019 г. ЕС экспортировал в США товаров на 384 млрд евро, а импортировал оттуда товаров на 232 млрд евро. Американцы инвестировали в ЕС в 3 раза больше, чем во все страны Азии. Инвесторы из ЕС инвестировали в США в 8 раз больше, чем в Китай и Индию вместе взятые. На США и ЕС приходится 60% прямых инвестиций в мире. В 2019 г. США были наиболее важным экспортным направлением ЕС, на долю которого приходилось 18% общего объема экспорта товаров ЕС (для сравнения: Китай – 9,3%). США заняли второе место среди партнёров ЕС по импорту, но это по-прежнему соответствует 12% товаров, импортируемых в ЕС. США – важнейший торговый партнёр ЕС в международной торговле услугами. Торговля между материнскими и дочерними компаниями в ЕС и США составляет более трети всей трансатлантической торговли. Компании ЕС и США, работающие на территориях друг друга, обеспечивают работой более 14 млн человек.

С другой стороны, республиканская администрация Д. Трампа, исходя из совершенно иного, чем предыдущие администрации, понимания обеспечения национальной безопасности США в сфере внешних торгово-экономических отношений, выдвинула на первый план задачу сбалансировать торговый дефицит, оказывая давление на своих партнёров, вводя высокие заградительные таможенные тарифы на импорт в интересах конкурентных преимуществ собственных предприятий и расширения их доступа на внутренние рынки стран-партнёров. 1 июня 2018 г. правительство США ввело 25%-ые тарифы на сталь и 10%-ые на алюминий из ЕС исходя из соображений национальной безопасности, а также пригрозило ввести заградительные таможенные тарифы на автомобили и автозапчасти. В то же время США отказались от многостороннего подхода в рамках ВТО, что существенно обострило их торговые отношения с ЕС. Евросоюз подал жалобу в ВТО на тарифы на сталь и алюминий и ввёл ответные протекционистские пошлины на продукцию США. Ожесточился торговый спор о государственных субсидиях авиапроизводителями обеих сторон – «Эрбус» и «Боинг». И в ЕС, и в США система разрешения споров ВТО выявила нарушения, поскольку производители самолётов продолжали получать определённую незаконную помощь. 2 октября 2019 г. США ввели контрмеры на сумму почти 7,5 млрд долл. в отношении некоторых товаров ЕС после благоприятного решения арбитражной инстанции ВТО в давнем споре о мерах, влияющих на торговлю крупными гражданскими самолётами. В 2020 г. в США тарифы на ввоз «Эрбус» были увеличены с 10 до 15%. Аналогичное дело, возбуждённое ЕС против США по поводу субсидий, выплачиваемых «Боинг», находится в стадии реализации, 13 октября 2020 г. было опублико-

вано благоприятное решение для ЕС, разрешающее принять контрмеры в отношении импорта на сумму 4 млрд долл. ЕС ввёл эти контрмеры 9 ноября 2020 г. после президентских выборов в США. Были введены новые повышенные тарифы на алкогольную продукцию, самолёты, сыр, морепродукты и другие товары из США в рамках ответных мер, также одобренных ВТО.

Еврокомиссия постоянно сигнализировала Соединённым Штатам о том, что Европейский Союз готов работать с администрацией Белого дома над поиском справедливого и сбалансированного решения для авиационной отрасли. В июле 2018 г. президент Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер достиг политического соглашения с президентом Д. Трампом, чтобы избежать дальнейшей эскалации тарифной политики. В Совместном заявлении ЕС и США, принятом после визита, говорилось, что обе стороны договорились работать вместе над нулевыми тарифами, нулевыми нетарифными барьерами и нулевыми субсидиями на неавтомобильные промышленные товары, а также о снижении барьеров и увеличении торговли услугами, химическими веществами, фармацевтическими препаратами, медицинскими товарами и соевыми бобами. ЕС и США договорились укреплять стратегическое сотрудничество в области энергетики и начать тесный диалог по стандартам, чтобы облегчить торговлю, уменьшить бюрократические препятствия и сократить расходы. Было заявлено об обязательстве объединить усилия, чтобы лучше защищать американские и европейские компании от несправедливой торговой практики отдельных стран, реформировать ВТО и бороться с недобросовестными методами ведения внешнеэкономической торговой политики. В июле 2019 г. ЕС представил Соединённым Штатам конкретные предложения относительно новой схемы субсидирования самолётов и дальнейших действий в отношении существующих обязательств по соблюдению правил ВТО с обеих сторон.

ПРОЕВРОПЕЙСКАЯ РИТОРИКА ДЕМОКРАТОВ ПРИ СОХРАНЕНИИ ОБЩЕЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

Изменилось ли что-либо кардинальным образом за первые сто дней президентства Джо Байдена в вопросе об отмене взаимных протекционистских таможенных барьеров, споре о субсидиях авиационной промышленности, реформировании ВТО?

Ещё до основания Всемирной торговой организации 1 января 1995 г. США входили в тройку крупнейших торговых держав мира. Американские компании получают огромную выгоду от торговых правил, которые создаются, контролируются и соблюдаются через ВТО. Ни один другой член ВТО не использовал механизм урегулирования споров организации так часто, чтобы исправить возможные нарушения правил другими государствами-членами – 124 случая к концу 2020 г. В ЕС особенно недовольны позицией США в отношении арбитража ВТО. Соединённые Штаты регулярно проигрывают в спорах, в которых другие страны принимают меры против их антидемпинговых действий. Вашингтон критикует чрезмерно длительные процедуры и предполагаемое превышение

полномочий апелляционного органа. В целом, США испытывают трудности с принятием международных, независимых и обязательных арбитражных решений и согласованных на международном уровне соглашений. Осенью 2020 г. США предотвратили назначение нового генерального директора ВТО, хотя большинство членов организации согласилось с кандидатурой представителя Нигерии. Белый дом вместо этого потребовал назначить южнокорейского кандидата, который считается более дружественным США. ЕС обеспокоен блокированием США новых назначений в Апелляционный орган ВТО, что парализует второй этап апелляции в системе урегулирования споров.

Джо Байден более открыт для многосторонних организаций и признаёт потребность в реформе ВТО, однако при условии, что это могло бы стать «эффективным инструментом» с участием США. В ЕС не исключают, что позиции по модернизации ВТО и дальнейшему развитию её нормативной базы по-прежнему будут определяться фундаментальными различиями в интересах Евросоюза и США, сформированными в отношении двухстороннего урегулирования споров в ВТО. Поскольку потеря рабочих мест в промышленности, в частности, является политическим вопросом, курс на ренационализацию цепочек поставок («Сделано в Америке»), как считают в ЕС, сохранится и при администрации Джо Байдена, хотя его стратегия строится больше за счёт усиления стимулов и политики поощрения инвестиций, что, вероятно, будет характеризоваться сохранением импортных ограничений во внешней торговле, введённых Д. Трампом. Как следствие, маловероятным считается и быстрое изменение курса таможенной политики, и приведение таких тарифов в США в соответствие с существующими юридическими обязательствами страны в рамках ВТО. В Европе хотели бы видеть решение в рамках трансатлантического партнёрства торговых споров при справедливом и равноправном балансе интересов, включая такие вопросы, как снижение тарифов, санкционная политика, отношение администрации США к коммерческому проекту «Северный поток-2». ЕС также стремится настоять на том, чтобы экспорт из Евросоюза не рассматривался, как угроза для национальной безопасности США, и не обременялся протекционистскими тарифами согласно разделу 232 закона США «О торговле» 1962 года. Достижение взаимоприемлемых развязок по этим вопросам Евросоюз расценивает как основное условие для доверительного будущего масштабного сотрудничества с США.

Трансатлантическое согласование интересов, убеждены в ЕС, - не игра с нулевой суммой, требуется осознанная долгосрочная перспектива, чтобы обеим сторонам снова сосредоточиться на взаимных преимуществах.

Под этим углом зрения в Брюсселе анализируется перспектива возвращения к переговорам с США о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве (ТТИП), которые были поставлены на паузу президентом Д. Трампом с начала 2017 г. Переговоры по ТТИП начались с целью политического оформления экономической глобализации, открытия рынков с обеих сторон Атлантического океана. Соглашение о трансатлантической торговле давало шанс на то, что две крупнейшие торговые зоны в мире установят стандарты для прогрессивных торговых правил, чтобы они были более совместимыми, а торговля и инвести-

ции упрощены. В ходе 15-ти раундов переговоров основное внимание уделялось тарифам и устранению других торговых барьеров. Предполагалось, что ТТИП снизит ограничения на коммерческие услуги, повысит безопасность инвестиций и создаст равные условия для компаний обеих сторон, а также упростит доступ к государственным контрактам на всех государственных уровнях.

В настоящее время переговорный процесс сфокусировался на двух приоритетных аспектах, где имеется наибольшее расхождение в позиции сторон – экспорте продукции автопрома из ЕС в США и импорте сельскохозяйственной продукции в обратном направлении.

Постепенно в ЕС растёт осознание того, что Джо Байден оказывается не менее твёрдым, чем Д. Трамп в вопросах, которые действительно волнуют Европу, например, планы Германии покупать газ у России по трубопроводу «Северный поток-2» или разрядить давние тарифные конфликты из-за субсидий для «Эрбус» и «Боинг». Фактически, глава демократической администрации оставил нетронутой большую часть торговой политики своего республиканского предшественника, включая тарифы на сталь и блокаду судебной системы Всемирной торговой организации. Стремление Джо Байдена проводить политику «покупайте американское», отдавая предпочтение американским компаниям в крупных публичных тендерах, всё больше вынуждает Брюссель серьёзно задумываться о контрмерах. Спустя сто дней после прихода к власти новой администрации европейцы начинают чувствовать, что их союзник предлагает им довольно «жесткую любовь», в частности, аналитики ссылаются на неожиданный шаг президента США, публично поддержавшего призыв Индии и Южной Африки отказаться от интеллектуальной собственности на вакцины против коронавируса, что идёт вразрез с экономическими интересами ЕС.

Как ни странно, но американцы переиграли Европу в вопросах налоговой справедливости, а это предмет давних разногласий между Брюсселем и Вашингтоном. Как и в случае с тарифами на сталь и блокировкой ВТО, Джо Байден и в этой весьма чувствительной для Евросоюза сфере продолжал политику Д. Трампа. Он сохранил угрозу введения тарифов, в частности на экспортную продукцию роскоши из Франции на миллиарды долларов, но, в отличие от Д. Трампа, Джо Байден одновременно получил известную долю морального превосходства над контрагентами из ЕС, сделав ещё один поворотный шаг, ошеломивший лидеров Евросоюза. На международных переговорах о глобальном налогообложении президент США предложил установить минимальный корпоративный налог в мире в размере 21%, что намного амбициознее, чем предложение ЕС в 12,5%. Такие условия создают значительные проблемы для стран ЕС, таких как Ирландия и Франция, которые считают свою низкую эффективную ставку корпоративного налога уникальным аргументом в пользу стимулирования продаж. План обложения налогом 100 крупнейших компаний в мире будет включать в себя такие ИТ-гиганты, как «Гугл» и «Фейсбук», а также нецифровых лидеров рынков – автоконцерн «Фольксваген» и французскую нефтегазовую ТНК «Тоталь». Берлин и Париж теперь вынуждены объяснить, почему они не поддерживают

более высокий минимальный налог для транснациональных корпораций, после многих лет своих требований о налоговой справедливости.

Европейские официальные лица отмечают, что до последнего времени сделано мало конкретных шагов для возрождения трансатлантического сотрудничества и что администрация США проигнорировала большинство предложений, выдвинутых ЕС вскоре после победы Джо Байдена на выборах в прошлом году. Представители Вашингтонской администрации, напротив, утверждают, что ряд инициатив всё ещё находится на рассмотрении и готовится к реализации в ближайшие месяцы. Официальные лица США также в частном порядке жалуются, что некоторые европейские столицы не отвечают взаимностью на дружелюбие Вашингтона, и указывают на «робкие ответы» со стороны Берлина и Парижа на призыв президента США создать «многостороннюю систему на основе наших общих ценностей».

Эксперты ЕС в достаточной степени осознают, что команда Джо Байдена имеет твёрдое представление о внутренней политической динамике в Европе и знает, как использовать её в своих интересах. В ряде европейских столиц наблюдается известное недоверие к нынешней политической системе США в целом. Призраки возможного возвращения администрации с лозунгом «Америка прежде всего» в 2025 г. заставляют задуматься о том, чтобы ЕС был застрахован от любых действий руководства США и крайне осторожно оценивал перспективы любых объединений с Вашингтоном, несмотря на протрансатлантическую риторику Джо Байдена.

Хотя официальные лица демократической администрации и говорят о необходимости положить конец «искусственной торговой войне» с Европой, пока прогресс идет весьма медленными темпами. Единственным достижением сегодня является четырёхмесячная приостановка введения дополнительных тарифов в споре между «Эрбус» и «Боинг» – символически важный вопрос, который в конечном счете может подготовить почву для разрешения давнего торгового спора в ВТО по поводу незаконных субсидий. Новый торговый представитель США Кэтрин Тай дала понять, что твёрдо намерена решить эту проблему, и задала позитивный тон в своих разговорах с коллегами из ЕС, которые также надеются на достижение прогресса. Но на данный момент тарифы на сталь и алюминий со ссылкой на защиту национальных интересов США, те самые тарифы, столь популярные среди профсоюзов сталелитейщиков, в поддержку которых явно заинтересован Джо Байден, остаются в силе якобы до тех пор, пока не будет решена проблема глобальных избыточных производственных мощностей к большому огорчению европейцев, считающих их оскорбительными и несправедливыми. Если не будет найдено быстрое решение, ЕС планирует удвоить свои ответные тарифы. В итоге вместо того, чтобы разрабатывать амбициозную совместную торговую повестку дня, большая часть времени уходит на то, чтобы сохраняющиеся разногласия не омрачили общие отношения США и ЕС, как это происходило в годы правления Д. Трампа.

Европейские официальные лица вряд ли ожидают, что Джо Байден станет партнёром, изменяющим трансатлантическую торговлю, даже если политические и торгово-экономические отношения между США и ЕС приобретут менее антагонистический характер, чем это было при администрации Д. Трампа. Воз-

можно небольшие отраслевые торговые соглашения, регулирующее сотрудничество по взаимно согласованным правилам и стандартам. Но возврат к всеобъемлющим трансатлантическим переговорам о свободной торговле, как при президентстве Барака Обамы, считается в ЕС практически исключённым. Рассуждения Джо Байдена о «внешней политике для среднего класса» и его повестке дня «Покупай американское» с сильным акцентом на перераспределение рабочих мест в Америке и упоминанием вскользь традиционных внешнеэкономических партнёров, заставили европейцев обеспокоиться тем, что протекционистские установки Д. Трампа сохранятся, как и доступ компаний из ЕС на американский рынок государственных закупок. Это стало камнем преткновения в ходе провальных переговоров о трансатлантической торговле и инвестиционном партнёрстве при Б. Обаме. В ЕС увязывают низкие ожидания в отношении перспектив развития торгово-экономических отношений с США и с тем, что, вероятно, администрация Джо Байдена может в большей степени сосредоточиться на других направлениях коммерческой активности вне ЕС.

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ США И ЕС В НОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Отдельным вопросом для ЕС является намерение Джо Байден сделать выработку совместного подхода с союзниками и партнёрами, такими как Европа, центральным элементом своей кампании по стратегическому сдерживанию и торгово-экономической конкуренции с Китаем. Трансатлантические консультации ведутся на рабочем уровне между Соединёнными Штатами и ЕС и между отдельными государствами-членами, а также в рамках возобновившегося формального соглашения ЕС – США. Стратегический диалог по Китаю, который впервые был установлен верховным представителем Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Жозепом Борреллом и бывшим госсекретарем США Майком Помпео, так и не получил широкого распространения. Евросоюз продолжил переговоры с Пекином, согласовав текст Всеобъемлющего соглашения по инвестициям, несмотря на призыв советника Джо Байдена по национальной безопасности Джейка Салливана сначала проконсультироваться по этим вопросам с Вашингтоном. Сейчас соглашение находится на рассмотрении депутатов Европарламента. Лидеры стран Евросоюза в целом разделяют общий подход с администрацией Джо Байдена к Китаю, в котором они видят сходство с собственными взглядами и позицией в отношении КНР. ЕС рассматривает Китай как «партнёра, конкурента и системного соперника», но, тем не менее, явно испытывает нежелание присоединяться к нынешней кампании администрации США по противостоянию Китаю. Во время встречи с министрами иностранных дел европейских стран в Брюсселе в марте 2021 г. госсекретарь Энтони Блинкен заверил, что США не будут заставлять союзников сделать выбор «мы или они с Китаем», но подчеркнул, что необходимо «вместе дать отпор Китаю и продемонстрировать силу в единстве». В данном контексте уместно привести высказывание канцлера ФРГ А.Меркель, в котором она заявила, что хотела, чтобы ЕС воспринимался как неза-

висимый, суверенный игрок, формирующий свою собственную политику в отношении Китая. «Речь идёт не только об экономических интересах, но и о соблюдении того, что мы также называем европейским суверенитетом, – сказала она. – Это означает, что у нас есть общая основа ценностей с Соединёнными Штатами Америки, конечно, это совершенно бесспорно и ясно, но у нас также есть свои собственные интересы в отношениях с другой стороной» [8].

Помимо приверженности США трансатлантическому партнёрству, Джо Байден также заявляет о возобновлении работы на глобальном многостороннем уровне - одном из главных критических замечаний Европы в адрес администрации Д. Трампа. Действующий госсекретарь США назвал многостороннюю систему «жизненно важной», а ООН «якорем многосторонней системы». Администрация Джо Байдена более склонна, в отличие от ЕС, рассматривать многостороннюю систему как игровую площадку для стратегического соперничества с Китаем. В данном контексте в европейских столицах растут опасения того, что Соединённые Штаты будут продолжать продвигать специальные многосторонние форматы вне традиционных международных институтов. Хотя ЕС открыт для глубокого сотрудничества с Соединёнными Штатами и другими единомышленниками, особенно по вопросам взаимосвязи между демократией и технологиями, большинство европейских государств по-прежнему выступают за многостороннее взаимодействие с Пекином. При этом они не хотели бы превратиться в простые инструменты в конкуренции США с Китаем, противясь по возможности полностью принять «повестку дня свободного мира» Джо Байдена.

Наиболее перспективной выглядит возможность взаимодействия США и ЕС в вопросах выработки единых стандартов для технологических групп, а это яркий пример изменения общего баланса в трансатлантических отношениях. Еврокомиссия предлагает трансатлантическую повестку дня для создания общего технологического пространства в качестве «ядра коалиции демократий-единомышленников». Центральную роль должен сыграть предлагаемый ЕС новый Трансатлантический совет по торговле и технологиям. Обе стороны должны координировать регулирование крупных технологических групп и цифрового сектора в целом и разрабатывать общие стандарты, в том числе за счёт укрепления сотрудничества между антимонопольными ведомствами ЕС и США в цифровом секторе. Кроме того, Еврокомиссия хочет решить такие вопросы, как защита личных данных, налогообложение цифровых корпораций и подход к оценке роли китайской телекоммуникационной группы «Хуавей» в расширении сети 5G. Она продвигает глобальное решение для так называемого цифрового налога и общий трансатлантический подход к контролю над иностранными инвестициями в чувствительных сферах бизнеса. В этом контексте Еврокомиссия опять же призывает американскую сторону избавиться от «двусторонних вопросов», таких, как спор по поводу субсидий «Эрбус» – «Боинг» или защитных тарифов на сталелитейную продукцию и совместно работать над реформированием Всемирной торговой организации.

Кроме того, полагают в ЕС, необходимо определить, можно ли заключить соглашение о промышленных тарифах и каковы общие решения для сотрудниче-

ства в области регулирования, взаимного признания сертификатов или дальнейшего развития норм и стандартов, и чем должен заняться предложенный Еврокомиссией Совет по трансатлантической торговле и технологиям. При этом в вопросах цифровых налогов представляется желательным совместное решение в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Ещё одно весьма перспективное направление связано с цифровизацией, регулированием информационно-коммуникационных платформ и защитой конфиденциальности. Вопрос о регулировании рыночной власти крупных технологических групп – «Гугл», «Амазон», «Фейсбук», «Эшл», «Майкрософт» (также называемых *Big Tech*) поднят по обе стороны Атлантики. Предложения по регулированию цифровых рынков и услуг Комиссия ЕС уже представила в конце 2020 г. В США растёт число тех, кто призывает к ограничению власти цифровых корпораций, это зафиксировано также в отчёте Комитета юстиции Палаты представителей США о конкуренции на цифровых рынках.

В США цель сокращения торгового дефицита, которая преследовалась до сих пор, может стать относительно менее важной. В свою очередь, вопросы технологий и роль китайских государственных компаний будут приобретать стратегический характер. Назначенный новый торговый представитель США выступает за взаимодействие международной и национальной экономической политики, которое состоит не только из «защитных» мер, таких как таможенная политика. Скорее, США должны перейти в наступление и прежде всего усилить свою конкурентоспособность. Они выступают за стратегический подход в отношении цепочек поставок и промышленной политики и стремятся увязать торговлю с климатической, экономической и промышленной политикой.

В то время как трансатлантическое сотрудничество по цифровым и технологическим вопросам не было приоритетом для администрации Д. Трампа, администрация Джо Байдена сообщила о планах уделять этой области больше внимания.

По-видимому, демократическая администрация будет рассматривать регулирование онлайн-платформ и антимонопольные правила для «больших технологий» как важные внутренние приоритеты, тем самым в большей степени сближая Вашингтон и Брюссель. ЕС, со своей стороны, выразил большую заинтересованность в привлечении американской стороны к решению цифровых и технологических вопросов. Верховный представитель Жосеп Боррель и еврокомиссар по вопросам конкуренции Маргрет Вестагер заявляли о необходимости «технологического альянса» с Вашингтоном. Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен, выступая на Всемирном экономическом форуме, призвала к общему трансатлантическому «своду правил», установив таким образом контроль над крупными технологическими компаниями и повысив эффективность борьбы с распространением дезинформации. Для продвижения диалога на высоком уровне по цифровым вопросам ЕС предложил создать упоминавшийся выше новый Совет по трансатлантической торговле и технологиям для содействия совместным инновациям и установлению стандартов новых технологий.

Тем не менее, трансатлантическая цифровая повестка дня далеко не проста. Первым тестом станет то, удастся ли обеим сторонам разрешить разногласия по

поводу цифрового налогообложения. Администрация Байдена рассматривает возможность введения тарифов в отношении Австрии, Италии, Испании и Великобритании в ответ на введенные этими странами налоги на цифровые услуги. Однако предложенный Джо Байденом глобальный минимальный корпоративный налог, в случае его успешного внедрения, устранил необходимость в более узком, но также и более дискриминационном налоге на цифровые услуги, тем самым сняв этот трансатлантический раздражитель с повестки дня. Вместе с тем, нарастающая в ЕС дискуссия о цифровом суверенитете и недавние предложения комиссии по регулированию онлайн-платформ и пересмотру конкурентной политики против IT - гигантов могут осложнить трансатлантическое сотрудничество в этом направлении. В то время как закон ЕС "О цифровых услугах" может стать отправной точкой в разговорах между американскими и европейскими регулирующими органами о том, как противодействовать разжиганию ненависти и дезинформации в Интернете, закон "О цифровых рынках" потенциально более спорен. Конгресс США заявил, что ЕС намеренно нацелился на крупные американские технологические компании. Новая стратегия ЕС в области ИКТ, хотя в целом и позитивно воспринята администрацией Джо Байдена, но трансатлантический диалог все еще находится в зачаточном состоянии.

Очевидно, что возврата к до трамповскому характеру трансатлантических отношений не будет. Пандемия коронавируса привнесла новые индивидуальные, социальные и экономические проблемы. Значительно изменилась глобальная политическая ситуация. При администрации Джо Байдена идет нарастание противостояния Китая и США за экономическое, политическое и военное превосходство. С точки зрения экономической политики, глобальное разделение труда меняется в результате цифровизации, а это влияет на цепочки поставок, формы производства и новые модели жизни и работы. Опыт последних лет показывает, что торгово-экономические отношения более тесно ориентированы на внутренние политические потребности, чем в предыдущие годы. На внутреннем уровне экономисты в США обсуждают дальнейшее усиление социального неравенства, в том числе из-за асимметричного воздействия на рынок труда пандемии коронавируса. Программа экономической политики президента США Джо Байдена сосредоточена на быстрых внутренних улучшениях: налогово-бюджетная политика должна быть сосредоточена на увеличении инвестиций, особенно в инфраструктуру и экологически чистую энергию, но также в пользу услуг, здравоохранения и школьного образования, а также предоставлении льгот для сотрудников, таких как «налоговый кредит на заработанный доход», своего рода «небольшой отрицательный налог на прибыль».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход официального Вашингтона в отношениях с ЕС от риторики к практическому прогрессу допустим, если администрация Джо Байдена будет активно действовать так, чтобы устранить основные раздражители в двусторонней торговле: окончательно прекратить спор о субсидиях «Эрбус» и «Боинг», неза-

медлительно принять решение об отмене тарифов на сталь и алюминий со ссылкой на защиту национальных интересов США, не допустить трансформацию плана «Покупай американское», на реализацию которого планируется выделить до 400 млрд долл. в предстоящие четыре года, в инструмент ограничения активности европейских компаний, оперирующих на внутреннем рынке Соединённых Штатов. В ЕС также выступают за то, чтобы прекратить политику «вакцинного национализма» со стороны США и незамедлительно предоставить произведённые там вакцины против COVID-19 на европейский рынок. Администрации Джо Байдена следует принять предложение ЕС о создании Совета по трансатлантической торговле и технологиям и представить предложения по формированию его компетенций и повестки дня, чтобы иметь эффективную структуру для разрешения споров, а также разработать общую стратегию по высокоприоритетным вопросам, связанным с передовыми инновационными технологиями, в том числе в IT-секторе. Главным приоритетом такого органа должно быть согласование законодательства ЕС и США в области искусственного интеллекта. От Вашингтона ожидают также разъяснения относительно того, насколько программа Джо Байдена «Отстроить заново и лучше» (*Build Back Better*) стоимостью в 4 трлн долл. по восстановлению инфраструктуры Соединённых Штатов открыта для европейских компаний.

Выдвигаемая ЕС новая трансатлантическая повестка дня предусматривает совместные действия для укрепления «открытой и справедливой торговли», разработку совместимых стандартов, начала диалога об ответственности онлайн-платформ и *Big Tech* для поиска решений справедливого налогообложения и устранения рыночных перекосов в цифровой экономике, разработки общих подходов к защите критически важных технологий в свете глобальных экономических проблем и проблем безопасности, начиная с обсуждения проблематики 5G и начала проработки темы 6G до вопросов кибербезопасности. На повестке дня стоит вопрос укрепления сотрудничества между компетентными органами по соблюдению антимонопольного законодательства на цифровых рынках и конструктивного согласования позиций в международных организациях, занимающихся проблематикой стандартизации и выстраивания справедливой системы налогообложения в цифровой экономике.

ЕС выступает за совместные действия с США по реформированию ВТО, чтобы она могла соответствовать экономике XXI века и соответствовать текущим реалиям, обеспечивать устойчивость и равные условия игры. В качестве первого шага называется завершение процедуры назначения нового Генерального директора, а также меры по восстановлению важнейшей функции Организации по урегулированию споров путем реформирования Апелляционного органа ВТО и достижения прогресса на переговорах в рамках ВТО по электронной торговле. Предлагая создать новый Совет по торговле и технологиям между ЕС и США (ТТС), Евросоюз преследует цель максимально использовать возможности для трансатлантического сотрудничества, ориентированного на рынок, укреплять технологическое и промышленное лидерство обеих сторон и расширять двустороннюю торговлю и инвестиции.

Предполагается, что деятельность Совета будет сосредоточена на снижении торговых барьеров, разработке совместимых стандартов и нормативных подходов для новых технологий, обеспечении безопасности цепочек поставок, углублении исследований в области сотрудничества и продвижения инноваций в условиях честной конкуренции, а также защите критически важных технологий.

«Когда мы приступаем к определению этой новой повестки дня, – говорится в заявлении Председателя Европейского Совета Шарля Мишеля, – нам не следует начинать ностальгические поиски глобального порядка прошлых десятилетий или трансатлантического партнёрства прошлых поколений. Изменились США и ЕС, изменились динамика сил, геополитические и технологические реалии. Мы также не должны попасть в ловушку ложных дебатов, направленных против более сильной Европы и более сильного трансатлантического партнёрства. Единый, дееспособный и самодостаточный ЕС хорош для Европы, хорош для трансатлантического партнёрства и хорош для многосторонней системы – они взаимно усиливают, а не исключают друг друга. Именно в этом духе ЕС выдвигает предложение по новой перспективной трансатлантической повестке дня для глобального сотрудничества, сосредоточенной на областях, где сходятся наши интересы, наши коллективные рычаги воздействия могут быть используемы там, где требуется глобальное лидерство» [9].

Помимо указанных шагов в краткосрочной перспективе, от администрации Джо Байдена Евросоюз ожидает масштабное привлечение ЕС к разработке параметров более амбициозной трансатлантической повестки дня на следующие три с половиной года.

В Брюсселе убеждены – улучшение трансатлантических отношений само по себе не может быть единственной целью, провозглашённой обеими сторонами перезагрузки отношений США с ЕС.

Вопрос о том, насколько демократическая администрация Джо Байдена, считающая основной внешнеполитической целью Вашингтона в Европе обеспечение того, чтобы ЕС был ближе к США, чем к Китаю, оплачивал большую часть расходов за собственную оборону и прекратил любые формы дискриминации в отношении компаний США, готова к радикальному изменению трансатлантического торгово-экономического сотрудничества после четырёх лет «урагана Дональд» остаётся во многом открытым.

ИСТОЧНИКИ

1. Neuer US-Präsident: So könnten sich die EU-US-Beziehungen verbessern. Aktuelles Europäisches Parlament. 01.02.2021. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/news/de/headlines/world/20210107STO95113/neuer-us-prasident-so-konnten-sich-die-eu-us-beziehungen-verbessern> (accessed 21.04.2021).

2. EU-USA: Eine neue transatlantische Agenda für den globalen Wandel. Eine offizielle Website der Europäischen Union. Pressemitteilung 2. Dezember 2020. Brüssel. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/de/ip_20_2279 (accessed 27.04.2021).

3. Kafsack H. Transatlantische Beziehungen: EU macht Biden ein Angebot. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 01.12.2020. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/mehr-wirtschaft/wie-europa-die-zusammenarbeit-mit-den-usa-erneuern-will-17078354.html> (accessed 29.04.2021).

4. Position Paper on EU-US Relations. 23.03.2021. Available at <https://reneweuropegroup.eu/en/news/1825-position-paper-on-eu-us-relations/> (accessed 22.04.2021).

5. Von der Leyen bei EU-Botschaftern: „Europa sollte die Initiative für eine neue transatlantische Agenda ergreifen“. Europäischen Union Vertretung in Deutschland. 10.11.2020. Available at: https://ec.europa.eu/germany/news/20201110-von-der-leyen-bei-eu-botschaftern_de (accessed 19.04.2021).

6. Remarks by President Charles Michel following the video conference of the members of the European Council of 25 March 2021. European Council. Council of the European Union. Statements and remarks. Press releases. 25 March 2021. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/03/25/remarks-by-president-charles-michel-following-the-video-conference-of-the-members-of-the-european-council-25-march-2021/> (accessed 17.04.2021).

7. Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference. Speeches and Remarks. The White House. Briefing Room. February 19, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (accessed 24.04.2021).

8. Joe Biden, honorary EU leader for a day US president joins virtual European Council summit as leaders celebrate shared values (and Trump's exit). Politico. March 26, 2021. Available at: <https://www.politico.eu/article/us-president-joe-biden-european-council-charles-michel-eu/> (accessed 23.04.2021).

9. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council A new EU-US agenda for global change. European Commission. Brussels, 2.12.2020 JOIN (2020) 22 final. Available at: https://ec.europa.eu/info/publications/joint-communication-new-eu-us-agenda-global-change_en (accessed 28.04.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Меньшикова А.М. Актуальные аспекты торгово-экономических отношений США и ЕС. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2019, № 9 (597). С. 53-62.

REFERENCES

Menshikova A.M. Actual Aspects of U.S. and EU Economic Trade and Economic Relation. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2019, № 9 (597). P. 53-62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МЕНЬШИКОВА Анна Маратовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д 2/3

Anna M. MENSHIKOVA, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow 121069 Russian Federation

Статья поступила в редакцию 21.05.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 30.05.2021

Статья принята к публикации / Accepted 4.06.2021.

2 июня 2021 г. Институт США и Канады РАН и Институт Дальнего Востока РАН провели совместную конференцию на тему «Американо-китайское соперничество на современном этапе». В ходе мероприятия эксперты двух академических институтов обсудили наиболее важные аспекты геополитического противоборства между США и КНР, влияние президентства Д. Трампа на двусторонние отношения, взаимоотношения в «треугольнике США – Китай – Россия», перспективы политики администрации Дж. Байдена в отношении КНР и другие вопросы.

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300016026-8

Американо-китайское противоборство и Россия

С.М. Рогов

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3957-7128> e-mail: srogov@rambler.ru

Резюме: В своём выступлении автор сосредотачивается на противостоянии между США и Китаем и месте России в этом противостоянии. Выделяется наличие нескольких сфер данного соперничества: идеологическая, геополитическая и военная. Под геополитическим соперничеством понимается, прежде всего, борьба за сферы влияния. США претендуют на влияние во всём мире, претензии КНР явно выходят за рамки Азии, но, по мнению автора, не носят глобальный характер. Кроме того, США являются полным центром силы, а КНР – только центром силы. Также упоминается о стремлении США создать военно-политический альянс, направленный против КНР. Китай в настоящее время сравнялся или уже опередил Соединённые Штаты по ряду макроэкономических показателей. Например, его ВВП по обменному курсу уже во второй половине этого десятилетия догонит США. Однако Вашингтон по-прежнему сохраняет преимущество в валютно-финансовой сфере. В военном соперничестве автор рассматривает, прежде всего, военно-морскую и ракетно-ядерную составляющую. По расходам как на обычные, так и на ядерные вооружения Китай занимает второе место после США со значительным отрывом. Автор выражает согласие с мнением о том, что ядерный потенциал КНР превышает распространённые оценки. Что касается России, автор констатирует её значительное отставание от США и Китая по основным макроэкономическим показателям, расходам на НИОКР и оборону. В настоящее время Вашингтон осуществляет двойное сдерживание России и Китая и не считает, что сотрудничество с РФ необходимо для сдерживания КНР. С точки зрения автора, Россия не заинтересована в росте китайской военной мощи, как в обычных, так и в ядерных вооружениях.

Ключевые слова: гонка вооружений, противостояние великих держав, геополитика, США, Китай, Россия

Для цитирования: Рогов С.М. Америко-китайское противоборство и Россия. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51(8): 69–74.

DOI: 10.31857/S268667300016026-8

The U.S. – China Competition and Russia

Sergey M. Rogov

Institute for the U.S. and Canadian Studies. Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3957-7128> e-mail: srogov@rambler.ru

Abstract: In his speech, the author focuses on the confrontation between the United States and China and the place of Russia in this confrontation. Several spheres of this rivalry stand out: ideological, geopolitical and military. By geopolitical rivalry the author means primarily the struggle for spheres of influence. The United States claims influence throughout the world, the PRC's claims clearly go beyond Asia, but, according to the author, they are not. According to the author United States, is a "pole" of power, while the PRC is only a center of power. He also mentions the desire of the United States to create a military-political alliance directed against the PRC. China is currently on par with or ahead of the United States on a number of macroeconomic indicators. For example, its GDP at the exchange rate will catch up with the United States in the second half of this decade. However, Washington still retains its monetary and financial advantage. As for military rivalry, the author examines, first of all, naval, missile and nuclear components. In terms of spending on both conventional and nuclear weapons, China ranks second after the United States but with a significant gap. The author agrees with the opinion that the nuclear potential of the PRC exceeds popular estimates. As for Russia, the author notes its significant lag behind the United States and China in terms of the main macroeconomic indicators, as well as R&D and defense expenditures. At present, Washington is carrying out a strategy of "dual containment" of both of Russia and China and does not believe that cooperation with the Russian Federation is necessary to contain the PRC. From the author's point of view, Russia is not interested in the growth of Chinese military power, both conventional and nuclear.

Keywords: arms race, great power competition, geopolitics, USA, China, Russia

For citation: Rogov S.M. The U.S. – China Competition and Russia. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51 (8): 69-74. DOI: 10.31857/S268667300016026-8

Уважаемые коллеги, я очень рад, что мы продолжаем сотрудничество, которое у нас, американистов, сложилось с китаеведами. Сегодняшнее мероприятие, конечно, мне представляется очень важным.

Я рассматриваю американо-китайские отношения как центральную ось современных международных отношений.

Хочу выделить основные моменты. Прежде всего, и это для меня стало неожиданным, приоритетное значение в противостоянии США и Китая имеет идеологическая конфронтация, когда главной целью американских идеологических атак стала Коммунистическая партия Китая. Неслучайно во всех пропагандистских обвинениях в адрес КНР даже коронавирус называют в США «коронавирус КПК». Более того, Пекин обвиняют в геноциде и прочих смертных грехах.

Хочу подчеркнуть, что здесь активную роль играют именно Соединённые Штаты, а не Китай, потому что Китай, на мой взгляд, никакую мировую коммунистическую революцию делать не собирается. И в этой связи встаёт вопрос: «А что, США ставят перед собой задачу смены режима в Китае?». У меня ответа на этот вопрос нет.

Но я считаю, что даже если бы в Китае была у власти не КПК, то всё равно был бы националистический режим, который, может быть, ещё более активно, чем КПК, отстаивал бы свои интересы.

Второй момент – это геополитическое противоборство. Известно, что Соединённые Штаты выступают с глобальными претензиями на мировое руководство, а Китай всё-таки ограничивается не глобальными претензиями, а, с моей точки зрения, ставит задачу обеспечения своих интересов в своей сфере влияния.

А вот насколько велика эта сфера влияния? Каковы её географические параметры? В частности, возникает вопрос: при той активности, которую китайцы ведут в Африке, Латинской Америке, да и в Европе, сфера влияния Китая выходит за рамки азиатских соседей и носит характер, связанный с несколькими регионами, а не с одним?

Третий момент – это военное соперничество, гонка вооружений, которая развернулась между Соединёнными Штатами и Китаем. На этом я хочу остановиться подробнее. Особо важное значение имеет военно-морское соперничество. Советский Союз когда-то давно пытался соперничать с Соединёнными Штатами в Мировом океане, из этого мало что получилось. Но КНР высокими темпами ведёт наращивание своего военно-морского флота, и это чревато достаточно серьёзными инцидентами, скажем, в Южно-Китайском море, в Тайваньском проливе и в ряде других «бутылочных горлышек», через которые проходят морские коммуникации Китая.

Что касается ракет средней и меньшей дальности, на мой взгляд, выход США из Договора по РСМД в очень большой степени объясняется стремлением противопоставить Китаю американские наземные ракеты средней дальности.

Ещё одна новая тенденция, которая проявилась уже при Д. Трампе и сейчас продолжается при Дж. Байдене, это попытка втянуть Китай в процесс контроля над вооружениями с тем, чтобы ограничить наращивание китайского военного, в первую очередь ядерного, потенциала.

Ну и наконец, вопрос о биполярном мире. Китай стал вторым центром силы, во многом приближающимся по своим параметрам к Соединённым Штатам, но мир всё же не стал биполярным, поскольку США – это полюс силы, а не просто центр, а говорить о том, что Китай – полюс, обладающий большим притяжением, по-моему, преждевременно.

Каково соотношение сил противоборствующих сторон? Уже есть цифры, в основном, за 2020 год. Мы видим, что Китай, который по численности населения всегда превосходил США, уже обогнал их по таким показателям, как ВВП по покупательной способности, промышленное производство, экспорт товаров. Вроде бы, Китай в прошлом году всё-таки обошёл США по расходам на НИОКР. На этом фоне наша позиция выглядит достаточно бледно.

Что касается мировых финансов, в этой сфере американское доминирование сохраняется полностью. На долю Китая приходится всего лишь 2% мирового валютного рынка.

Если брать ВВП по обменному курсу, то здесь США всё ещё опережают Китай. Однако при сохранении относительно высоких темпов развития КНР она уже во второй половине нынешнего десятилетия догонит Соединённые Штаты. Правда, сейчас много говорится о том, что США благодаря колоссальным финансовым бюджетным вливаниям, которые осуществляет Дж. Байден, могут

предотвратить это и будут опережать Китай по темпам роста. Ну, поживём – увидим.

Очень важный показатель, конечно, – численность рабочей силы. Китай всегда обладал превосходством, но сейчас значительная часть этой рабочей силы имеет высокую производительность труда – такую же, как в развитых странах. Это касается, в первую очередь, прибрежных районов КНР. Но в то же время по индексу человеческого развития Китай существенно уступает Соединённым Штатам, хотя Россию он уже догоняет.

Интересный, на мой взгляд, момент касается социальных расходов, поскольку Китай, как социалистическая страна, тратит куда меньшую долю ВВП на социальные расходы, по сравнению с США и другими развитыми капиталистическими государствами. Как это может отразиться на внутривнутриполитической социальной обстановке в КНР? Нужно учесть то обстоятельство, что демографическое положение в Китае сегодня стало носить очень острый характер, поскольку так называемый «демографический переход» в КНР произошёл до того, как страна достигла уровня высокоразвитых государств.

Географическое измерение того геополитического противостояния, которое сегодня складывается между Соединёнными Штатами и Китаем, имеет непосредственное отношение к проекту «Один пояс, один путь». Это вопросы, связанные с доступом к энергоресурсам.

В западной части Тихого океана Китай сегодня обладает достаточными силами, чтобы не подпускать США не только к так называемой «первой линии» островов, но и не давать им переходить «вторую линию» островов.

По расходам на вооружения официальные цифры КНР (которые более или менее подтверждаются и СИПРИ, и Лондонским институтом международных и стратегических исследований), всё ещё показывают большой разрыв в военных расходах между США и Китаем. Но Россия в этом плане отстаёт очень сильно.

У американцев колоссальнейшие военные расходы, которые опережают десять стран, следующих за Соединёнными Штатами. Официальные китайские цифры показывают рост военных расходов, но, в общем-то, этот рост не ведёт к ликвидации разрыва между США и Китаем.

Некоторые американские эксперты консервативной ориентации, связанные с Республиканской партией, такие как сотрудники Фонда «Наследие», берут официальную статистику Китая и производят с ней определённые манипуляции, как когда-то делали с данными о военных расходах Советского Союза. Помню, мы в Институте в 1980-е годы готовили материал для сборника «Откуда исходит угроза миру», который был ответом СССР на американский ежегодник «Советская военная мощь», где шёл пересчёт с учётом разницы стоимости рабочей силы. И получается, что при этих подсчётах китайские военные расходы значительно выше, чем те цифры, к которым мы привыкли. Происходит пересчёт военных расходов по паритету покупательной способности. Если в экономике это делается, то почему не в военной сфере? Но там требуется свой собственный дефлятор.

Несколько недель назад появились статьи сенатора Дж. Инхофа, который возглавляет республиканскую фракцию в комитете по делам вооружённых сил, и ряда других республиканских деятелей, где они доказывают, что китайские военные расходы достигают 80% от американских военных расходов, а то и превышают их. Затем они приплюсовывают к китайским расходам расходы РФ, которые подсчитываются по такой же методике, и начинают кричать: «Караул! Китай и Россия тратят больше денег на гонку вооружений, чем США! Надо увеличивать американский военный бюджет».

В общем, понятная классика гонки вооружений, когда в США используются обвинения, что мы что-то нарушаем или в чём-то превосходим их, для того чтобы выбить больше денег для Пентагона.

И наконец, вопрос, касающийся ядерных вооружений. По расходам на ядерное оружие Китай прочно обосновался на втором месте после США. Кстати, Великобритания – на третьем месте. И это, видимо, неслучайно, потому что, как известно, англичане начали пересмотр своей ядерной доктрины и объявили об увеличении своих ядерных арсеналов.

Но всё равно разрыв между Россией и США, с одной стороны, и Китаем – с другой, остается колоссальнейшим. У американцев, как и у нас, примерно по 6000 ядерных боеголовок, включая складированные. Считается, что у Китая – 320, хотя многие эксперты, и я в том числе, полагают, что на самом деле у Китая больше ядерных боеголовок, чем та цифра, которая постоянно повторяется.

Но тем не менее, китайские ракеты покрывают всю территорию нашей страны и территорию Соединённых Штатов. Отсюда возникает вопрос: существует ли модель взаимного гарантированного уничтожения между США и Китаем при столь большом количественном разрыве? В принципе, американцы обладают достаточными силами, чтобы нанести обезоруживающий удар по ядерному потенциалу КНР. Но гарантирует ли это уничтожение 100% китайских вооружений? Тем более, довольно большое их количество хранится в подземных тоннелях – так называемая подземная китайская стена.

И если всё-таки приходится констатировать, что модель взаимного гарантированного уничтожения между США и Китаем существует, то возникает вопрос – по этой ли причине Соединённые Штаты пытаются втянуть Китай в соглашения по контролю над вооружениями? Вы помните, Д. Трамп пытался это делать с СНВ-3, администрация Дж. Байдена отказалась от этого, решив продлить СНВ-3 на двусторонней основе. Но американцы всё равно настаивают на том, чтобы Китай принял участие в переговорах по ракетам средней дальности.

Если говорить о военном соперничестве, нельзя не вспомнить Г. Элвисона с его «ловушкой Фукидида», когда он, ссылаясь на исторические примеры Афин и Спарты, а также других соперничающих великих держав, считает весьма вероятным военное столкновение США и Китая. Я считаю, что этот вариант исключать нельзя.

Ещё один важный момент в стратегии Вашингтона – это формирование против КНР военно-политического альянса США в Индо-Тихоокеанском регионе, так называемая «четвёрка» (Япония, Южная Корея, Австралия, Индия).

Какое место в этой схеме занимает Россия? Что касается Соединённых Штатов, я американскую стратегию вижу, как «двойное сдерживание» Китая и России. И это неизбежно заставляет задать вопрос – а могут ли сегодняшние Соединённые Штаты осуществлять такое сдерживание, хватит ли у них для этого сил, «не развяжется ли пупок»?

В политической элите США существуют разные точки зрения. Пока преобладает, на мой взгляд, подход, согласно которому сотрудничество с Россией не является необходимым для сдерживания Китая, а наоборот, Вашингтон может одновременно сдерживать и Пекин, и Москву. Но есть и такие круги, которые говорят, что без сотрудничества с Россией сдерживать Китай будет очень сложно.

Отсюда следует вопрос – отвечает ли интересам России участие Китая в контроле над ядерными вооружениями? Я думаю, что отвечает. Естественно, мы – партнёры с КНР и не должны подыгрывать американцам, но мы явно не заинтересованы в том, чтобы китайская военная мощь не только в обычных вооружениях, как это уже во многом произошло, но и в ядерных вооружениях сравнялась и превзошла нашу. Поскольку по другим показателям – экономическим, социальным – Россия Китаю уступает. И с этой точки зрения, ненаращивание китайского ядерного потенциала отвечает не только американским, но и нашим интересам.

Конечно, надо проводить аккуратную дипломатическую линию, чтобы не создавать впечатление, что в противостоянии КНР и США мы «блокируемся» с одной из сторон.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОГОВ Сергей Михайлович, академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Sergey M. ROGOV, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), scientific Director of the Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Материал поступил в редакцию / Received 13.07. 2021

Материал поступил после рецензирования / Revised 16.07.2021

Материал принят к публикации / Accepted 21.07.2021.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S268667300016027-9

Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы

С.Г. Лузянин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).*

Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20.

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации (МГИМО).*

Российская Федерация, Москва, 119454, пр. Вернадского, д. 76.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9578-6023>

e-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

Резюме: В выступлении автор рассматривает основные параметры китайско-американских отношений, включая их особенности, при президенте Д. Трампе, а также в настоящее время – при президенте Дж. Байдене. Отмечаются четыре современных направления политики США в отношении Китая, включая южноазиатский, евро-атлантический, внутрикитайский и внутриамериканский вектора. Освещены особенности китайской стратегии «двойной циркуляции» и желание КНР сократить зависимость от американского импорта высокотехнологичной продукции. Автор анализирует изменение стиля дипломатии Китая, переход к более активной, наступательной политике, попытки создания «неамериканского мира» вокруг инициативы «Один пояс, один путь», а также ускоренное развитие военно-промышленного комплекса, сокращение отставания КНР по уровню стратегических вооружений от США.

Ключевые слова: США, Китай, соперничество, Дж. Байден, Си Цзиньпин

Для цитирования: Лузянин С.Г. Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51(8): 75–80. DOI: 10.31857/S268667300016027-9

Sino-American Relations after D. Trump: Assessments, Approaches, Prospects

Sergey G. Luzyanin

National Research University "Higher School of Economics".

20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation.

Moscow State Institute of International Relations (University)

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University).

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9578-6023>

e-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

Abstract: In his speech, the author considers the main parameters of Sino-American relations, including the features during the presidency of D. Trump and currently D. Biden. Four modern directions of J. Biden's policy towards China are given, including the South Asian, Euro-Atlantic, intra-Chinese and intra-American vectors, as well as Chinese responses. The features of the Chinese strategy of "double circulation" and the desire of the PRC to reduce dependence on American imports of high-tech products are highlighted. The article analyzes the change in the style of China's diplomacy, the transition to a more active, offensive policy, attempts to create

a "non-American world" around the "One Belt and One Road" initiative, as well as the accelerated development of the military-industrial complex, reducing the backlog of the PRC in terms of strategic weapons from the United States.

Keywords: USA, China, rivalry, J. Biden, Xi Jinping

For citation. Luzyanin S.G. The Sino-American Relations after D. Trump: Assessments, Approaches, Prospects. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51(8): 75-80. DOI: 10.31857/S268667300016027-9

Актуальность темы не вызывает сомнений. С учётом китайско-американских реалий картина мира складывается, в основном, как конфликтная. Оценки ведущих российских политологов, связанные с формированием «новой биполярности» или «двойной биполярности», подтверждают наличие усиливающегося китайско-американского раскола, влияющего на глобальную и региональную безопасность.

Китайско-американские отношения сегодня плавно трансформируются в многоплановую борьбу «американского» и «китайского» миров, которая разворачивается в мировой экономике, геополитике, культуре. С каждым годом обостряется стратегическая проблема перспектив развития американской (либеральной) системы и модели «социализма с китайской спецификой». Кто выйдет из этой схватки победителем, за кем будущее – вопрос открытый.

Уровень двусторонних китайско-американских отношений был всегда чрезвычайно высок. В 2017 г. двусторонняя торговля товарами и услугами превысила 710,4 млрд долл., включая экспорт из США – 187,5 млрд долл. и импорт в США – 522,9 млрд долл. Американский рынок в тот период поглощал примерно 23% всего китайского экспорта. США являлись основным потребителем китайской электроники, чёрных металлов, продукции машиностроения, одежды. Зависимость китайской экономики от американского рынка была такова, что при снижении американского ВВП на 1,5% китайский экспорт в США падал на 4–5%.

Китай активно скупал финансовые казначейские облигации (в 2017 г. – 1,3 трлн долл.). Действовавший тогда в США китайский фонд «Китайская инвестиционная корпорация» (CIC) за 2017 г. приобрёл крупные доли в 112 ведущих американских корпорациях. В США сформировалась отработанная система лоббирования китайских экономических интересов. Эта система имела мощные политические и финансовые рычаги влияния, поддерживалась высшим китайским руководством. Одновременно крупными лоббистами Китая являлись американские корпорации, работавшие на китайском рынке, включая «Боинг», «Сити групп», «Кока-кола» и ряд других.

Китай после XIX съезда КПК и усиления личного влияния и роли китайского лидера Си Цзиньпина в стране и в мире пытался максимально использовать американские ресурсы для перехода на новую экономическую (инновационную) модель, которая не должна быть полностью завязана на экспорте и внешних рынках. США же пытались через растущую взаимозависимость построить китайскую экономику в мировую либеральную модель, интегрируя китайские фондовые и

иные рынки. Полная либерализация китайской валюты (юаня) в американском варианте позволила бы Вашингтону ускорить этот процесс.

10–13 ноября 2017 г. в ходе визита президента США Д. Трампа в Китай стороны заключили торгово-экономический пакет соглашений на сумму 253,5 млрд долл. Было подписано 34 контракта о сотрудничестве и договора о намерении. Среди достигнутых договоренностей – 26 торговых соглашений на сумму 108,8 млрд долл. и восемь проектов взаимных инвестиций стоимостью 144,7 млрд долл. Важной для Китая была сделка о покупке и совместном участии в производстве китайской нефтехимической корпорацией «Синопек» (*Sinopec*) сжиженного природного газа (СПГ) на Аляске. Данный проект был способен создать порядка 70 тыс. новых рабочих мест в США, способствуя ежегодному сокращению выбросов углекислого газа в Китае на 80 млн тонн.

Нынешний формат китайско-американских отношений складывался за последние 30 лет на фоне дальнейшего роста Китая и относительного ослабления США. Совершенно очевидно, что модель «КНР – США» кроме собственной двусторонней структуры имеет глобальный характер, оказывает существенное влияние на мировые экономические и международно-политические тенденции. Учитывая геополитические и региональные амбиции каждой из сторон, сегодня можно говорить, что успех или неуспех их развития во многом определяет будущую экономическую и политическую стабильность в мире.

В структуре связей двух мегадержав фактически формируется новая постбиполярная повестка мира. Однако какой характер она будет иметь и в каком направлении – взаимозависимости или конфликтности – будут развиваться двусторонние отношения, прогнозировать достаточно сложно.

Китайская концепция и реальная стратегия «мирного возвышения Китая» до 2012 г. (прихода к власти Си Цзиньпина), по сути, была скрытой прозападной политикой. Глобализация 1990-х – 2000-х годов, во многом инициированная и запущенная США, позволила Китаю не только мирно и безболезненно в неё вписаться, но и бесконфликтно получить огромные инвестиции, новые технологии и рынки. В КНР сформировалась иллюзия плавного и мирного перехвата глобальной власти у США. Предложение тогдашнего президента Б. Обамы бывшему китайскому руководителю Ху Цзиньтао о совместной реализации проекта G-2 только усилило эти ожидания.

Первый крах иллюзий возник у китайцев в период президентства Д. Трампа. Проигранный Китаем первый раунд двусторонних переговоров в рамках «китайско-американской сделки» 15 января 2020 г. (примерно 80% на 20% в пользу американцев) усилил «торговую войну», запустив так называемую процедуру «расцепления (*“decoupling”*)».

Второй крах иллюзий возник после победы Дж. Байдена, особенно по завершении двусторонних переговоров в Анкоридже. Китайско-американские экономико-технологические противоречия при Дж. Байдене стали дополняться системным политико-идеологическим противостоянием двух держав. На углубле-

ние этого процесса работало формирование Вашингтоном «Альянса демократий», укрепление «Трансатлантического союза» и др. Условно байденское наступление можно обозначить четырьмя направлениями:

– *Южноазиатский вектор*, в рамках которого наблюдаются попытки США институализировать и расширить четырехсторонний проект “QUAD” (США, Индия, Япония, Австралия). Пока речь не идёт о создании некоего классического варианта «Азиатского НАТО», но антикитайские смыслы и мотивы явно просматриваются. При этом следует иметь в виду, что цели и намерения каждого из участников не во всём совпадают. Несмотря на антикитайские настроения Индии, Австралии и опасения Японии, каждый из них имеет свои экономические интересы на большом китайском рынке, не всегда совпадающие с интересами США.

– *Европейско-атлантический вектор*, слабо развивавшийся в эпоху Д. Трампа и получивший явное ускорение в настоящее время. Солидарность Европейского Союза (ЕС) и США против Китая усиливается. Давление Вашингтона на Брюссель привело к консервации Европарламентом в мае 2021 г. Всеобъемлющего инвестиционного соглашения (ВИС) Европейского Союза и КНР, которое готовилось семь лет, с 2013 г., и в декабре 2020 г. было подписано. Если бы Евросоюз довёл ВИС до реализации, это дало бы ведущим французским, немецким и голландским компаниям преимущественные права на китайском рынке по сравнению с американскими. Соглашения подобному ВИС ЕС – КНР у США нет. Фактически, американцы, используя политические (антикитайские) лозунги, ликвидировали коммерческие преимущества своих европейских конкурентов.

– *Внутрикитайское направление*, связанное с желанием США и их союзников вывести традиционную критику нарушений «прав человека» в КНР (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Тибет, Внутренняя Монголия, Гонконг) на уровень якобы существующего геноцида отдельных групп населения КНР, проводимого китайскими властями. Под этим лозунгом делается попытка представить Китай в глазах мирового сообщества главным нарушителем гуманитарных норм и правил.

– *Внутриамериканское направление*, обусловленное дальнейшим укреплением межпартийного консенсуса (республиканцев и демократов) по поводу главного китайского вызова для США. Продвижение в Сенате законопроекта «О стратегической конкуренции» 2021 г., направленного на систематизацию противодействия Китаю и мобилизацию всех стратегических, экономико-технологических, информационных и военных ресурсов для сдерживания КНР, подтверждает выход «китайской угрозы» на общенациональный американский уровень. Мобилизация сил и законопроект направлены на то, как эффективнее и быстрее превратить Китай в «мирового изгоя». Экспертной основой данного трека являются работы ведущих учёных в области китаеведения и безопасности – С. Бланка, Д. Ларсон, Р. Росса, Г. Розмана, Э. Качинса, Ф. Старра и ряда других, которые в основном подтверждают идею о приоритетности китайской угрозы (по сравнению с российской).

В условиях ужесточения американской политики в отношении КНР в самом Китае формируются адекватные ответы, из которых можно выделить четыре, хотя на самом деле список их гораздо больше.

– *Стратегия «двойной циркуляции»* китайской экономики, при которой акцент в настоящее время (в рамках планов 14-й пятилетки) китайским руководством делается на внутренний рынок с использованием внешних возможностей. Цель этой стратегии – сокращение зависимости от США, в первую очередь в сфере высоких технологий и программного обеспечения. По оценкам китайских экспертов, для её реализации потребуется 5–7 лет. Следует учитывать, что в настоящее время между двумя государствами сохраняется гигантская торговля – 558 млрд долл. при большом китайском положительном сальдо. Другими словами, запущенное Д. Трампом «расцепление» (*“decoupling”*) при Дж. Байдене в торгово-экономической и инвестиционной сферах не развивается, взаимозависимость сохраняется.

– *Попытки формирования «неамериканского мира»* (новое понятие, требующее дополнительного изучения) вокруг инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), в который включено более 100 государств, из которых прямыми финансовыми реципиентами Китая в рамках данного проекта являются 64. Просматривается желание Пекина подвести под данную инициативу некую идеологическую основу в плане продвижения концепции «Сообщества единой судьбы человечества». Данный трек, на наш взгляд, находится на самом начальном этапе реализации и сталкивается с растущим противодействием не только со стороны США и их союзников, но и части развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие в мире опасаются растущего финансового и политического могущества Китая.

– *Изменение стиля китайской политики.* В последние годы эксперты отмечают усиление наступательности китайской дипломатии («самоуверенная дипломатия», «дипломатия воинов-волков»). Очевидно, что принцип Дэн Сяопина – «держаться в тени и скрывать свои возможности» остался в прошлом. Возвышение Китая в эпоху Си Цзиньпина заставляет его более активно позиционировать себя в мире.

– *Военно-стратегический ответ.* Обострение отношений с США предполагает активное развитие китайских военно-стратегических сил, включая все три компонента ядерной триады: стратегическую авиацию, межконтинентальные баллистические ракеты и атомные подводные лодки. Между КНР и США сохраняется значительная асимметрия по этим компонентам (по оценкам экспертов СИПРИ, примерно 1:8). Китай, как известно, не идёт на переговоры о стратегических вооружениях и их ограничении, считая, что это исключительно двусторонний российско-американский диалог. Одновременно китайское руководство форсирует развитие своего военно-промышленного комплекса (ВПК), на который в 2020 г. потрачено 209 млрд долл., что составляет примерно 6–7% валового внутреннего продукта (ВВП).

Таким образом, китайско-американские отношения в политической и экономической частях стали более системными и более противоречивыми. Ослабить

или полностью нормализовать их в настоящее время и на ближайшую перспективу представляется практически невозможным. Вариант создания российско-американского альянса против Китая также невозможен сегодня. При этом и военный союз между РФ и КНР против США маловероятен и не нужен России. В структуре китайско-американских отношений фактически формируется новая биполярность мира.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Департамента зарубежного регионоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20;
профессор кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО).
Российская Федерация, Москва, 119454, пр. Вернадского, д. 76.

Sergey G. LUZYANIN, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Foreign Regional Studies, the National Research University "Higher School of Economics".
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation;
Professor of the Department of Oriental Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University).
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Материал поступил в редакцию / Received 8.07.2021.

Материал поступил после рецензирования / Revised 9.07.2021.

Материал принят к публикации / Accepted 12.07.2021.

УДК: 327(470+510+73)

DOI: 10.31857/S268667300016028-0

КНР – США – Россия: факторы геополитического соперничества

А.С. Давыдов

Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-м, д. 32.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3543-3757> e-mail: davydov@ifes-ras.ru

Резюме: Взаимоотношения США, КНР и России составляют важнейший компонент основы формирующегося после распада биполярной системы современного миропорядка. От них зависит характер будущего мироустройства, принципы и перспективы его дальнейшего существования. В настоящее время отношения США с двумя другими «сторонами треугольника» находятся в глубоком кризисе, обусловленном острым соперничеством с ними. И от того, как он будет преодолен, решающим образом зависит дальнейшая судьба человечества. Очевидно одно – методы преодоления существующих противоречий и разногласий могут быть только мирными, основанными на договорённости и компромиссах между конфликтующими сторонами.

Ключевые слова: США, КНР, Россия, геополитическое соперничество, мироустройство, противостояние, конфликты, взаимодействие, сотрудничество, поиски выхода из тупика

Для цитирования: Давыдов А.С. КНР – США – Россия: факторы геополитического соперничества. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51 (8): 81–91. DOI: 10.31857/S268667300016028-0

PRC - USA - Russia: Factors of Geopolitical Rivalry

Andrey S. Davydov

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3543-3757> e-mail: davydov@ifes-ras.ru

Abstract: The relationship between the United States, China and Russia constitutes the most important basic component for the modern world order that is emerging after the collapse of the bipolar system. The nature of the future world order, the principles and prospects of its future existence depend on them. At the moment, US relations with the other two “sides of the triangle” are in deep crisis due to intense rivalry with them. And the future fate of mankind decisively depends on how it is overcome. One thing is clear – the methods of overcoming the existing contradictions and disagreements can only be peaceful, based on agreements and compromises between the conflicting parties.

Keywords: USA, China, Russia, geopolitical rivalry, world order, confrontation, conflicts, interaction, cooperation, search for a way out of the impasse

For citation: Davydov A.S. PRC - USA - Russia: Factors of Geopolitical Rivalry. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2021; 51 (8): 81-91.

DOI: 10.31857/S268667300016028-0

Утверждение, что одну из центральных осей в современных международных отношениях составляют взаимоотношения США и КНР, безусловно, справедливо,

но они – всего лишь часть ещё не оформившегося окончательно современного миропорядка, возникшего после распада биполярной системы. В его незавершённости – нестабильность нынешнего мироустройства, которая заставляет мир пребывать в состоянии турбулентности, обусловленной открытым противоборством США с двумя другими ведущими мировыми державами – КНР и Россией.

И США, и Россия, и Китай претендуют на такую роль по праву. Каждая из стран отличается объективными уникальными чертами, выделяющими её среди прочих стран мира: США – наимогущественнейшим современным экономическим и научно-техническим потенциалом; Китай – невиданными демографическими ресурсами; Россия – громадной территорией и обширными запасами ископаемых ресурсов.

Вместе с тем, в своём стремлении играть ведущую мировую роль каждая из указанных стран склонна опираться на присущие исключительно ей принципы, подходы и идейные ценности.

США абсолютизируют рыночную экономику и демократию, понимая их суть по-своему и трактуя, зачастую с использованием силовых методов, исключительно в собственных интересах.

Китай, ещё недавно считавшийся изолированной от внешнего мира страной, а ныне заинтересованный в расширении проникновения в отдалённые регионы, ратует за создание «планетарного сообщества единой судьбы», опираясь на укрепление, в первую очередь, торгово-экономических связей.

Россия, отказавшись в принципе от коммунистической доктрины и идейного наставничества, всё ещё сохраняет отчасти патерналистские методы в выстраивании отношений с некоторыми из партнёров, хотя старается подходить к этому дифференцированно.

Каждая из трёх держав преследует собственные, отличные от двух других государств, амбициозные и нестыкующиеся цели, на выбор которых не могла не повлиять ментальность каждой нации, определяемая её культурным кодом и формирующая национальный психотип.

Так, молодой американской нации, сложившейся на мультирасовой основе, свойствен дух первооткрывателей и первопроходцев, универсальных лидеров, прикрывающих общегуманными лозунгами селективность и избирательную применимость отстаиваемых ею ценностей и институтов.

Ханьский китаецентризм зиждется на представлении о Китае как о древнейшем и первом возникшем на Земле цивилизационном оплоте, законодателе и примере для окружавших народов, выступавших для китайцев в обличье варваров. При этом, согласно китайскому миропониманию, слова и дела не обязательно должны совпадать. Ведь провозглашая истину, нет нужды действовать в соответствии с ней.

Опирающийся на национальные и хозяйственные традиции России дух коллективизма и общинности поощряет стремление к некоей агломерации и ассимиляции, зачастую нарушающих соблюдение и учёт интересов и требований национальной специфики.

Именно это явилось, среди прочих, одной из причин краха базировавшейся на идеологических принципах биполярной системы, руководимая СССР часть которой вместо должного учёта национальных обычаев и традиций стран, вхо-

дивших в неё, отдавала предпочтение так называемым коллективистским методам «пролетарского интернационализма». Этот подмеченный Западом «крен» был умело использован при развале им социалистического содружества.

В свою очередь, нынешние проблемы в американо-китайских и американо-российских отношениях, помимо актуальных субъективных причин, коренятся в неадекватной оценке Соединёнными Штатами перспектив и последствий: (а) политики сближения с КНР с начала 1970-х годов; (б) распада биполярной системы мироустройства в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Поэтому в последние годы США занимаются – часто безуспешно – выправлением этих упущений через корректировку политики в отношении Китая и России. Всё вышеизложенное разъясняет мотивацию целей, преследуемых тремя этими странами.

Америка, выступавшая и в биполярном мире в роли одного из постоянных глобальных лидеров, желает это лидерство не только сохранить, но и монополизировать на постоянной основе.

Устремления Пекина органично подкрепляются принципом «китаецентризма», согласно которому Китаю предначертано «возвышаться в центре мироздания, постоянно сталкивая между собою окружающих его варваров» для облегчения выживания и дальнейшего собственного возвышения.

Россия, правопреемница СССР, утратившая, однако, его сверхдержавный статус, намеревается его вернуть.

Однако великодержавные амбиции должны опираться не только на былые заслуги, но и предполагать соответствие определённым критериям, то есть необходимо обладать превосходством или, как минимум, паритетом с остальными претендентами в большинстве из следующих четырёх сфер: экономике, современной науке и технологиях, военной мощи, геостратегическом положении и влиянии.

На данный момент им стопроцентно отвечают только США. КНР сопоставима с ними по экономическим и отчасти технологическим параметрам. Россия конкурирует с Вашингтоном лишь в военной области. Превзойти Америку по комплексным показателям ни Москве, ни Пекину пока не удалось.

Главным объединителем устремлений и усилий Китая и России на путях к «мировому Олимпу» остаётся их согласие относительно многополярности как единственной приемлемой структуры будущей глобальной архитектоники. Однако видение ведущих к ней путей совпадает у них не во всём.

* * *

Китай имеет высокий глобальный экономический рейтинг, обеспеченный за счёт исполнения поначалу роли «мировой фабрики» с дешёвой рабочей силой в обмен на получение современных западных технологий и широкого доступа к торгово-экономическим льготам ВТО. Заняв передовые позиции в мировой экономике, он демонстрирует желание из региональной державы утвердиться в статусе глобальной с последующим превращением в сверхдержаву. На это прямо и косвенно указывают планы, сформулированные в его государственных и партийных документах.

Торгово-экономическая политика последних десятилетий дала КНР реальную возможность войти в число мировых лидеров в сферах технологий и производства. Научные достижения Поднебесной тоже велики. Известно, что китай-

ские суперкомпьютеры – одни из самых быстрых в мире, крупнейший радиотелескоп находится в Китае. Пекин намерен доминировать в следующем поколении информационных технологий, куда входят сети 5G. КНР добилась выдающихся успехов в освоении космического пространства.

Помимо торгово-экономических и научно-технических успехов, Пекин предпринимает целенаправленные шаги в политической, военной, социальной, демографической и ряде других важнейших сфер. Как было указано в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, одной из намеченных целей является достижение к середине нынешнего столетия мирового лидерства в области всесторонней национальной мощи и международного влияния.

Ставшая второй, а по отдельным показателям первой экономикой мира, КНР резко активизировала участие в глобальном управлении, расшив его сферы с экономической и гуманитарной на область безопасности, что делает для неё реальным выполнение задуманного.

Однако всё не так просто. Амбициозная мечта о «великом возрождении китайской нации» не только «напрягла» Запад, и в первую очередь США, но на фоне недавней экономической стагнации в КНР, спровоцированной пандемией коронавируса, активизировала в ней внутреннюю оппозицию. Результатом этого стали, в том числе, и события в Гонконге, поставившие под сомнение практическую реализуемость концепции «одно государство – два строя», а также волнения в Синьцзяне. А сам факт расползания по миру слухов и страхов по поводу роли КНР в распространении этой пандемии резко усилил негативное отношение к Китаю со стороны немалой части мирового сообщества.

При этом, несмотря на заверения со стороны Китая об отсутствии гегемонистских амбиций, его попытки добиваться позиции мировой сверхдержавы, равной США, то есть воссоздания, по существу, некоей «новой биполярности», становятся всё заметнее, что, безусловно, ещё больше повышает конфронтационные риски и уже реально грозит свергнуть мир в состояние стратегической неопределённости.

Америка увидела прямую угрозу своим интересам в том, что ещё недавно бедная и полузависимая страна к началу XXI века постепенно превратилась в гиганта с потенциалом развития, могущим поставить под вопрос способность Вашингтона удержать мировое первенство, в его эффективного конкурента и опасного соперника. Отягчённое негативными явлениями в истории взаимоотношений двух стран, социальными различиями и взаимной идеологической нетерпимостью, это обстоятельство выступает в качестве одной из первопричин накопления конфликтного потенциала между двумя державами.

В то время как китайские специалисты-международники до недавнего времени характеризовали отношения с США как «сочетание сотрудничества и конкуренции», внутри американского стратегического сообщества действует крыло, настаивающее на недопущении превращения КНР в мировую державу, не исключая для этого возможности прибегнуть к превентивной войне.

В «Стратегии национальной безопасности» (2017 г.) Вашингтон впервые причислил Пекин к своим «главным стратегическим соперникам», что сопровождалось отходом от важных постулатов в политике администрации Б. Обамы

о том, что: (1) поддержание прежнего баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе якобы может сдерживать стремление Китая изменить установленный там Соединёнными Штатами региональный порядок; (2) попытки интеграции КНР в этот порядок дадут надежду на либерализацию режима в ней изнутри.

В *политико-правовой* сфере Китаю инкриминировались: милитаризация Южно-Китайского моря, усиление давления на Тайвань, нарушения прав человека и свободы вероисповедания, кибершпионаж, кража американских технологий путём хакерских атак, расширение геополитических притязаний; в *финансово-экономической* – манипулирование курсом юаня, установление и использование дискриминационных торговых барьеров, товарный демпинг, введение торговых ограничений, настойчивое требование доступа к новым технологиям в обмен на присутствие компаний США на рынках Китая.

Стало очевидным, что *тесные торгово-экономические связи двух стран не являются более гарантией недопущения между ними острых конфликтов*, вплоть до тотальной конфронтации, а торговые споры становятся рычагами не только экономического, но и политического давления. Диалоговые механизмы между США и КНР нуждаются в перезагрузке. Налицо усиление противоречий идеологического и гуманитарного характера. И главное – сохраняется разница в подходах к организации будущего миропорядка.

Пекин постепенно отошёл от сдержанной и дипломатичной риторики, которую использовал ещё недавно в отношении США, и настроился на то, чтобы «быть жёстким» к Америке и «достигнуть мира путём борьбы».

Впоследствии чётко проявилось, что так называемая «торговая война» с КНР, начатая администрацией Д. Трампа, явилась не просто и не только экономическим противоборством, а по существу началом борьбы двух мировых гигантов – старого и молодого – за право потенциального руководства формирующимся грядущим миропорядком.

В ходе слушаний 20 февраля 2020 г. в специальной сенатской комиссии по вопросам безопасности и торговли с Китаем была обрисована картина модернизации вооружённых сил КНР, осуществляемой «драматическими масштабами и темпами».

Военные расходы Китая за 20 лет (1999–2019 гг.) возросли более чем в 6 раз – с 28 млрд до 177 млрд долл. При этом государство финансирует многочисленные инфраструктурные и другие связанные с армией расходы, так что в реальности военный бюджет КНР на сегодня в несколько раз больше объявленного.

Численность вооружённых сил Китая составляет более 2 млн человек, а китайские ВМС относятся к самым многочисленным в мире. Значителен арсенал баллистических и крылатых ракет, есть боевые самолёты новейших типов, активно используется в военных целях киберпространство и космос. Китай успешно осуществил самую амбициозную программу военной модернизации в современной истории. Армия рассматривается как инструмент обеспечения лидирующего места КНР в мире.

Как известно, Пекин отверг претензии к нему США в ракетно-ядерной сфере, включавшие требование присоединиться к соответствующим американско-

российским переговорам и соглашениям. Он ограничился обещанием не применять против других ядерное оружие первым и заявлением, что его ракетно-ядерные силы «поддерживаются на малом уровне».

Разведсообщество США в одном из недавних докладов откровенно призналось, что «проспало» подъём Китая и к полноценной работе по китайской линии американские разведорганы не будут готовы «ещё десятилетия», поскольку не располагают достаточно подготовленными кадрами китаистов. В итоге годовой бюджет американской разведки перераспределили таким образом, чтобы уделять больше внимания Китайской Народной Республике.

США считают, что цели военного усиления КНР – прежде всего, в установлении гегемонии в акватории Индийского и Тихого океанов. По мнению американских военных экспертов, Пекин занялся расширением военного потенциала дальнего действия, в том числе и для безопасной реализации собственного амбициозного проекта «Один пояс – один путь» с целью не только подавить суверенитет государств Индо-Тихоокеанского региона, но и усилить в нём свой экономический диктат. Они считают, что КНР нацелилась понизить возможности в действиях американских войск вдали от своих баз и повысить уровень их сдерживания за счёт усиления своего военного присутствия в регионе.

Многие в Америке убеждены, что Пекин готовится к «бессрочной конфронтации», пока не добьётся цели – возглавить новый мировой порядок. Г. Киссинджер заявлял, что «из ситуации, в которой оказались сегодня США и Китай, бесконфликтного выхода нет», поскольку водораздел пролегает и по идеологической линии, на которую стороны до поры до времени не обращали внимания. Их соперничество всё больше стало рассматриваться не как традиционная конкуренция супердержав, а как борьба демократии с коммунизмом.

Главным инструментом в геополитической дуэли при Д. Трампе стала «стратегия размежевания» – от существенного снижения объёмов двусторонней торговли к аналогичному процессу в высокотехнологичном секторе и финансовой сфере, свёртыванию культурных и образовательных связей двух стран.

Однако, несмотря на обострение отношений с КНР, американская администрация отдавала себе отчёт в том, что в связях с Пекином наличествуют некие «красные линии», переступать которые США не рискуют. Это, прежде всего, колоссальная торгово-экономическая взаимозависимость, которую нельзя игнорировать. Кроме того, в случае развёртывания боевых действий на море неизбежно «сработает» взрывоопасный фактор Тайваня. И, наконец, третьей «красной линией» может стать фактор географической отдалённости Америки и Китая друг от друга.

В целом, стратегическое противостояние КНР и США на разных направлениях будет неизбежно усиливаться и станет «новой нормальностью» в международных отношениях. Соперничество двух держав приведёт к разрыву цепочек поставок, неуправляемому неравенству в сфере технологий.

Отсюда потребность искать новые подходы к сотрудничеству, что хорошо понимают в американских деловых кругах. Согласно докладу Американско-китайского делового совета, подготовленному в августе 2020 г., почти 70% пред-

приятый-респондентов с оптимизмом смотрят на коммерческие перспективы китайского рынка в ближайшие пять лет, в связи с чем 87% этих предприятий отказались вывести свои производственные линии из Поднебесной.

Деловые круги США в принципе хотят взаимодействовать с китайскими коллегами. Такое же желание присутствует у подавляющего числа бизнесменов в Китае. «Обе страны выиграют от сотрудничества и проиграют от конфронтации. Сотрудничество – единственный правильный выбор для них», – заявил в декабре 2020 г. посол КНР в США Цуй Тянькай на ежегодном праздничном вечере Американо-китайского делового совета.

Если рассматривать возможные перспективы китайско-американских отношений в контексте общих закономерностей хода исторического процесса, в рамках действия диалектических законов развития, то сегодняшнее глобальное поведение Китая и реакция на него со стороны США и остального западного мира *диалектически и исторически обусловлены*, а современные торгово-экономические противоречия этих двух стран являются лишь составной частью общей проблемы, состоящей *в борьбе нового со старым*.

При всех различиях национальных менталитетов у США и КНР существует нечто единое, если не роднящее, то делающее их очень похожими друг на друга. Это так называемый комплекс превосходства (*“superiority complex”*), или мания величия, внутренняя уверенность в собственном превосходстве над окружающими. У китайцев она базируется на убеждённости в том, что они – древнейшая земная цивилизация, насчитывающая более четырёх тысяч лет; у американцев – на ощущении себя одной из самых молодых и одновременно самой могучей страной мира, обладающей несметными материальными богатствами, передовыми технологиями, наилучшим и наиболее прогрессивным, по их убеждению, общественно-политическим устройством и максимально высоким жизненным уровнем. Каждая из двух стран считает себя единственным достойным претендентом на роль главного мирового лидера.

Прогресс КНР за 40 лет укрепил веру Пекина в справедливость своих притязаний. Неспособность США заставить Китай в результате перехода на «рыночные рельсы» одновременно трансформировать и его политическую систему, отказаться от коммунистической идеологии и, таким образом, встать с Америкой «по одну сторону баррикад» поколебала уверенность Вашингтона в собственном тотальном превосходстве. А усиление и укрепление Китаем своего глобального влияния не только в экономической, но и в политической сфере заставило резко противодействовать его возвышению.

В результате в мире, изначально стремившемся к многополюсности, формируется «новая биполярность», которая откроет очередной цикл борьбы, но уже не идеологических, а цивилизационных систем. Ссылки на коммунистическую идеологию КНР и на КПК необходимы сегодня американцам для того, чтобы, прикрываясь предлогом «борьбы с коммунизмом», якобы стремящимся «разрушить американскую демократию», замаскировать общий антикитайский настрой в США. Это было инициировано при президенте Д. Трампе и с большой долей вероятности сохранится при Дж. Байдене.

В то же время антикитайские выпады могут несколько изменить характер: стать менее грубыми и более завуалированными, поскольку глобальные интересы американских деловых кругов, которые охватывают и Китай, не должны пострадать от нынешней китаефобии янки. Поэтому преградой на пути её распространения, как ни парадоксально, может стать всё более ширящаяся активность и углубляющаяся вовлечённость Китая в деятельность на мировом рынке.

Госсекретарь Э. Блинкен чётко заявил, что США под предлогом «защиты международного порядка» будут по-прежнему вмешиваться в проблемы Гонконга, Синьцзяна и Тайваня, затруднять доступ Китаю к иностранным инвестициям и осуществлять военно-политическое сдерживание Пекина, взаимодействуя с ним «с позиции силы». В то же время Америка якобы заинтересована в том, чтобы «Россия стала её союзницей в противостоянии с КНР». Другими словами, основным «содержанием» так называемой «новой биполярности», по замыслу США, должно стать противоборство демократий и автократий по всему миру.

В тех сферах, где это не нарушает американские интересы, взаимодействие США с КНР может даже активизироваться. Однако, скорее всего, этого не следует ожидать в таких стратегически значимых отраслях, как глобальные средства коммуникации или экспорт высоких технологий.

Со своей стороны, Китай постарается не обострять отношения с Америкой, если та не станет затрагивать его «чувствительные болевые точки»: внутривнутриполитическую ситуацию, нацменьшинства, тайваньский и гонконгский вопросы, то есть вмешиваться в его внутренние дела, препятствуя реализации концепции «одно государство – две системы», от чего более воинственной в новом руководстве США, настроенной антикитайски его части удержаться будет совсем не просто.

В любом случае главной своей целью на китайском направлении США будут считать недопущение ещё большего усиления КНР, а Китай – неуклонную реализацию намеченных установок и планов при минимально возможных негативных действиях в отношении Америки.

* * *

В проекте бюджета США на 2021 г. были заложены 1,5 млрд долл. на «защиту Азиатского региона от враждебного китайского влияния» и 700 млн долл. – на противодействие России, в том числе соответственно 30 млн и 24 млн долл. на борьбу с «пропагандой и дезинформацией» со стороны КНР и РФ.

США и НАТО опасаются возрождения мощи России, стремясь сдерживать и её на международном уровне. И хотя в потенциале конфликт с КНР стратегами США не исключается, военная опасность с её стороны представлялась им до последнего времени гораздо меньшей, чем со стороны России, с которой у Америки, в отличие от Китая, практически нет никаких объединяющих точек соприкосновения.

Чем же раздражает нынешняя Россия США и остальной западный мир? Очевидно, прежде всего – целями, которые она преследует, и фигурой своего лидера, с именем которого Запад ассоциирует их реализацию и все другие, вытекающие из этого для него «неудобства». Главное из них – нежелание подчиняться правилам существования под западной доминантой, неуступчивость в решении целого ряда конфликтов и споров, бескомпромиссное отстаивание

российских национально-государственных интересов и принципов, в большинстве разнящихся с западными.

Как поступать в сложившейся труднейшей ситуации, постепенно возвращая отношения с США в нормальное, приемлемое состояние? Идеальным для них сегодня было бы то, при котором, не ухудшая наших нынешних отношений с Китаем, российско-американские связи, согласно мудрому правилу, стали бы чуть лучше, чем американо-китайские, которые в данный момент тоже достаточно плохие.

Хотя сегодня в пресловутом «треугольнике» Россия – слабейшая сторона, следует попытаться взять под контроль баланс сил в нём, что требует новых идей, без которых никакой российской внешней политики не будет вообще. Одна из них видится в уже неоднократно высказывавшейся мысли о целесообразности проведения трехстороннего форума по проблемам мироустройства, миропорядка и мирососедства.

Главным и определяющим при продвижении по пути к новой структуре мироустройства должен стать переход от парадигмы конфронтации к парадигме кооперации, от восприятия мира как средоточия конфликтов и противостояний к осознанию необходимости его развития в русле сотрудничества и постепенной замены принципа баланса сил на баланс интересов.

В идеале конфликтующие стороны должны прийти к пониманию неизбежности договоренностей о конструктивном управлении своим соперничеством, при котором сотрудничество в одних сферах может осуществляться одновременно со здоровой конкуренцией в других. На практике начать можно с АТР, исходя из того, что ни один из прогнозируемых в качестве реальных вариантов будущего обустройства этого региона, где пересекаются интересы КНР, США и России, не удовлетворяет всех одинаково.

Таким образом, путь к улучшению отношений с США видится не в усилении противостояния с ними, безудержно подстёгиваемом, кстати, и американскими, и отечественными СМИ, а в поисках и согласовании действенных компромиссов, приемлемых для нас и привлекательных для соперников. Пора перестать заботиться о других и начать думать исключительно о собственных национально-государственных интересах.

А пока фактом остается то, что на фоне постоянно презентуемых руководством страны новых видов сверхсовременных и совершенных вооружений, которыми теперь якобы обладает Россия, и мощных технологических прорывов в военной сфере мы ощущаем себя более одинокими в мире, чем в прежние времена. Появился даже термин «стратегическое одиночество», к которому некоторые авторитетные российские политологи относятся скорее благосклонно, чем негативно.

Страна с достаточно развитой экономикой и пока сильным и передовым научным потенциалом, способная предложить миру разнообразный ассортимент продукции, помимо сырья и оружия, не должна находиться в вакууме изоляции, озадачиваясь поиском сомнительных союзников, привлекаемых раздачей им заведомо безвозвратных кредитов, компенсировать которые придётся за счёт так называемых «собственных ресурсов». Мы должны стать экономически ещё мощнее, и тогда к нам потянутся сильные партнёры.

К сожалению, реально эффективных договорных союзников у нынешней России фактически нет. Официальные союзнические отношения имеются только с пятью членами ОДКБ (Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном), которых мы обязаны «защищать любой ценой, вплоть до применения ядерного оружия», хотя в реальности подобную ситуацию трудно представить.

Ещё с шестью бывшими республиками СССР (Украиной, Латвией, Литвой, Грузией, Эстонией, отчасти – Молдовой) отношения враждебные или близкие к таковым, а с тремя остальными (Азербайджаном, Узбекистаном и Туркменией) – нейтрально-сдержанные.

Понятно, что при таких взаимоотношениях внутри бывшего СССР рассчитывать на формирование в будущей многополярной системе отдельного полюса, группирующегося вокруг России, особо не приходится.

Главной причиной ухудшения российско-американских отношений стали не столько события на Украине или так называемая «аннексия Крыма Россией», сколько то, что на рубеже 2008–2009 гг. тогдашние американские администрации республиканцев и демократов, сменяя у власти друг друга, проглядели реальный «закат» однополярности и, сочтя урегулирование последствий распада биполярной системы мира окончательно завершённым, сбросили Россию со счетов как «глобального игрока».

Ещё в начале 1990-х годов Зб. Бжезинский убедил руководство США, что «новую Россию необходимо лишить иллюзии её великодержавности», что она должна быть раздробленной и «находиться под опекой». В этих «рекомендациях» не следует умалять вины и нашего тогдашнего руководства, внимавшего Вашингтону. А главной целью американских «забот» о нас, как оказалось впоследствии, было стремление США использовать Россию как резервуар для покрытия собственного госдолга за счёт выкачивания и использования её ресурсов в интересах американского бизнеса.

Возвращение в 2012 г. на пост президента неуступчивого и жёсткого В.В. Путина спутало американцам все карты, поколебало уже считавшееся ими состоявшимся деление мира по интересам и привело к возникновению, ещё до Украины, целого ряда конфликтов, постепенно повлекших ухудшение, а затем окончательную деградацию американо-российских связей. А реакция США на события на Украине стала одним из первых проявлений их сопротивления начальным шагам по формированию основ глобальной полицентричности.

«Гнев на Россию» цепной реакцией перекинулся из Америки в страны Европы, расширив политику санкций и породив контрсанкции, приведя к ущемлению российских прав на нормальную деятельность в рамках международных форматов. Запад консолидированно ополчился на Россию по единственной и главной причине – отсутствию желания наблюдать её возрождение вместо СССР в качестве великой глобальной державы.

Россия «зажата» сегодня между Евро-Атлантикой и КНР, уже готовыми к переходу на следующий технологический этап – к новому уровню цифровизации. Таким образом, выбор ею своих политических ориентиров может стать одновременно и выбором пути её будущего технологического развития. Или

наоборот – технологии будут определяющим образом влиять на её политику. В нынешней ситуации главное для неё – при попытке улучшения отношений с Соединёнными Штатами не ослаблять связей с Китаем, не превращаясь в то же время в его «младшую сестру» в отличие от 1950-х годов, когда «младшим братом» СССР именовал себя тогдашний Китай. Но как добиться этого с двумя процентами мирового ВВП против 24% у США и 16% у Китая?

Среди ответов на этот вопрос выделяются следующие рекомендации для России: (а) сузить горизонт внешнеполитических амбиций, сосредоточившись на внутренних проблемах в целях восстановления экономического роста; (б) не «оборачиваясь спиной к Азии, одновременно вернуться в Европу», воспользовавшись неустойчивой и меняющейся конъюнктурой в ней. Альтернативной им может стать рекомендация о безудержном наращивании Россией её военного потенциала. Но с учётом опыта бывшего СССР для неё это – путь в тупик.

Хотя Россия и сегодня по-прежнему великая страна, исходя, в первую очередь, из размеров её территории и имеющихся у неё природных и военных ресурсов, претендовать на роль сверхдержавы, опираясь исключительно на эти факторы, при значительном экономическом отставании от двух других мировых гигантов – США и КНР – она пока не в состоянии.

Главная её роль видится ныне в настройке и последующей отладке, совместно с Соединёнными Штатами, Китаем и другими ведущими державами, действующих мировых механизмов, в содействии достижению необходимого глобального баланса и равновесия.

При этом, чтобы ещё больше не усугублять сложные и напряжённые отношения с США, разумнее и рациональнее не переводить стратегическое партнёрство России с Китаем в формат союза, как хотят этого некоторые российские и китайские круги, а занять оптимально выгодную для нас позицию «умной обезьяны, наблюдающей с вершины горы за схваткой двух тигров».

Состоявшаяся 16 июня 2021 г. в Женеве встреча президентов России и США оставляет надежду на то, что путь к расчистке завалов в отношениях двух стран может стать реальностью.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДАВЫДОВ Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН).
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Andrey S. DAVYDOV, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.
32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Материал поступил в редакцию / Received 7.06.2021.

Материал поступил после рецензирования / Revised 19.06.2021.

Материал принят к публикации / Accepted 25.06.2021.

УДК: 341.217

DOI: 10.31857/S268667300016029-1

Факторы стратегического партнёрства России и Китая: сдерживание США или провокация?

А.Ф. Клименко

Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4925-6229>

e-mail: klimenko46@mail.ru

Резюме: Во взаимоотношениях государств геополитического «треугольника Россия – Китай – США» происходят изменения в военно-политической, экономической и других областях, которые оказывают серьёзное влияние не только на политику этих государств, но и на международно-политическую ситуацию в целом. Давление, которое оказывает объединённый Запад, и прежде всего США, на Россию и Китай подталкивает эти государства к расширению и углублению их «всеобъемлющего стратегического партнёрства», вплоть до трансформации (по мнению многих экспертов) в военно-политический союз. Окончательные выводы делать преждевременно, но можно полагать, что существенные подвижки в российско-китайском сотрудничестве вполне ожидаемы.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, всеобъемлющее партнёрство, военно-политический союз, система международно-политических отношений

Для цитирования: Клименко А.Ф. Факторы стратегического партнёрства России и Китая: сдерживание США или провокация? *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51(8): 92–96. DOI: 10.31857/S268667300016029-1

Factors of Strategic Partnership Between Russia and China: Deterrence of the U.S. or Provocation?

Anatoly F. Klimenko

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4925-6229>

e-mail: klimenko46@mail.ru

Abstract: In the relations of the states of the geopolitical "triangle Russia-China-USA", there are changes in the military-political, economic and other areas, which have a serious impact not only on the policy of these states, but also on the international-political situation as a whole. The pressure exerted by the united West, and above all by the United States, on Russia and China pushes these states to expand and deepen their "comprehensive strategic partnership", up to the transformation (according to many experts) into a military-political alliance. It is premature to draw conclusions, but we can assume that significant progress in Russian-Chinese cooperation is quite expected.

Keywords: Russia, China, the United States, comprehensive partnership, military-political alliance, system of international political relations

For citation: Klimenko A.F. Factors of Strategic Partnership Between Russia and China: U.S. Deterrence or Provocation? *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51 (8): 92-96. DOI: 10.31857/S268667300016029-1

Вопрос о возможном военно-политическом союзе между Россией и Китаем весьма противоречив. С одной стороны, он ставится под сомнение и в Российской Федерации, и в КНР, с другой – в обеих странах всё настойчивее звучат голоса о необходимости углубления стратегического партнёрства в сфере безопасности.

Международно-политическая обстановка складывается так, что и у России, и у Китая позиции по наращиванию взаимодействия в военно-политическом сотрудничестве сближаются. В 2014 г. между Россией и Соединёнными Штатами началась жёсткая политическая конфронтация. Китай в то время особой поддержки России не оказал, сохраняя нейтралитет. Однако после прихода к власти в США Д. Трампа, а теперь и Дж. Байдена, стали резко обостряться и американо-китайские отношения, после чего у КНР также возник интерес к военно-политическому союзу с Россией.

В этом плане примечателен следующий факт. Ранее, выступая на торжественном собрании, посвящённом 95-летию со дня основания Коммунистической партии Китая, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин сделал заявление, которое стало неприятной неожиданностью для Соединённых Штатов и их союзников по НАТО: «Мы можем наблюдать не самые дружественные действия со стороны США в отношении как России, так и Китая, – говорил Си Цзиньпин, – поэтому я считаю, что Россия и Китай могут создать альянс, перед которым НАТО будет бессильна, и это положит конец империалистическим стремлениям Запада».

Учитывая обостряющуюся военно-политическую обстановку и потребность со стороны России и Китая совместными усилиями гарантировать обоюдную безопасность, руководители РФ и КНР поручили своим министрам обороны разработать соответствующий документ. Представленный С. Шойгу и его китайским коллегой Чан Ваньцзоанем план российско-китайского военного сотрудничества на 2017–2020 гг. охватил десятки направлений: от координации военных доктрин и совместных учений до обмена взаимопользуемой информацией и военно-техническим опытом.

В очередном трехлетнем плане военного сотрудничества Россия и Китай, не ограничиваясь лишь совместными учениями, заявили о разработке перспективных вооружений для совместного реагирования на военные угрозы как глобального, так и регионального масштаба. Это подтвердил президент В.В. Путин на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в 2019 г.: «...большой тайны не открою... Мы помогаем нашим китайским партнёрам создать систему предупреждения о ракетном нападении. Это серьёзная вещь, которая кардинальным об-

разом повысит обороноспособность КНР». «...Сейчас такую систему имеют только США и Россия», – подчеркнул российский президент.

Таким образом, Россия и Китай дополнили регулярно проводимые в последние годы учения на двусторонней основе и в формате ШОС новыми направлениями военно-технического сотрудничества в сфере критических технологий, а также работой по координации действий геополитического значения по ключевым международным вопросам.

Полученный опыт сотрудничества нашёл отражение в Совместном заявлении о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия от 5 июня 2019 г. Этим документом в качестве основных целей российско-китайского сотрудничества определены «обеспечение национальной безопасности двух стран и создание благоприятных условий для их устойчивого развития, эффективное противостояние как различного рода традиционным, так и новым вызовам и угрозам в сфере безопасности». А в октябре 2020 г. на очередном заседании клуба «Валдай» на вопрос профессора Университета Цинхуа Янь Сюэтуна, «можно ли вообразить военный союз Китая и России?», В.В. Путин ответил: «Мы в этом не нуждаемся, но, в теории, вполне можно себе представить что-то подобное». А затем он добавил: «Время покажет... мы не исключаем этого».

Ответ В.В. Путина стал первым подобным заявлением о том, что Россия не исключает возможности заключить военный альянс с Китаем. В прошлом руководство России не раз говорило, что подобный союз с КНР в повестке дня не стоит. Руководители Китая заявляли о том же.

Конечно, на пути к военному союзу России и Китая находится немало факторов, препятствующих его созданию. Не последнюю роль в этом играет внешнеполитическая идеология. Россия заинтересована в том, чтобы сохранить в международной системе «уникальную роль, которую она играла на протяжении веков в качестве противовеса в международных отношениях», как это говорится в её Концепции внешней политики 2016 г. Согласно этой Концепции, Россия стремится к тому, чтобы быть державой, которая не только противодействует появившимся мировым гегемонам, но без участия которой не может быть решена ни одна глобальная проблема. А в военном союзе с Китаем Россия будет вынуждена поступиться своими национальными интересами и, с большой долей вероятности, станет неравным партнёром, что противоречит упомянутой Концепции.

Сохраняются проблемы и со взаимным доверием, имеются разночтения по вопросу о задачах и направленности дальнейшего развития ШОС, нарастает подспудная конкуренция России и Китая в Центрально-Азиатском регионе, не до конца изжиты исторические обиды, не всегда находится общий язык при обсуждении современной геополитической проблематики. Так, Пекин и Москва не в полной мере поддерживают действия друг друга, направленные на решение в свою пользу территориальных споров с третьими странами. Каждая из

стран обеспокоена перспективой оказаться втянутой в конфликт с участием своего партнёра. И даже хорошие личные отношения руководителей России и Китая не гарантируют преодоление названных и других противоречий.

Но, тем не менее, сегодня КНР становится одним из важнейших стратегических партнёров РФ. Сотрудничество между нашими странами осуществляется во всех сферах. На международной арене Россия и Китай всё чаще занимают консолидированную позицию по многим важным вопросам. Урегулирование пограничных проблем устранило самое большое препятствие на пути углубления стратегического взаимодействия. Перед нашими странами стоит важнейшая задача по наращиванию экономического сотрудничества на «Большом Евразийском пространстве», практически совпадающем с пространством ШОС. Для этого надо создавать в пределах этого пространства и вокруг него благоприятную международную обстановку, обеспечить безопасность и стабильность.

Нельзя игнорировать и тот факт, что США объявили оба наши государства своими стратегическими конкурентами, фактически – потенциальными противниками, со всеми вытекающими последствиями. Попытки западных «партнёров-соперников» наращивать давление с позиции силы на РФ и КНР объективно подталкивают наши государства к военно-политическому союзу.

В последнее время на совместных конференциях Института Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН) и Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) при обсуждении сотрудничества в сфере безопасности мы всё чаще оперируем понятием «отложенный военный союз». Имеется в виду, что сотрудничество России и Китая в военно-стратегической и военно-технической сферах уже достигло уровня военно-политического союза, но без официального юридического оформления. Очевидно, что пока международно-политическая обстановка этого и не требовала. Да и демонстрация Россией и Китаем способности и готовности повысить уровень своих отношений до союзнических может оказать и оказывает «отрезвляющее» действие, как свидетельствует анализ западных СМИ, на «стратегических соперников» России и Китая. Таким образом, фактор «отложенного военного союза» является убедительной демонстрацией готовности и способности немедленно перейти к союзническим отношениям, удерживая наших «заклятых партнёров» от реализации агрессивных намерений в отношении России и Китая, а также их партнёров по ШОС. Это, в свою очередь, способствует укреплению безопасности и стабильности на всём «Большом Евразийском пространстве».

С февраля 2022 г. существующий Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между нашими странами продлят ещё на пять лет. В интервью китайским средствам массовой информации в первые дни 2021 г. своё видение отношений Пекина, Москвы и Вашингтона изложил министр иностранных дел Китая Ван И: «2021 год будет особенно важным для китайско-российских отношений, поскольку две страны вступают в новую фазу развития, в которой нет препятствий, запретных зон и потолка – всего, что мешает еще большему сбли-

жению... наши страны отметят 20-ю годовщину подписания Договора и подтвердят нашу взаимную приверженность вечному миру на взаимовыгодной основе. Считая друг друга стратегической опорой, важным дипломатическим партнёром и шансом для развития, наши страны будут работать над расширением и углублением сотрудничества с ещё лучших исходных позиций».

Нельзя не заметить, что провоцирующим, подталкивающим к углублению всеобъемлющего стратегического партнёрства фактором для Китая является понижение градуса противостояния с Россией со стороны США после прошедшей 16 июня 2021 г. в Женеве встречи российского и американского президентов. Логично предположить, что РФ и КНР пойдут на дальнейшее развитие статей существующего Договора от 2001 г.; в первую очередь, тех из них, которые предполагается применить в случае возникновения угроз безопасности или территориальной целостности какой-либо из договаривающихся сторон, как об этом говорится в статье 9 Договора. В этом плане нельзя не согласиться с высказанным на онлайн-конференции дискуссионного клуба «Валдай» и Центра по китайско-российскому стратегическому взаимодействию предложением руководителя Института Дальнего Востока А.А. Маслова – «подумать о формировании Россией и Китаем новой системы глобальной безопасности в жизненно важных сферах: военной, информационной, энергетической и банковской. Возможно, для этого стоило бы создать совместный аналитический центр, где можно было бы формировать наиболее перспективные тактические и стратегические направления сотрудничества».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КЛИМЕНКО Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС, Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН).
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Anatoly F. KLIMENKO, Candidate of Military Sciences, Leading Researcher, Center for the Study of North-East Asia and the SCO, the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.
32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Материал поступил в редакцию / Received 11.06.2021.

Материал поступил после рецензирования / Revised 17.06.2021.

Материал принят к публикации / Accepted 5.07.2021.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S268667300016030-3

Китайско-американские отношения: эволюция с 2008 по 2021 г.

(Обновлённые данные исследования Университета Цинхуа по состоянию
китайско-американских отношений в количественном измерении)

А.В. Волошина

Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7508-8735> e-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Резюме: За последние 10–15 лет отношения КНР и США претерпели серьёзную трансформацию. На смену провозглашаемому прежде движению к «конструктивному стратегическому партнёрству» пришло «стратегическое соперничество», которое сегодня распространяется почти на все аспекты взаимодействия двух стран. Выделяя ключевые факторы, которые направляли развитие китайско-американских отношений в последнее десятилетие, и используя исследования китайских коллег из Университета Цинхуа по методике количественной оценки отношений Китая и США, автор анализирует наблюдаемый сегодня рост напряжённости между Вашингтоном и Пекином и предлагает своё видение перспектив развития их связей.

Ключевые слова: китайско-американские отношения, количественная оценка, администрация Б. Обамы, Д. Трамп, торговая война

Для цитирования: Волошина А.В. Китайско-американские отношения: эволюция с 2008 по 2021 г. (Обновлённые данные исследования Университета Цинхуа по состоянию китайско-американских отношений в количественном измерении). *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021; 51 (8): 97–107.

DOI: 10.31857/S268667300016030-3

Sino-U.S. Relations: Evolution from 2008 to 2021

(The Updated Research Data on the Quantitative Assessment
of China-U.S. Relations, Tsinghua University)

Anna V. Voloshina

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7508-8735> e-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Abstract: Over the past 10-15 years, the PRC-U.S. relations have gone through a major transformation. The previously proclaimed movement towards a “constructive strategic partnership” has been replaced by a “strategic competition” that now extends across almost all aspects of the two countries’ interaction. The author identifies the key factors that have been driving the development of Sino-American relations in the last decade, and uses the data on the quantitative

assessment of China-U.S. relations from the research of Chinese colleagues from Tsinghua University to analyze the ongoing tensions between Washington and Beijing and offer her vision of the prospects for the development of their relations.

Keywords: China-U.S. relations, quantitative assessment, Obama administration, D. Trump, trade war

For citation: Voloshina A.V. Sino-U.S. Relations: Evolution from 2008 to 2021 (The Updated Research Data on the Quantitative Assessment of China-U.S. Relations, Tsinghua University). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51 (8): 97-107.

DOI: 10.31857/S268667300016030-3

В этом году исполнилось пятьдесят лет со времени тайного визита Генри Киссинджера в Китай – поездки (состоявшейся 9–11 июля 1971 г.), которая привела к историческому прорыву в китайско-американских связях, подготовив почву для визита президента Ричарда Никсона в КНР в 1972 г. и сделав возможным установление официальных дипломатических отношений между Вашингтоном и Пекином в 1979 г. Однако сегодня американские и китайские исследователи солидарны: спустя 50 лет отношения США и КНР оказались в низшей точке своего развития. Эксперты говорят о наступлении «новой эры всеобъемлющего стратегического соперничества» двух стран, подчёркивая высокую вероятность того, что это соперничество будет интенсивным и долгосрочным.

Для исследователя ценным инструментом анализа китайско-американских отношений может выступить методика количественной оценки отношений Китая с крупными державами, разработанная на базе Института современных международных отношений Университета Цинхуа. Исследование китайских учёных представлено в виде базы данных, содержащей ежемесячные числовые оценки состояния двусторонних отношений КНР начиная с 1950 года.

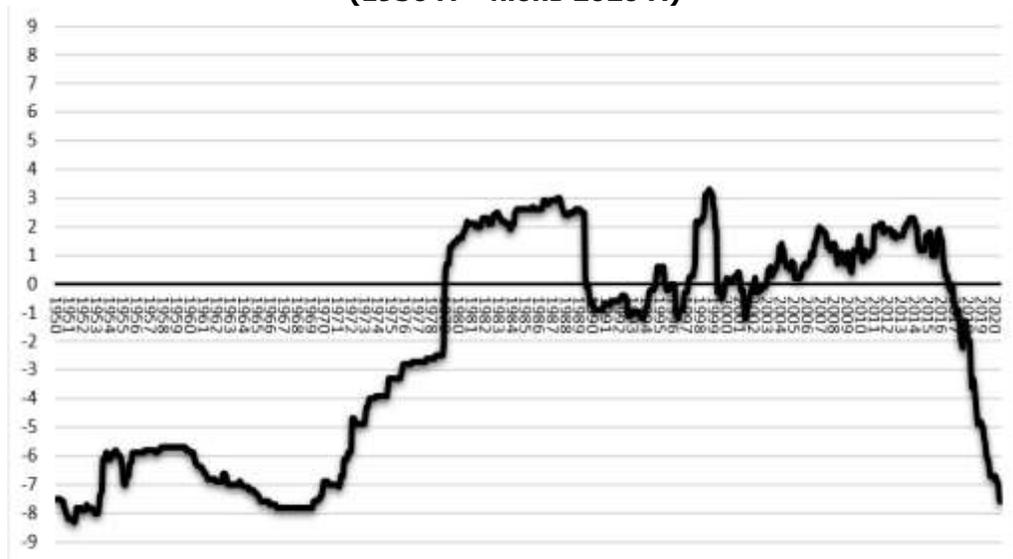
В соответствии с методикой, с помощью ежемесячного агрегирования данных о произошедших между странами событиях и их числовой кодировки отношениям присваивается балл в диапазоне от -9 до 9. Минимальная цена деления составляет 0,1. Шкала подразделяет отношения на три категории: «враждебные», «не враги, но и не друзья», «дружественные отношения». В этих категориях выделены шесть видов отношений. Отношения, получившие оценку в диапазоне от -9 до -6 описываются как «конфронтационные» (по определению исследователей, такие отношения враждебны, страны открыто называют друг друга своими стратегическими противниками; вероятно ведение полномасштабной войны); от -6 до -3 – как «напряжённые» (отношения носят враждебный характер; прямого крупномасштабного военного конфликта нет, однако с ростом напряжённости возможны мелкомасштабные военные конфликты и приграничные трения); от -3 до 0 – как «дисгармоничные» (элемента враждебности в отношениях больше, чем дружественности; недружественная политика проводится по многим направлениям); от 0 до 3 – как «обычные» (дружественности в отношениях больше, чем враждебности; политика сотрудничества проводится во многих областях); от 3 до

6 – как «хорошие» (стороны находятся в добрых отношениях и удовлетворены ими, но по некоторым вопросам имеют явные стратегические расхождения); от 6 до 9 – как «дружественные» (отношения дружеские, стратегические позиции по международным вопросам в основном совпадают, расхождения сравнительно малы). Каждый из этих видов имеет три подуровня (низкий, средний и высокий) в один балл, что демонстрирует степень выраженности того или иного качества отношений.

Рассмотрение китайско-американских связей через призму этого подхода позволяет сделать несколько заключений относительно их характера. Так, анализ оценок показывает, что большую роль в формировании этих отношений играет элемент враждебности. Так, 60% времени с 1950 г. по июнь 2020 г. отношения пребывали в области отрицательных значений, из них 25% – в виде «конфронтационных отношений», 15% – в «напряжённых», 20% – в «дисгармоничных». 40% времени отношения находились в области положительных значений: 39% – в виде «обычных отношений» и 1% – «хороших». Никогда за всю историю коммунистического Китая отношения с США не переходили в область «дружественных».

Наличие конфронтационного потенциала обусловило нестабильность двусторонних связей и их подверженность кризисам, о чём свидетельствует график, построенный на основе базы данных (см. график 1).

График 1. Отношения КНР – США в количественной оценке (1950 г. – июнь 2020 г.)

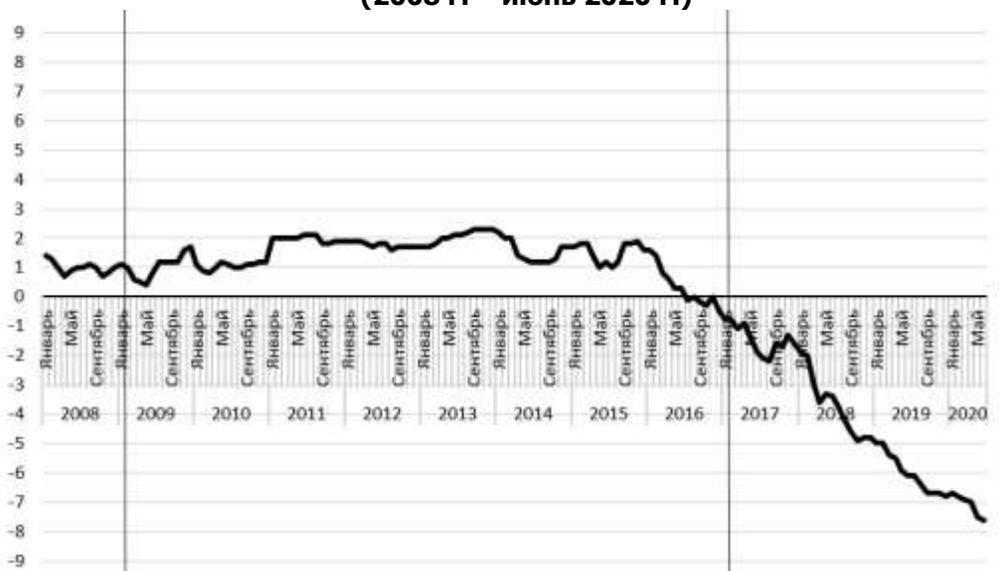
Примечание: по данным Института современных международных отношений Университета Цинхуа.

Динамика кривой демонстрирует, что сложными периодами в отношениях двух стран стали годы корейской и вьетнамской войн: отношения устойчиво находились в виде «конфронтационных» с января 1950 г. по сентябрь 1953 г. и с мая 1961 г. по сентябрь 1971 г., достигнув исторического минимума в мае 1951 г. Однако визит в Китай Г. Киссинджера в 1971 г. и последующий визит Р. Никсона в 1972 г. коренным образом преломляют негативную динамику и позволяют отношениям уже в 1975 г. перейти из «напряжённых» в «дисгармоничные». Ради-кальным образом на их характере сказывается подписание Совместного ком-мюнике об установлении дипломатических отношений 1978 г. Это событие уве-личивает оценку отношений более чем на два балла, что позволяет им впервые в истории перейти в область положительных значений и стать «обычными» с ян-варя 1979 г. Наличие общей цели сдерживания СССР обусловило политическое, военное-техническое и разведывательное сотрудничество США и КНР, также страны активно развивали экономические связи. Благодаря этому летом 1987 г. отношения перешли в подкатегорию «хороших» (3 балла с мая по август 1987 г.). Кривая фиксирует и первый серьёзный кризис в отношениях двух стран после 1979 г., который происходит в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. – оценка падает более чем на два балла, уводя отношения в область отри-цательных значений.

Профессор Университета Цинхуа Янь Сюэтунь считает, что с 1989 г. китайско-американские отношения можно характеризовать как мнимую дружбу, за кото-рой скрывались глубоко укоренившиеся разногласия в интересах двух держав и указывает на проистекающую из этого фундаментальную нестабильность в отно-шениях. Действительно, за первым эпизодом напряжённости последовала целая череда кризисов между странами, включающая Третий кризис в Тайваньском проливе 1995–1996 гг. и отправку двух ударных авианосных групп США в зону пролива, бомбардировку китайского посольства в Белграде силами НАТО в мае 1999 г., гибель китайского лётчика в результате столкновения с американским во-енным самолётом-разведчиком EP-3 в апреле 2001 г. Однако кризисы 1990-х и начала 2000-х годов не оказывали необратимого влияния на отношения и не пе-реводили их в состояние «напряжённости» или даже «дисгармонии» высокого уровня: отношения опускались лишь на уровень «дисгармоничных» низкого или среднего подуровня, и каждый раз им удавалось восстанавливаться, возвращаясь в зону положительных значений (а в 1998 г. в результате визита президента США У. Клинтона в Китай – даже выйти на уровень «хороших», достигнув историче-ского максимума в 3.3 балла в сентябре того же года).

Тем больший интерес представляет период с 2008 по 2020 г. в оценках китай-ских исследователей (график 2).

График 2. Отношения КНР – США в количественной оценке (2008 г. – июнь 2020 г.)

Примечание: по данным Института современных международных отношений Университета Цинхуа.

Кривая проходит через период нестабильности в области «обычных отношений» и к концу второго президентского срока Б. Обамы начинает падение: уже в июле 2016 г. оценки переходят в область отрицательных значений, «дисгармонию низкого уровня». С приходом администрации Д. Трампа кривая продолжила стремительно опускаться, оставаясь только в области отрицательных значений. Впервые после дипломатического признания Соединёнными Штатами Китая в 1979 г. кривая выходит в зону «напряжённых отношений» в марте 2018 г., а в июне 2019 г. опускается в область «конфронтационных отношений», что сигнализирует об ухудшении связей, не наблюдавшемся со времен корейской и вьетнамской войн.

Гипотеза автора в чтении этого графика состоит в том, что на протяжении пяти десятилетий в отношениях двух стран присутствовали силы «стабилизаторы», или «буферь», неизменно выводившие их из кризисных ситуаций и сглаживавшие остроту существовавших противоречий. Однако со временем их действие ослабевало или совершенно сходило на нет, что стало очевидно после 2008 г. Этим объясняется период нестабильности и беспрецедентные за всю современную историю китайско-американских отношений отрицательные оценки. В рамках неореалистического подхода с помощью трёхуровневого анализа (система, государство и индивид) выделим тенденции, оказавшие значительное влияние на эволюцию отношений США и КНР в последние годы.

1. Уровень международной системы. В течение нескольких десятилетий после визита Р. Никсона в Пекин в 1972 г. стабильность отношений США и КНР поддерживалась, по мнению профессора Центра американских исследований Фуданьского университета Вэй Цзунью, негласным «стратегическим компромиссом» или, по выражению бывшего

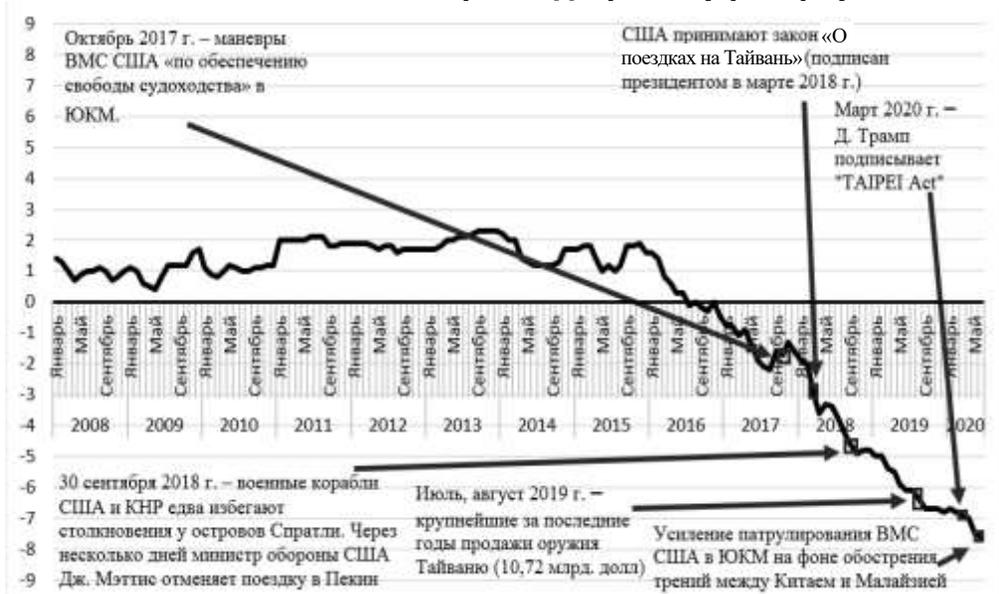
заместителя госсекретаря США Дж. Стейнберга, «общим пониманием условий этих отношений»: Китай не пытался бросить вызов подкреплённой системой американских союзов и партнёрств гегемонии Соединённых Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и более широкому международному экономическому и политическому порядку, который способствовал экономическому развитию самой Поднебесной. Соединённые Штаты, в свою очередь, приветствовали подъём Китая и не стремились свергнуть контроль Коммунистической партии в стране. До тех пор, пока между двумя странами существовало большое военное и экономическое неравенство и присутствовал общий стратегический противник, этот компромисс работал и отношения оставались достаточно стабильными. Ситуация стала меняться после исчезновения общей угрозы – СССР и по мере очевидного роста мощи Китая. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. выступил катализатором подвижек в балансе сил международной системы. Появление государства – претендента на региональное лидерство, не включённого в систему союзов и партнёрств США, привело к увеличению трений между этими странами в Восточной Азии (графики 3, 4). Растущие возможности КНР по отстаиванию своих коренных интересов и изменению окружающего стратегического ландшафта ярко проявились в эти годы и встретили ответ Вашингтона в виде усилий по укреплению своей системы альянсов и партнёрств, оформленных в виде «поворота к Азии» Б. Обамы, Индо-Тихоокеанской стратегии Д. Трампа, включающей активизацию взаимодействия США, Японии, Индии, Австралии в рамках «четвёрки» (QUAD), и в ряде инициатив по усилению американского военного присутствия в регионе, в частности Тихоокеанской инициативе сдерживания.

График 3. Трения КНР и США в Восточной Азии в годы первой – второй администраций Б. Обамы (примеры)

Примечание: составлено автором.

График 4. Трения КНР и США в Восточной Азии в годы администрации Д. Трампа (примеры)

Примечание: составлено автором.

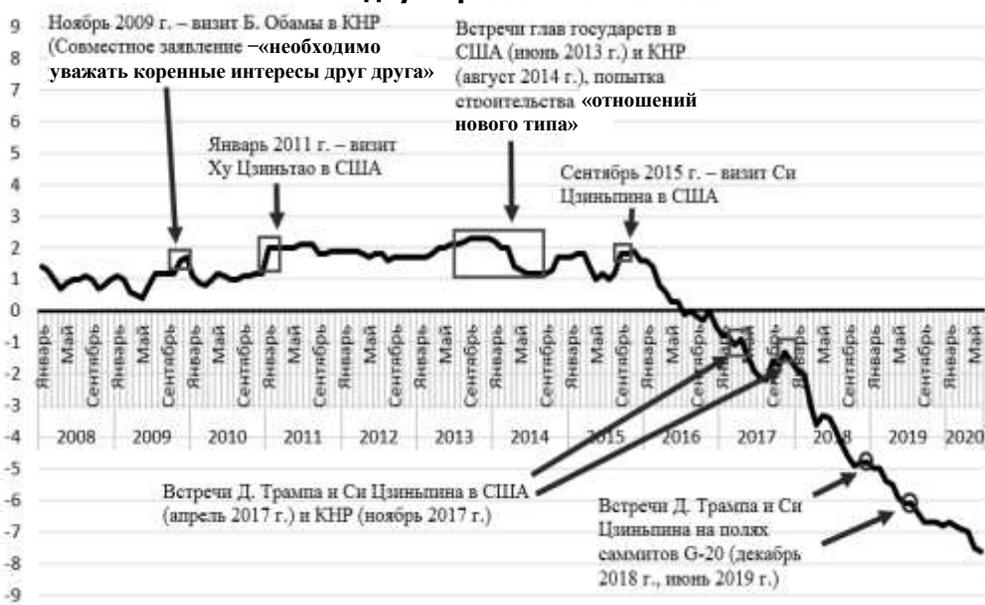
За прошедшие годы стороны предприняли несколько попыток сформулировать новый негласный стратегический компромисс, который бы позволил стабилизировать отношения. В первый год нахождения у власти администрация президента Б. Обамы выдвинула идею «стратегического успокоения» в американо-китайских отношениях, обдумывалось создание «большой двойки» США – КНР. В 2013–2014 гг. стороны пытались реализовать выдвинутую китайской стороной идею о строительстве «отношений нового типа». И ещё одна попытка «перезагрузки» отношений была предпринята в 2017 г. Д. Трампом и Си Цзиньпином на встрече во Флориде. Однако все эти усилия окончились неудачей, и отношения продолжили свой путь по нисходящей (график 5).

2. Уровень государства. Одной из самых значимых тенденций развития американо-китайских отношений последнего десятилетия стало превращение экономики из сферы, служившей буфером для смягчения противоречий между двумя странами, в сферу, усиливающую конкурентную динамику между ними.

Поступательное развитие китайской экономики закономерным образом привело к наблюдаемому в последние годы снижению степени комплементарности китайского и американского экспорта. Это касается достаточно крупных сегментов экономики, которые производят товары и услуги с более высокой добавленной стоимостью: потребительская и промышленная электроника, автомобили (особенно электромобили), а также такие сферы, как электронная коммерция и

электронные платежи. Снижение взаимодополняемости двух экономик неизбежно ведёт к росту конкурентных настроений.

График 5. Влияние встреч на высшем уровне на двусторонние отношения

Примечание: составлено автором

Также у проблем США и Китая в экономической сфере появилось политическое измерение – возник феномен их «секьюритизации». Понимание того, что отныне «экономическая безопасность – это национальная безопасность», нашло отражение в Стратегии национальной безопасности США 2017 г. и во Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности администрации Дж. Байдена. Америка видит прямую угрозу потери своего мирового технологического лидерства и военного превосходства в курсе Китая на превращение инноваций в главный двигатель роста экономики (в рамках программ «Сделано в Китае 2025», «Китайские стандарты 2035» и ряда других инициатив).

В условиях обостряющегося соперничества (график 6) и беспокойства по поводу глубокой интеграции своих производственных цепочек две страны взяли курс на «разрыв взаимозависимости экономик» (“*decoupling*”).

Бывший директор по делам Азии в Совете национальной безопасности Эван Медейрос считает, что большую роль в процессе переосмысления значения экономической взаимозависимости США и Китая в последние годы сыграло американское бизнес-сообщество, начавшее выступать за усиление инвестиционного и экспортного контроля в отношении КНР из-за снижения прибыльности части компаний и разочарования в ведении бизнеса в Китае.

Всё большее число учёных также видят в отношениях двух стран признаки возрождающейся конкуренции политических идеологий. Обращает на себя внимание активное противопоставление американских и китайских идей о государственном управлении, принятие на вооружение риторики времён «холодной войны» высшими должностными лицами администрации Д. Трампа, а также акцентирование внимания администрациями Д. Трампа и Дж. Байдена на проблемах соблюдения прав человека в Китае, включая ситуации в Гонконге и Синьцзян-Уйгурском автономном районе (график 7).

График 6. Экономическое противостояние США и КНР

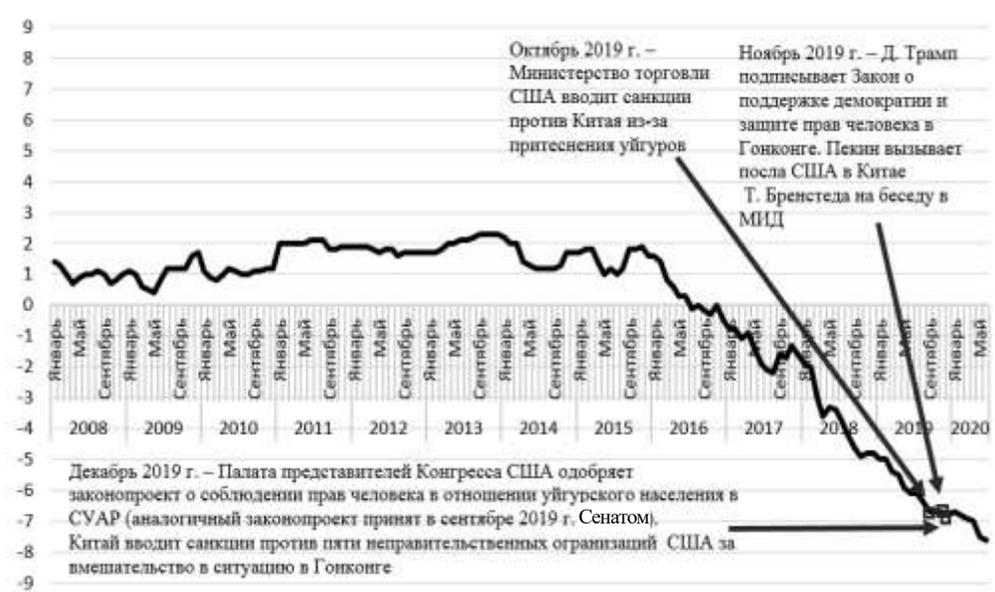

Примечание: составлено автором.

3. Уровень индивида. Исторически сложилось так, что лидеры США и КНР всегда играли значительную роль в определении динамики этих отношений. Именно они не раз выступали своеобразными стабилизаторами и выводили отношения из кризиса. Однако в последнее десятилетие временные горизонты как американских, так и китайских политиков изменились: ни Вашингтон, ни Пекин сейчас не верят, что время на их стороне, чтобы приспособиться к угрозам, исходящим друг от друга, а выгоды, которые можно получить от двустороннего сотрудничества, потеряли былую ценность. Это взаимное восприятие заставило руководство обеих стран перейти от хеджирования к проактивным конкурентным стратегиям.

Так, за прошедшие 10–15 лет наблюдался отход китайских лидеров от «эпохи Дэн Сяопина во внешней политике страны» к гораздо более активному, инициативному и готовому отстаивать коренные интересы страны внешнеполитическому курсу пятого поколения руководителей КНР.

График 7. Обострение разногласий США и КНР в сфере идеологии и прав человека

Примечание: составлено автором.

В свою очередь, стратегия в отношении КНР времён «поворота к Азии» президента Б. Обамы (совмещение «вовлечения» Китая и развитие с ним сотрудничества как по региональным, так и по глобальным вопросам с «формированием окружающей среды» для него, а именно укреплением альянсов и партнёрств США и усилением военного присутствия в Азии) была заменена парадигмой «стратегического соперничества» Д. Трампа. Последний, видя в Китае непосредственный вызов для Америки, задействовал различные рычаги давления на Пекин, начиная от нападок на его «нечестную торговую и технологическую политику» и заканчивая укреплением взаимодействия с Тайванем. Мнение о том, что именно Китай является единственным серьёзным конкурентом США, потенциально способным «объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы на долгосрочную перспективу бросить вызов стабильной и открытой международной системе», разделяет и команда президента Дж. Байдена. Первые шаги новой американской администрации подтверждают нацеленность США на активное соперничество с Китаем, причём реализовать этот курс планируется в виде системной и долгосрочной стратегии с акцентом на обеспечении опережающего развития Соединённых Штатов.

Подводя итоги, отметим, что исследование китайских коллег вполне отражает происходящие в отношениях двух стран процессы. Текущее ухудшение отношений США и Китая носит более глубокий и системный характер, чем все случавшиеся до этого эпизоды двусторонней напряжённости. Серьёзные структурные силы, коренящиеся в изменяющейся международной системе, особенностях развития экономических и политических систем США и КНР формируют устойчивые конкурентные тенденции во взаимодействии двух держав, и, представляется, они продолжают оказывать влияние на китайско-американские отношения в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОЛОШИНА Анна Валерьевна, Anna V. VOLOSHINA, Junior Researcher, the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.
младший научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН).
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Материал поступил в редакцию / Received 8.06.2021.

Материал поступил после рецензирования / Revised 13.06.2021.

Материал принят к публикации / Accepted 30.06.2021.

JEL: Q 17, Q18

УДК 631.1

DOI: 10.31857/S268667300016031-4

Основные каналы прямого сбыта сельскохозяйственной продукции в США

А.А. Коротких

Институт США и Канады РАН (ИСКРАН),

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8049-3065> e-mail: allakort@post.com

Резюме: Фермеры, использующие каналы прямого сбыта своей продукции, составляют небольшую часть сельскохозяйственных производителей в США, всего 7,5% общей численности, стоимость прямых продаж немногим превышает 2% стоимости реализованной продукции аграрного сектора. Но данный сегмент рынка быстро растёт под давлением спроса на продукты питания местного производства, в первую очередь, органические.

Каналы прямого сбыта, такие как фермерские рынки, придорожные лотки, фермы, поддерживаемые местным сообществом, рестораны, использующие продукты, выращенные местными фермерами, становятся всё более популярными среди населения. В 2007–2015 гг. количество хозяйств, практикующих прямой сбыт, увеличилось на 22%, до 167 тыс., а стоимость прямых продаж выросла более чем в 7 раз, до 8,7 млрд долл. Большая часть продукции, продаваемой напрямую потребителю, приходится на фрукты и овощи.

Государство оказывает всестороннюю помощь фермерам, совершенствуя условия и каналы сбыта, создавая новые рынки в стране и за рубежом, содействует экспорту из США сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Основным инструментом государственной поддержки являются многочисленные программы, реализуемые Министерством сельского хозяйства США, по которым фермерам предоставляют гранты на решение проблем сбыта выращенной ими продукции, финансируют обучение, проведение научных исследований, оказывают техническую помощь в строительстве и ремонте объектов инфраструктуры. Не менее важную роль в повышении эффективности сбытовых операций играет информационное обеспечение МСХ США.

Ключевые слова: каналы прямого сбыта, фермерский рынок, придорожная торговля, агротуризм, аграрный сектор, государственная поддержка

Для цитирования: Коротких А.А. Основные каналы прямого сбыта сельскохозяйственной продукции в США. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021, 51(8):108–126. DOI: 10.31857/S268667300016031-4

Major Direct Marketing Channels for U.S. Agricultural Products

Alla A. Korotkikh

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN),

2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8049-3065>, e-mail: allakort@post.com

Abstract: Direct marketing of agricultural food products is a method for small and medium-size producers to increase their profits. Farmers who use direct marketing channels represent a small proportion of agricultural producers in the United States, only 7.5% of the total,

the value of direct sales slightly exceeds 2% of the value of agricultural products sold. But this market segment and its importance are growing rapidly under the pressure of demand for locally produced fresh and healthful agricultural products, primarily organic.

Direct marketing channels such as farmers markets, roadside stalls, community-supported farms, restaurants using locally grown produce are increasingly popular with the community. For the period from 2007 to 2015 the number of farms involved in direct sales increased by 22%, to 167 thousand, while the value of direct marketing sales increased more than 7 times, to 8.7 billion dollars. Most of the products sold directly to consumers are fruits and vegetables.

The government provides comprehensive assistance to farmers, improving conditions and marketing channels, creating new markets in the country and abroad, and promoting the export of agricultural products and food from the United States. The main instrument of government support is the numerous programs implemented by the US Department of Agriculture, within which grants are provided to farmers to solve the problems of marketing, finance training, research, technical assistance in the construction and repair of infrastructure facilities. Information support of the USDA plays an equally important role in improving the efficiency of marketing.

Keywords: direct marketing channels, farmers market, roadside stands, agritourism, agricultural sector, government support

For citation: Korotkikh A.A. Major Direct Marketing Channels for U.S. Agricultural Products. USA & Canada: economics, politics, culture. 2021; 51(8):108-126. DOI: 10.31857/S268667300016031-4

ВВЕДЕНИЕ

Аграрный сектор США – один из крупнейших в мире производителей сельскохозяйственной продукции. Ассортимент и масштабы производства позволяют обеспечить потребности населения страны в продовольствии и одновременно вывозить его на внешние рынки в таких объёмах, которые дают основание США занимать место одного из ведущих мировых экспортёром продуктов питания, напитков и сельскохозяйственного сырья.

Продовольственный комплекс играет важную роль в экономике страны. В 2019 г. стоимость продукции сельского хозяйства, пищевой промышленности и смежных отраслей по производству и распределению продовольствия выросла до 1,1 трлн долл., что составило 5,2% ВВП страны. Из этой суммы 369,7 млрд долл., или около 1,7% ВВП, пришлось на продукцию сельского хозяйства [1].

В отраслях продовольственного комплекса занято почти 11% работоспособного населения США. Это 22,2 млн рабочих мест с полной и неполной занятостью. При этом около 2,6 млн человек работает в аграрном секторе, 13,0 млн – в секторе общественного питания, 3,2 млн – в розничной торговле продовольственными товарами, 3,4 млн человек – в пищевой промышленности и других смежных отраслях [3].

Последние три десятилетия в системе производства и сбыта аграрной продукции происходят важные организационно-хозяйственные изменения. В условиях ограниченных земельных и водных ресурсов сельское хозяйство развивается по пути интенсификации производства, американские фермеры внедряют инновационные технологии, которые всё глубже проникают в отрасль, способствуя повышению

эффективности производства, снижению производственных расходов на единицу продукции. В то же время рационализация размещения производства в соответствии с принципами региональной специализации ведёт к тому, что зоны производства всё больше удаляются от центров потребления. В результате, увеличиваются расстояния транспортировки выращенной продукции, растёт потребность в её хранении в местах производства, что означает повышение накладных расходов.

В США сельское хозяйство по-прежнему остаётся семейным бизнесом. По данным Министерства сельского хозяйства (МСХ), в 2019 г. в стране насчитывалось более 2,2 млн фермерских хозяйств, 98% которых – семейные. При этом почти 90% семейных ферм – мелкие, то есть со стоимостью годовых продаж выращенной продукции менее 350 тыс. долл. (более того, у подавляющего большинства мелких ферм годовой доход от реализации продукции не превышает 150 тыс. долл.). Лишь треть мелких семейных ферм занимается коммерческим сельским хозяйством, которое является основным источником дохода фермера. В результате доля мелких ферм в производстве сельскохозяйственной продукции составляет 22%, а используют они 49% сельскохозяйственных земель страны.

Крупные фермы (со стоимостью продаж более 1 млн долл.) производят 44% сельскохозяйственной продукции, а их доля в общей численности фермерских хозяйств составляет всего 2,7% [3].

Однако правительство США уделяет повышенное внимание *мелким фермам*, рассматривая их как важную часть социально-экономической инфраструктуры местных сельских сообществ и фактор социальной стабильности в стране. МСХ оказывает всестороннюю поддержку фермерству, реализуя многочисленные программы финансирования, обучения, технической поддержки, предлагает помощь в решении проблем реализации произведённой продукции, повышения её эффективности, особенно в нынешних условиях, когда системы сбыта диверсифицируются и становятся всё более сложными.

Несмотря на невысокую доходность, а иногда убыточность мелких ферм, многочисленные риски, с которыми сталкиваются фермеры при реализации выращенной продукции, государство стремится сохранить фермерство не только в виде производителя сельскохозяйственной продукции, но и в качестве образа жизни определённой части общества. Так, объём прямой финансовой помощи государства по программам стимулирования сельскохозяйственного производства и поддержки доходов фермеров в 2019 г. составил 22,4 млрд долл., а в 2020 г. сумма была увеличена более чем в 2 раза, до 46,5 млрд долл. [2]. При этом на развитие местных и региональных сбытовых каналов, которыми пользуются преимущественно мелкие фермеры, согласно Сельскохозяйственному закону 2018 года, обязательное финансирование на период действия закона запланировано в сумме 648 млн долл., что в реальном выражении более чем в 3 раза превысило сумму, предусмотренную Сельскохозяйственным законом 2002 года [7].

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА СБЫТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

В Соединённых Штатах сформировалась разветвлённая и устойчивая система сбыта, располагающая высокоразвитой инфраструктурой, широко применяющая компьютерные технологии. В то же время она чрезвычайно динамична, поскольку состав её участников постоянно меняется за счёт слияний или поглощений, внедрения технических новшеств, что способствуют появлению новых сбытовых каналов.

Реализация сельскохозяйственной продукции для любого товаропроизводителя остаётся сложной задачей, несущей многочисленные организационные и финансовые риски. Выбор канала сбыта зависит от многих факторов: размера хозяйства, вида и объёма производимой продукции, времени сбора урожая, наличия рабочей силы, удалённости хозяйства от ближайших логистических центров и т.д.

Крупные фермеры реализуют сельскохозяйственную продукцию, как правило, через посредников, нанимая специалиста по маркетингу. Выбор каналов сбыта огромен: от опгово-распределительных центров, пищевых компаний, занимающихся переработкой сельскохозяйственного сырья в продукты питания, до местных аукционных рынков, оптовых продовольственных рынков, бирж сельскохозяйственных товаров, кооперативной торговли. При этом объединяющим стержнем, связывающим все стадии производства, хранения, переработки и реализации аграрной продукции, являются договорные отношения.

Развитие интеграционных межотраслевых связей началось по инициативе и под эгидой промышленных фирм. Именно пищевые компании стали тем звеном, которое больше всех оказалось заинтересованным и способным установить надёжные контакты с поставщиками сельскохозяйственного сырья и действующим, зачастую, в масштабах всей страны. Главный стимул этой инициативы – высокая прибыльность и устойчивость такой организации сбыта.

Интеграционная форма отношений стала рычагом целенаправленного контроля и регулирования рынка, активного влияния промышленного капитала на качество поставляемого сырья, ритмичность поставок, поскольку условия контракта определяют объёмы поставок, сроки, качество продукции, цены и т.п.

Наиболее тесное взаимодействие всех звеньев производства, переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции обеспечивается при создании *вертикально интегрированного агропромышленного объединения*, в рамках которого сельскохозяйственную продукцию производят, перерабатывают и реализуют. Такая форма организации производства осуществляется только крупными торгово-промышленными компаниями в случаях, когда решающее значение в их экономической деятельности имеет качество и своевременные поставки сырья, которое они полностью или частично выращивают на собственных полях.

Однако в данной работе внимание сосредоточено на мелких фермах, для которых выбор канала сбыта – один из важнейших вопросов, в значительной степени определяющих их финансовое состояние.

Для *мелких фермеров*, которым недоступны каналы сбыта крупных коммерческих производителей из-за небольших объёмов производства, ограниченного ассортимента выращиваемой продукции, отсутствия высококвалифицированных специалистов по маркетингу и недостаточного финансирования, более приемлемой является *прямая реализация* выращенной продукции. В зависимости от финансовых возможностей фермера это может быть прямая продажа непосредственно конечному потребителю или поставки в рестораны, торговые сети и др.

Такой метод реализации имеет много достоинств: у фермера остаётся полный контроль за сбытом, качеством продукции, ценой, прямой сбыт приносит большую прибыль за счёт исключения посредников, обеспечивает тесный контакт с потребителем, а значит фермер лучше осведомлён о предпочтениях и вкусах, а потребитель благодаря личному контакту охотнее приобретает продукцию у фермера. Таким образом устанавливаются долговременные деловые отношения между фермером и потребителем. Среди недостатков: небольшой товарооборот, необходимость в инвестициях в сбытовую инфраструктуру – торговые точки и мощности для хранения, за счёт чего возрастают накладные расходы.

Прямой сбыт предоставляет фермеру большое число возможностей реализации выращенной продукции. Одни каналы существуют уже несколько десятилетий, другие появились совсем недавно. Наиболее распространённые каналы прямого сбыта это:

1. Фермерские рынки;
2. Придорожная торговля, мобильная торговля с машины;
3. Фермы самообслуживания;
4. Фермерские магазины;
5. Фермы, поддерживаемые местным сообществом (модель *CSA - community supported agriculture*);
6. Агротуризм;
7. Онлайн-торговля;
8. Сеть розничной торговли – продовольственные магазины, рестораны и предприятия общественного питания;
9. Общественные организации и учреждения – школы, университеты, медицинские стационары, дома престарелых и др.;
10. Региональные распределительные центры.

По каналам прямого сбыта реализуют преимущественно фрукты и овощи, половина овощеводческих и бахчевых ферм практикуют такой метод маркетинга. Популярностью потребителей пользуются также картофель, ягоды, молоко, яйца.

На прямой сбыт приходится небольшая доля всех продаж сельскохозяйственной продукции в аграрном секторе США. В 2015 г. в стране провели перепись производителей, практикующих прямые продажи, и было установлено, что такие каналы сбыта используют 167 тыс. ферм, или 7,5% общей численности фермерских хозяйств. Сумма реализованной сельскохозяйственной продукции составила 8,7 млрд долл., или немногим более 2% стоимости продукции, произведённой в

аграрном секторе США. При этом подавляющее большинство ферм, практикующих прямой сбыт (84%), имели годовой доход менее 50 тыс. долларов [11].

Схема

Структура и основные показатели прямого сбыта сельскохозяйственной продукции, 2015 г.

Основные каналы прямого сбыта с.х. продукции в США

Фермерские рынки	711 млн долл.	Школы, университеты	Продовольственные магазины
Фермерские магазины, лавки	1,3 млрд долл.	Больницы, дома престарелых	Рестораны, кафе
Фермы, поддерживаемые сообществом	226 млн долл.	Государственные и общественные учреждения	Региональные распределительные центры
Придорожная торговля	236 млн долл.		Пищевые перерабатывающие предприятия

Direct Farm Sales of Food Results from the 2015 Local Food Marketing Practices Survey ACH12-35. December 2016. Available at:

https://www.nass.usda.gov/Publications/Highlights/2016/LocalFoodsMarketingPractices_Highlights.pdf (accessed 23.03.2020)

Поскольку прямые каналы сбыта используют преимущественно мелкие фермеры, они реализуют продукцию *на местном или региональном рынке*, в радиусе от 50 до 150 км от места производства. Начинают они, как правило, с торговли на фермерском рынке или в собственном придорожном киоске. По мере роста доходов наращивают оборот торговли, увеличивают количество торговых точек и каналов реализации своей продукции, например, за счёт поставок продуктов в образовательные и медицинские учреждения, рестораны, а также продаж в фермерских магазинах.

Структура сбыта по прямым каналам, согласно данным сельскохозяйственной переписи 2015 г., представлена на схеме.

Из общего объёма поставок 35% продукции на сумму 3,0 млрд долл. фермеры продают через фермерские рынки, собственные магазины, палатки, придорожные киоски или фермы, поддерживаемые местным сообществом; 27% продукции на сумму 2,4 млрд долл. фермеры отправляют на розничный рынок – в супермаркеты, продовольственные магазины, рестораны, кафе и другие предприятия общественного питания, региональным распределительным центрам, пищевым компаниям; около 39% продукции на сумму 3,4 млрд долл. поставляют учреждениям: школам, колледжам, университетам, больницам.

Таблица

Ведущие штаты по стоимости прямых продаж фермерской продукции, 2015 г.

	Штаты	Стоимость, млн долл.
1	Калифорния	2896
2	Мичиган	459
3	Нью-Йорк	441
4	Пенсильвания	439
5	Висконсин	431
6	Техас	357
7	Вермонт	250
8	Массачусетс	229
9	Вирджиния	217
10	Айова	194
	США, всего	8747

2015 Census of Agriculture. Highlights. Direct Farm Sales of Food. Results from the 2015 Local Food Marketing Practices Survey. USDA. NASS. ACH12-35. December 2016. Available at:

https://www.nass.usda.gov/Publications/Highlights/2016/LocalFoodsMarketingPractices_Highlights.pdf (accessed 2.04.2021).

Штат Калифорния лидирует и по количеству ферм, реализующих продукцию по прямым каналам сбыта, и по объёму продаж. Доля штата в стоимости прямых продаж составляет 33%, доля ферм, практикующих такой способ сбыта, – всего 8%. В 2015 г. 14 315 калифорнийских фермеров реализовали свою продукцию по каналам прямого сбыта на сумму почти 2,9 млрд долл. С шестикратным отставанием за Калифорнией следуют штаты Мичиган, Нью-Йорк, Пенсильвания и Висконсин (см. табл.).

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСНОВНЫХ КАНАЛОВ ПРЯМОГО СБЫТА ФЕРМЕРСКОЙ ПРОДУКЦИИ

Фермерские рынки играют важную роль в реализации продукции, выращенной фермерами, особенно начинающими. Для этих целей используют автостоянки, часть улицы, перекрытой на время торговли, парки и т.д. Торгуют с машины, лотка, иногда устанавливают киоск с витринами, рекламирующими продукцию фермы. Объём продаж небольшой, а цены – на уровне розничных и выше. Плата на участие в фермерском рынке невысокая – в пределах арендной платы за место. Большая часть рынков работает сезонно и только 15% – круглый год. Они прохо-

дят в заранее определённые сроки и месте, сотрудники местного информационного бюро МСХ сообщают об этом населению, давая объявления в прессе, в интернете на сайтах Министерства, Директории или ассоциаций фермерских рынков, которые есть почти в каждом штате, и др. В 2018 г. 72% округов в США сообщили о наличии хотя бы одного фермерского рынка. Рынки пользуются популярностью у населения. В 2015 г. через них было реализовано 23% продукции, проданной по прямым сбытовым каналам, на сумму 711 млн долл. [5].

Численность фермерских рынков в США быстро растёт. С 2005 по 2014 г. их количество увеличилось более чем в 2 раза, до 8268 при средних темпах роста 13,5% в год. Количество поставщиков на рынке в среднем по стране составило 31 и количество покупателей за неделю – 959 [9].

Наибольшим количеством фермерских рынков выделяются штаты Огайо, Мичиган, Висконсин, Калифорния, Кентукки, Нью-Йорк, Айова, Иллинойс, Пенсильвания и Массачусетс.

Фермерские магазины

Реализация произведённой продукции через собственные магазины возможна лишь для фермеров с достаточно высоким уровнем дохода и имеющих свободные денежные средства для инвестирования в объекты торговли. Через этот канал в 2015 г. было реализовано 44% продукции на сумму 1,3 млрд долларов.

Придорожная торговля – ещё один канал прямого сбыта фермерской продукции. Разнообразие подобных торговых точек варьируется от прилавка с банкой из-под кофе для оплаты по системе «сколько дадите» до помещения с холодильником и несколькими работниками. Как правило, они располагаются вдоль дороги, имеют хороший съезд или стоянку. Ассортимент – от одного вида продукции до нескольких. Цены на этих «развалах» приближаются к розничным. В 2015 г. таким способом фермеры реализовали 8% продукции, прошедшей по прямым каналам сбыта, на сумму 236 млн долларов.

Фермы самообслуживания (U-Pick)

В таких хозяйствах выращивают сельскохозяйственную продукцию, ориентируясь на вкусы и запросы потребителей. Сбор урожая – одна из самых трудоёмких операций при выращивании фруктов и овощей – перекладывается на потенциальных покупателей, семьи, занимающиеся консервированием в домашних условиях. Обычно этот канал сбыта фермеры сочетают с другими возможностями прямой реализации: придорожная торговля, фермерские рынки и др.

Фермы, поддерживаемые местным сообществом (*community supported agriculture, CSA*), – это система производства и сбыта фермерской продукции, при которой потребитель, которым может быть житель местного поселения, городского микрорайона, любого другого населённого пункта, имеет возможность подписаться, то есть приобрести абонемент, на определённую часть урожая фермы. Такой метод обес-

печивает фермеру гарантированный рынок сбыта, наличные денежные средства, полученные от подписчиков до начала вегетационного периода, финансовую стабильность фермы и определённый уровень цен. Потребителю абонемент на предстоящий сезон гарантирует регулярное (в большинстве случаев еженедельное) получение набора заранее оговоренных продуктов, выращенных на данной ферме. Например, сезонные фрукты и овощи, яйца, молоко, мясо и др. Фермеры стараются поддерживать отношения со своими заказчиками, информируя их о том, что происходит в хозяйстве, приглашая на сбор урожая или на мероприятия, проходящие на ферме. Цены на абонемент определяются себестоимостью производства, накладными расходами и учитывают уровень доходов местного населения. Обычно стоимость абонемента колеблется от 400 до 600 долларов. При этом многие фермы имеют специальные предложения продуктов для малоимущих групп населения.

Поддерживаемое сообществом фермерское производство – относительно недавняя и инновационная концепция сбыта сельскохозяйственной продукции. А подписавшиеся потребители разделяют с фермером производственные риски, получая меньше или больше продуктов в еженедельном наборе в зависимости от количества собранного урожая.

По данным МСХ США, в стране в 2015 г. насчитывалось 7398 ферм, поддерживаемых сообществом. Известны примеры крупных хозяйств. Популярность такой формы реализации сельскохозяйственной продукции связана с повышением внимания американцев к здоровому образу жизни, правильному питанию и защите экологии. В последнее время стала популярной продажа продукции ферм, поддерживаемых сообществом, через интернет. Наиболее известная платформа, объединяющая фермеров, участвующих в интернет-торговле в США и Канаде – *LocalHarvest*. Этот сервис появился в 1999 г., чтобы помочь набирающему силу движению CSA., сейчас он объединяет более 10 тыс. фермеров.

Приведём несколько примеров таких ферм.

Ферма «Анджелик органикс» (*Angelic Organics*) в штате Иллинойс – одна из старейших в США, действует в данном сегменте рынка сельскохозяйственной продукции с 1990 г. В хозяйстве на площади 15 га выращивают органическую продукцию. У фермы более 40 подписчиков, живущих в окрестностях Чикаго, которым каждую неделю доставляют «продовольственную корзину» свежих овощей и зелени.

Другая ферма «Голден есворм органикс» (*Golden Earthworm Organic Farm*) – сертифицированное органическое хозяйство, основанное в 1996 году. На 32 га земли выращивают рукколу, свёклу, редис, баклажаны, фенхель, дыни, перец и другие овощи. Более 20 лет ферма участвует в сбыте по модели CSA, доставляя овощи заказчикам (6–9 наименований на сумму в 26,8 долл.) один раз в 2 недели. Кроме того, овощную продукцию реализуют в магазине фермы и на фермерском рынке, где фермер арендует торговое место. В сезон созревания клубники используют дополнительный канал сбыта: всех желающих приглашают на сбор и самостоятельный вывоз собранного урожая.

Основанная в 1990 г. в штате Нью-Йорк ферма «Роксбери» (*Roxbury Farm*) сегодня занимает более 160 га, на которых расположены фруктовые сады, луга, пастби-

ща, посевы овощных культур. Там выращивают органическую продукцию: фрукты – яблоки, абрикосы, виноград и т.д., всего восемь наименований; овощи – рукколу, свёклу, капусту брюссельскую, кочанную, цветную, брокколи, морковь и т.д., всего 13 наименований; а также производят мясо – говядину, свинину, баранину, мясную продукцию, выращивают индеек, цыплят-бройлеров. Покупатели на сайте фермы в интернете могут подписаться на поставку предлагаемой продукции. Помимо этого, хозяйство ежегодно поставляет продукты на сумму 100 тыс. долл. благотворительным столовыми и пунктам бесплатной раздачи продуктов питания.

Органическая ферма «Фарм фреш то ю» (*Farm Fresh To You*) в штате Калифорния была основана в 1992 г. Сегодня она занимает 242 га и у неё рекордное число подписчиков – более 13 тысяч. Хозяйство специализируется на производстве органических фруктов, овощей, мяса, молока, яиц, мёда и при этом предлагает большой выбор продуктов переработки – плодоовощной, мясомолочной, а также хлеб собственной выпечки. Всего более 100 наименований.

Агротуризм

Некоторые фермеры расширяют каналы сбыта своей продукции за счёт *агротуризма*, который привлекает на ферму, в первую очередь, семьи с детьми, которым интересна сельская жизнь и сельский труд. Посещая ферму, они знакомятся с её деятельностью, участвуют в полевых работах, совершают пешие, велосипедные или конные прогулки.

Агротуризм помогает американским фермерам и владельцам ранчо получать доход от развлекательных или познавательных мероприятий, которые проводят на ферме, привлекая гостей к сбору урожая, который они могут забрать с собой. Начинающие фермеры, а также малые и средние фермерские хозяйства всё чаще используют такой туризм для получения дополнительного дохода и поддержания финансовой стабильности и конкурентоспособности. Одновременно агротуризм помогает оживить сельскую экономику, предоставляя рабочие места для трудоустройства местных жителей.

Наиболее экономически перспективным для фермера туризм становится при условии, если ферма расположена рядом с природными достопримечательностями, национальными парками или в непосредственной близости от других мест активного отдыха населения, в густонаселённых районах и городских пригородах [4].

Согласно данным сельскохозяйственной переписи, доходы фермерского агротуризма с 2002 по 2017 г. выросли более чем в 3 раза, несмотря на то что в 2017 г. из числа фермерских хозяйств были исключены винодельни, хотя они входили в переписи за 2002, 2007 и 2012 гг. Однако в структуре доходов фермерского хозяйства доля агротуризма невелика. В 2017 г. она составила всего 5,6%.

Онлайн-торговля

Интернет – это не только возможность сбыта выращенной продукции, но также быстрый и простой способ общения с постоянными клиентами, удобный

способ рекламировать фермерский бизнес. В США более половины фермерских хозяйств имеют доступ к интернету. У многих фермеров есть собственный интернет-сайт, где размещена информация о специализации, членах семьи, что позволяет клиентам увидеть хозяйство и людей, которые там работают.

Выкладывая информацию о наличии продуктов – в свежем виде или в прошедших определённую переработку, фермеры имеют возможность обслуживать клиентов по всей стране. Но реальность такова, что в США растёт популярность движения «потребляем местное», что означает увеличение продаж сельскохозяйственной продукции, преимущественно органической, выращенной, как правило, в радиусе до 150 км [10].

Сегодня, в период пандемии коронавируса COVID-19 перспективы онлайн-торговли резко возросли, как и конкуренция на онлайн-рынке. Главный способ превзойти конкурента – широкий ассортимент продукции, её высокое качество и точность выполнения заказа.

Прямые поставки на розничный рынок

Данный канал сбыта объединяет поставки фермерской продукции в продовольственные магазины, супермаркеты и предприятия общественного питания. Причём, сеть предприятий розничной торговли за последние два десятилетия существенно расширилась. Появились магазины-склады, увеличили долю продаж продуктов питания аптеки и другие нетрадиционные продовольственные магазины и кафе, например, на автозаправочных станциях.

Инициатива поставок фермерской продукции в рестораны часто исходит от самих ресторанов, поскольку в стране растёт число клиентов, которым нравится высококачественная еда, приготовленная из продуктов местного производства. Рестораны налаживают деловые отношения с фермерами и даже указывают в меню название фермы и продукты, выращенные на ней, чтобы привлечь посетителей. Большая часть поставок приходится на свежие фрукты, овощи, картофель, яйца, цельное молоко.

Однако не многие фермеры могут самостоятельно реализовать свою продукцию через сеть розничной торговли и предприятия общественного питания. Этот сложный путь могут освоить лишь производители с достаточно высоким доходом, имеющие на ферме хранилища и готовые адаптировать количество, ассортимент и качество своей продукции под требования розничного рынка.

Сегодня сложно дать более детальную информацию о данном канале прямого сбыта фермерской продукции, поскольку МСХ США начало изучать его особенности, проводить опросы и собирать данные о хозяйствах, использующих местную систему сбыта для реализации выращенной продукции, всего несколько лет назад. В 2015 г. была проведена первая и пока единственная сельскохозяйственная перепись таких хозяйств. Согласно полученным данным, прямые поставки на розничный рынок в 2015 г. практиковали 23624 фермы, причём 85% хозяйств поставляли продукцию в рестораны, кафе и супермаркеты. Объём поставок составил 2,4 млрд долларов [8].

Прямые поставки учреждениям

Треть фермеров, практикующих прямой сбыт сельскохозяйственной продукции, поставляют ее государственным, образовательным и медицинским учреждениям, домам престарелых и др., а также пищевым компаниям, сбытовым кооперативам, распределительным центрам. Исследования этого канала находятся на начальной стадии.

Поставки фермерской продукции школам берут начало в конце 1990-х годов, когда правительство США, обеспокоенное проблемой детского ожирения (сегодня почти 32% детей в США имеют избыточный вес), разрешило включать в школьные обеды продукцию, выращенную на местных фермах – молочные продукты, фрукты, овощи, яйца, мед, мясо и фасоль. Продукты, поставляемые фермерами, были включены в Национальную программу школьных обедов, согласно рекомендациям которой разрабатывают меню школьных обедов.

Поставки сельскохозяйственной продукции школам регулирует Программа «От фермы школе», которую реализует МСХ США. По данным Национальной сети от фермы школе (*National Farm to School Network*), 44 % школ США участвуют в этой программе. Их число резко возросло за последнее десятилетие. Участие в программе фермерам обеспечивает гарантированный источник финансирования и рынок сбыта, а школам – свежие продукты для школьных обедов. Причём желающих включать в школьные обеды больше свежих фруктов и овощей и улучшать качество питания детей быстро растёт с одной и другой стороны. Это дополнительная поддержка не только мелких фермеров, но и местного сельского хозяйства и местной экономики.

Региональные распределительные центры

Особое место в системе прямого сбыта фермерской продукции занимают региональные распределительные центры (*Food Hubs*). Они представляют собой совместные предприятия, предлагающие комплекс услуг по продвижению сельскохозяйственной продукции на более крупные рынки. Их услугами за умеренную плату пользуются преимущественно местные и региональные сельскохозяйственные производители – мелкие, средние и начинающие фермеры. По данным 2013 г., около 80% таких центров принимали продукцию, выращенную в хозяйствах с объёмом продаж менее 500 тыс. долл., причём треть фермеров относилась к категории начинающих (то есть они занимались сельским хозяйством менее десяти лет) [6].

Региональные распределительные центры складировывают продукцию, охлаждают, доводят её до востребованного рынком качества и поставляют на оптовые рынки, в торговые сети или крупным торговым компаниям, беря на себя соответствующие логистические функции. Кроме того, центры пользуются услугами независимых лабораторий, которые проводят анализы на содержание пестицидов и нитратов. Нормы и стандарты жёсткие, особенно для овощей категории «органические».

Большинство центров отдаёт предпочтение органической продукции, которая пользуется повышенным спросом на рынке. Согласно опросу «Нэшнл Фуд Хаб Сервей» (*National Food Hub Survey*) 2013 г., более 70% распределительных центров работали с органической продукцией растительного происхождения и более 60% – животного.

Помимо услуг по сбыту фермерской продукции многие центры предлагают производителям техническую помощь по доставке продукции специальным транспортом, чтобы сохранить её высокое качество. Более 40% распределительных центров предлагают услуги по обработке и сортировке собранного урожая, услуги по управлению бизнесом, обучению методам обеспечения безопасности пищевых продуктов.

Центры имеют разные организационно-правовые формы. В 2015 г. в США насчитывалось 302 распределительных центра, 40% из которых были зарегистрированы как *частные компании*, около 30% – *некоммерческие организации* и 20% – как *кооперативы*. При этом 40% работали с продуктами местных фермеров, находящихся в радиусе 100 км [6].

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Система сбыта сельскохозяйственной продукции – одно из важнейших направлений государственной поддержки сельского хозяйства в США. Это неотъемлемая часть аграрной политики государства. Её сущность сводится к расширению существующих и поиску новых рынков сбыта, облегчению доступа к ним индивидуальных сельскохозяйственных производителей и корпораций, научно-информационному обеспечению, контролю качества поступающей на рынок сельскохозяйственной продукции, её безопасности и питательной ценности с помощью административных и финансовых мер.

Для выполнения перечисленных масштабных задач в 1939 г. в МСХ США была создана Служба сельскохозяйственного маркетинга – ССМ (*Agricultural Marketing Service, AMS*). В 2017 г. для расширения формата обслуживания фермеров и повышения эффективности сбыта к ССМ присоединили Зерновую инспекцию (*Grain Inspection*), Управление боен и скотопригонных площадок (*Packers, and Stockyards Administration*), а также передали в её ведение несколько государственных программ, которые ранее курировало Управление обслуживания фермеров (*Farm Service Agency, FSA*).

Сегодня ССМ оказывает консультативную, техническую и финансовую помощь не только фермерам, но и потребителям фермерской продукции, сотрудничает с множеством организаций, совершенствуя условия сбыта, создавая новые рынки как внутри страны, так и за рубежом, облегчая доступ на них американским производителям сельскохозяйственной продукции.

Основными направлениями деятельности ССМ являются:

1. Финансовая и непрямая поддержка фермеров:

- **Финансовая поддержка** фермеров в расширении каналов и объема сбыта выращенной продукции;
- **Формирование и стимулирование** (за счет системы льгот и скидок) **спроса** на высококачественную плодоовощную продукцию, особенно среди детей, малообеспеченных семей и социально незащищённых слоёв общества;
- Техническая помощь и финансовая **поддержка в строительстве** новых торговых площадок или реконструкции уже существующих объектов;
- **Закупка** сельскохозяйственных продуктов, выращенных или переработанных в США, и распределение их среди американских школ, благотворительных продовольственных фондов, малообеспеченных семей по всей стране, а также поставка уязвимым группам населения по всему миру;

2. Инспектирование, сертификация, тестирование:

- Проведение **инспектирования** зерна, бобовых, масличных культур, говядины, баранины, птицы, яиц, масла, хлопка, фруктов и овощей, продуктов их переработки, включая товары, идущие на экспорт, соблюдение норм безопасности продовольствия Управления боен и скотопригонных площадок, Федеральной службы зерновой инспекции, закона «О скоропортящихся сельскохозяйственных товарах»;
- **Сертификация органической продукции**, проведение аккредитации частных, иностранных или государственных организаций на право сертифицировать фермы или перерабатывающие предприятия как органические;
- **Лабораторное тестирование** и сертификация продовольствия и сельскохозяйственной продукции, реализуемой внутри страны и поставляемой на экспорт;
- **Тестирование** семян сельскохозяйственных культур и овощей;
- Определение остаточных количеств **пестицидов** и контроль их содержания в сельскохозяйственной продукции в соответствии с Национальной программой мониторинга остатков пестицидов, и создание полной базы данных;

3. Информационные и прочие услуги:

- Обеспечение защиты **интеллектуальной собственности** селекционерам новых сортов сельскохозяйственных культур;
- Предоставление **рыночной информации** на уровне местных сообществ, регионов или штатов о потребностях и наличии сельскохозяйственной продукции, объёмах, сроках поставки и т.д.;
- **Верификация** документов, подтверждающая правильность их оформления для экспорта домашнего скота, птицы, яиц, молочных продуктов и специальных сельскохозяйственных культур, а также гарантирующая соблюдение норм и стандартов качества импортируемых в страну фруктов и овощей;
- Предоставление **складских** услуг;
- Предоставление услуг **аудита** в соответствии с международными стандартами.

Основным инструментом достижения заявленных целей являются государственные программы. Служба сельскохозяйственного маркетинга реализует десятки программ различной направленности. Чтобы оценить масштаб государ-

ственной помощи, диапазон полномочий и вопросов, которые входят в компетенцию службы, рассмотрим некоторые из них:

Финансовая поддержка сбыта

Программа *Содействие фермерским рынкам и продвижение местных продуктов питания (Farmers Market and Local Food Promotion Program)* призвана оказывать финансовую помощь в развитии и расширении прямых каналов сбыта, таких как фермерские рынки, фермы, поддерживаемые местными сообществами, придорожные киоски, агротуризм, интернет-торговля и другие формы прямого сбыта, включая прямые поставки в розничные магазины, рестораны и учреждения. Гранты могут быть использованы для создания инфраструктуры, обучения, информационно-разъяснительной работы, проведения анализа рынка, опросов покупателей и производителей, открытия новых торговых площадок. Бюджет программы около 11,75 млн долл. на год. В соответствии с Сельскохозяйственным законом 2018 г., программа вошла в комплексную программу *Местный сельскохозяйственный рынок (Local Agriculture Market Program)*.

Программа *Микрогранты для обеспечения продовольственной безопасности (Micro Grants for Food Security Program)* депрессивных сельских территорий и штатов для стимулирования производства и сбыта сельскохозяйственной продукции. В 2020 г. Служба сельскохозяйственного маркетинга выделила 4,4 млн долл. на финансирование сельскохозяйственного производства на Аляске, в Американском Самоа, Содружестве Северных Марианских островов, на Гуаме, Гавайях и Виргинских островах.

Программа *Партнёрства региональной продовольственной системы (Regional Food System Partnerships)* оказывает финансовую поддержку совместным проектам с участием государственных и частных организаций, занимающихся планированием и развитием местных или региональных продовольственных систем. В 2020 г. такую поддержку получили 23 проекта в 15 штатах.

Программы *поддержки сбыта определенной продукции* охватывают широкий ассортимент сельскохозяйственной продукции, об этом можно судить по их названиям: программа *Гранты на производство и сбыт овец (Sheep Production and Marketing Grant Program)*, программа *Гранты на специальные сельскохозяйственные культуры (Specialty Crop Block Grant Program)*, программа *Стимулирование инноваций в молочном бизнесе (Dairy Business Innovation Initiative)*, программа *Гранты на развитие рынка сельскохозяйственной продукции с добавленной стоимостью (Value-Added Agricultural Product Market Development Grants)*. Государство не только стимулирует развитие системы сбыта сельскохозяйственной продукции, повышение его эффективности, но также контролирует её **качество и безопасность**, способствуя формированию спроса населения на «здоровые» продукты питания, реализуя программы стимулирования здорового питания, контроля качества сельскохозяйственной продукции.

Так, программа *Стимулирование безопасности продовольствия (Food Insecurity Nutrition Incentive)* на конкурсной основе предоставляет гранты фер-

мерским рынкам, которые на льготных условиях продают свежие фрукты и овощи местного производства покупателям с низкими доходами (и которые одновременно являются участниками программы *Дополнительной продовольственной помощи* (*Supplemental Nutrition Assistance Program, SNAP*). Такие меры дают возможность улучшить качество питания малообеспеченных американцев, с одной стороны, а с другой – способствуют расширению фермерской торговли. Программа была впервые учреждена Сельскохозяйственным законом 2014 г. с финансированием в размере 100 млн долл. Согласно закону 2018 г., финансирование увеличено до 250 млн долларов.

Пилотный проект *От фермы школе* по закупке фруктов и овощей, действующий в восьми штатах с 2012 г., по которому школам, некоммерческим организациям, государственным и местным агентствам, производителям сельскохозяйственной продукции и организациям американских индейцев ежегодно на конкурсной основе выделяются гранты на сумму около 5 млн долл. для увеличения закупок продуктов питания для школ, а также для проведения теоретических и практических занятий по земледелию, кулинарии.

Министерство сельского хозяйства уделяет приоритетное внимание проектам, поддерживающим **местные и региональные продовольственные системы, а также малообеспеченные слои населения.**

Программа *Финансовое стимулирование здорового питания* (*Healthy Food Financing Initiative*), по которой министерство через своего представителя выдает гранты на ремонт или расширение объекта розничной торговли и предоставляет техническую помощь в изучении рынка, планировании бизнеса в сообществах с низким доходом. Объём финансирования программы составляет 125 млн долл. Программа играет важную роль в оживлении экономики, создании рабочих мест и улучшении доступа к «здоровым» продуктам питания. Сегодня в рамках программы выдано более 220 млн долл. в виде грантов, реализовано около 1 тыс. проектов в 35 штатах.

Общественные продовольственные проекты (*Community Food Projects*) – Программа грантов на улучшение **продовольственного обеспечения малоимущих жителей** сельского сообщества за счёт развития сельскохозяйственного производства на местном уровне, приобретения оборудования, проведения инновационных маркетинговых мероприятий в интересах фермеров и потребителей с низкими доходами. Бюджет программы – 5 млн долл. в год. Грант предоставляется фермерам, некоммерческим организациям, этническим организациям, сбытовым и потребительским кооперативам с низкими доходами.

Программы финансирования исследований проблем сбыта

Служба сельскохозяйственного маркетинга привлекает университеты, федеральные и зарубежные научные организации и агентства для изучения проблем, связанных с доступом на продовольственный рынок, развитием местных и региональных продовольственных систем. Эти исследования финансируются в рамках многочисленных программ сбыта определенных видов сельскохозяйственной

продукции, тогда как **Федеральная государственная программа совершенствования маркетинга** (*Federal State Marketing Improvement Program*) финансирует исследования и инновационные проекты, направленные на поиск новых рынков или повышение эффективности системы сбыта сельскохозяйственной продукции на уровне штатов. Её бюджет составляет более 1 млн долл. в год.

Информационное обеспечение сбыта

Особую роль в повышении эффективности сбыта сельскохозяйственной продукции играет информационное обеспечение всех участников системы сбыта. Более 100 лет новости сельскохозяйственного и продовольственного рынка, публикуемые МСХ США в многочисленных отчётах, новостных информационных листках, предоставляют сведения, необходимые для оценки текущей рыночной ситуации, тенденций и решений о покупке или продаже. На интернет-сайте Министерства сельского хозяйства размещена информация о каналах прямого сбыта – фермерских рынках, фермах, поддерживаемых местным сообществом, и региональных распределительных центрах, их местоположении, режиме работы, а также о программах, реализуемых министерством.

Более глубокие аналитические исследования рынка проводит ССМ. Её отдел маркетинга (*Marketing Services Division, MSD*) изучает, организует и предоставляет техническую помощь местным фермерам в продвижении выращенной продукции на рынок, повышении эффективности сбыта, в освоении новых рынков. В качестве поставщика технической помощи этот отдел делится результатами своих исследований со всеми заинтересованными сторонами, включая получателей грантов, менеджеров фермерских рынков, производителей сельскохозяйственной продукции и научные организации.

Аналитический отдел собирает и систематизирует данные, касающиеся производства и сбыта сельскохозяйственной продукции, исследуя влияние различных факторов на местные и региональные каналы сбыта.

Транспортный отдел проводит мониторинг грузовых, железнодорожных, речных и морских перевозок сельскохозяйственной продукции по стране и за рубежом, составляет отчёты о сбоях при её транспортировке, которые предоставляет транспортным компаниям.

Служба сельскохозяйственного маркетинга содействует экспорту продукции американских фермеров за рубеж, осуществляя в рамках соответствующих программ экспертизу и сертификацию сельскохозяйственных товаров. Яркий пример – проведение сертификации говядины и возобновление поставок в Китай, впервые за последние 13 лет. По программе экспортной сертификации продукции, предназначенной для вывоза в ЕС, Служба выдала 13 тыс. сертификатов на миндаль на сумму 1,7 млрд долл. Всего в программах экспортной сертификации ССМ в 2017 г. участвовала продукция на сумму 3,8 млрд долл., включая зерно, яйца, молоко и молочные продукты.

В 2017 г. Служба инициировала заключение соглашений между государственными и частными компаниями на сумму около 1 млн долл., предусматри-

вающих улучшение транспортной инфраструктуры на местном, штатном и федеральном уровне для экспорта сельскохозяйственной продукции, производимой в сельских регионах Америки, на международные рынки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, прямой сбыт сельскохозяйственной продукции — это нишевый рынок, на котором реализуют 2% продукции аграрного сектора в США, причём, преимущественно органической, спрос на которую в последние годы стремительно растёт. Благодаря прямому контакту фермера и потребителя в стране на местном и региональном уровнях развивается производство продуктов питания, пользующихся спросом населения, поддерживаются традиции здорового питания и в конечном счёте формируется национальный рынок высококачественной сельскохозяйственной продукции. Местные продукты стали больше, чем модные слова. Сегодня это движение является одним из приоритетов аграрной политики и финансирования Министерства сельского хозяйства США.

Каналы прямого сбыта используют преимущественно мелкие и средние фермеры, чья финансовая стабильность в значительной степени зависит от эффективности реализации выращенной ими продукции. При этом фермы, практикующие прямой сбыт, по оценке специалистов, экономически более устойчивы, чем аналогичные по размеру хозяйства, реализующие выращенную продукцию через посредников.

Стремясь сохранить мелкие семейные фермы как важную часть местных сельских сообществ, МСХ США оказывает всестороннюю поддержку фермерам, проводя многочисленные программы финансирования, обучения, технической поддержки, предлагает помощь в решении проблем сбыта произведённой продукции, особенно в нынешних условиях внедрения инновационных технологий в продвижении товаров на рынок, когда каналы сбыта диверсифицируются и становятся всё более сложными.

ИСТОЧНИКИ

1. Ag and Food Statistics: Charting the Essentials. Ag and Food Sectors and the Economy. Available at: <https://www.ers.usda.gov/data-products/ag-and-food-statistics-charting-the-essentials/ag-and-food-sectors-and-the-economy/> (accessed 23.03.2021).

2. Assets, Debt, and Wealth. USDA. ERS. Available at: <https://www.ers.usda.gov/topics/farm-economy/farm-sector-income-finances/assets-debt-and-wealth/> (accessed 5.04.2021).

3. Christine Whitt, Jessica E. Todd, James M. Macdonald. America's Diverse Family Farms 2020 Edition. USDA. ERS. Economic Information Bulletin Number 220. December 2020. Available at: <https://www.ers.usda.gov/publications/pub-details/?pubid=100011> (accessed 15.03.2021).

4. Christine Whitt, Sarah A. Low, and Anders Van Sandt. Agritourism Allows Farms To Diversify and Has Potential Benefits for Rural Communities. Amber Waves.

November 04, 2019. USDA. ERS. Available at: <https://www.ers.usda.gov/amber-waves/2019/november/agritourism-allows-farms-to-diversify-and-has-potential-benefits-for-rural-communities/> (accessed 17.04.2021).

5. Garry Stephenson. Direct Marketing Channels and Strategy for Organic Products. eOrganic. Oregon State University. Available at: <https://eorganic.org/node/1493> (accessed 17.03.2021)

6. James Matson, Martha Sullins, and Chris Cook. The Role of Food Hubs in Local Food Marketing. USDA. Rural Development Service. Report 73. January 2013. Available at: <https://www.rd.usda.gov/files/sr73.pdf> (accessed 21.04.2021).

7. Local and Regional Foods. USDA. ERS. Available at: <https://www.ers.usda.gov/agriculture-improvement-act-of-2018-highlights-and-implications/local-and-regional-foods/> (accessed 12.03.2021).

8. Local Food Marketing Practices. USDA. NASS. Census of Agriculture. Available at: https://www.nass.usda.gov/Publications/AgCensus/2012/Online_Resources/Local_Food/index.php (accessed 5.04.2021).

9. Low, Sarah A., Aaron Adalja, a.o. Trends in U.S. Local and Regional Food Systems, AP-068, USDA. ERS. January 2015. Available at: https://www.ers.usda.gov/webdocs/publications/42805/51173_ap068.pdf?v=84033 (accessed 19.03.2021)

10. Robert P. King, Michael S. Hand, Gigi DiGiacomo, a.o. Comparing the Structure, Size, and Performance of Local and Mainstream Food Supply Chains. USDA. ERS. Report Number 99. June 2010. Available at: https://arefiles.ucdavis.edu/uploads/filer_public/2014/06/19/comparing-the-structure-size-and-performance.pdf (accessed 23.03.2021).

11. 2015 Census of Agriculture. Highlights. Direct Farm Sales of Food. Results from the 2015 Local Food Marketing Practices Survey. USDA. NASS. ACH12-35/ December 2016 Available at: https://www.nass.usda.gov/Publications/Highlights/2016/LocalFoodsMarketingPractices_Highlights.pdf (accessed 10.03.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОРОТКИХ Алла Андреевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН), Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Alla A. KOROTKIKH, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 2.06.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 15.06.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 17.06.2021.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Лицензия на право ведения образовательной деятельности в сфере профессионального образования серия 90Л01 № 0009385 от 09.08.2016 г. Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24.07.2019 г.

Осуществляет приём студентов очного (дневного) отделения по направлениям бакалавриата (срок обучения – 4 года):

- «**международные отношения**», направление подготовки: 41.03.05
- «**зарубежное регионоведение**», направление подготовки: 41.03.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи ЕГЭ по предметам:

История России; Иностранный язык; Русский язык

по направлению **магистратуры** (срок обучения - 2 года)

- «**зарубежное регионоведение**» (Американские исследования), направление подготовки: 41.04.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи экзамена по зарубежному регионоведению и по итогам собеседования.

Телефон приёмной комиссии: 8(499) 238-04-12.

Адрес факультета: 121814, Москва, переулок Хлебный, д. 2/3. (м. «Арбатская»); 109004, Москва, переулок Тетеринский, д. 12, стр. 5 (м. «Таганская»)

Сайт факультета: www.fmp.redline.ru, www.iskran.ru

Сайт ГАУГН: www.gaugn.ru

Электронный адрес: worldpolitics@mail.ru

Факультет мировой политики (ФМП) ГАУГН основан в 2000 г. на базе **Института США и Канады РАН (ИСКРАН)** – ведущего российского научного центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Декан факультета – научный руководитель ИСКРАН, академик РАН С.М.Рогов. Факультет входит в структуру Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) – высшего учебного заведения, созданного благодаря сотрудничеству Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Президент ГАУГН – академик РАН, профессор А.О. Чубарьян, ректор – Д.В. Фомин-Нилов. В ГАУГН действуют 10 факультетов, каждый из которых базируется в профильном институте РАН.

Учебные планы и программы обучения, составленные на основе государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям бакалавриата и магистратуры “Зарубежное регионоведение” и “Международные отношения”, предусматривают изучение общих гуманитарных, естественнонаучных, профессиональных и специальных дисциплин, предметов по выбору студента, а также дополнительных и факультативных дисциплин.

Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, дает студентам факультета уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава ФМП составляют научные сотрудники Института США и Канады РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО (У) МИД РФ, МГУ, МГЛУ, а также в ведущих университетах США и стран Западной Европы.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru